

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Поэмы 1835–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов

Боярин Орша*

Глава I

Then burst her heart in one long shriek,

And to the earth she fell like stone

Or statue from its base o'erthrown.

Byron. [1]

Во время оно жил да был
В Москве боярин Михаил,
Прозваньем Орша. – Важный сан
Дал Орше Грозный Иоанн;
Он дал ему с руки своей
Кольцо, наследие царей;
Он дал ему в веселый миг
Соболью шубу с плеч своих;
В день воскресения Христа
Поцеловал его в уста
И обещался в тот же день
Дать тридцать царских деревень
С тем, чтобы Орша до конца
Не отлучался от дворца.
Но Орша нравом был угрюм:
Он не любил придворный шум,
При виде трепетных льстецов
Щипал концы седых усов,
И раз, опричным огорчен,
Так Иоанну молвил он:
«Надежа-царь! пусти меня
На родину – я день от дня
Всё старе – даже не могу
Обиду выместить врагу:
Есть много слуг в дворце твоём.
Пусти меня! – мой старый дом
На берегу Днепра крутом
Близ рубежа Литвы чужой
Оброс могильною травой;
Пробудь я здесь еще хоть год,
Он догниет – и упадет;
Дай поклониться мне Днепру...
Там я родился – там умру!»
И он узрел свой старый дом.
Покои темные кругом
Уставил златом и серебром;
Икону в ризе дорогой
В алмазах, в жемчуге, с резьбой
Повесил в каждом он углу,
И запестрелись на полу
Узоры шелковых ковров.
Но лучше царских всех даров
Был божий дар – младая дочь;
Об ней он думал день и ночь,
В его глазах она росла
Свежа, невинна, весела,
Цветок грядущего святой,
Былого памятник живой!
Так средь развалин иногда
Растет береза: молода,
Мила над плитами гробов
Игрою шепчущих листов,
И та холодная стена

. . .
Туманно в поле и темно,
Одно лишь светится окно
В боярском доме – как звезда
Сквозь тучи смотрит иногда.
Тяжелый звякнул уж затвор,
Угрюм и пуст широкий двор.
Вот, испытав замки дверей,
С гремучей связкою ключей
К калитке сторож подошел
И взоры на небо возвел:
«А завтра быть грозе большой! –
Сказал крестьясь старик седой, –
Смотри-ка, молния вдали
Так и доходит до земли,
И белый месяц, как монах,
Завернут в черных облаках;
И воет ветер будто зверь.
Дай кучу злата мне теперь,
С конюшни лучшего коня
Сейчас седлайте для меня,
Нет, не отъеду от крыльца
Ни для родимого отца!»
Так рассуждая сам с собой,
Кряхтя, старик пошел домой.
Лишь вдалеке едва гремят
Его ключи – вокруг палат
Всё снова тихо и темно,
Одно лишь светится окно.
Всё в доме спит – не спит один
Его угрюмый властелин
В покое пышном и большом
На ложе бархатном своем.
Полусгоревшая свеча
Пред ним, сверкая и треща,
Порой на каждый льет предмет
Какой-то странный полусвет.
Висят над ложем образа;
Их ризы блещут, их глаза
Вдруг оживляются, глядят –
Но с чем сравнить подобный взгляд?
Он непонятней и страшней
Всех мертвых и живых очей!
Томит боярина тоска;
Уж поздно. Под окном река
Шумит – и с бурей заодно
Гремучий дождь стучит в окно.
Чернеет тень во всех углах –
И – странно – Оршу обнял страх!
Бывал он в битвах, хоть и стар,
Против поляков и татар,
Слышал он грозный царский глас,
Встречал и взор, в недобрый час:
Ни разу дух его крутой
Не ослабел перед бедой;
Но тут, – он свистнул, и взошел
Любимый раб его, Сокол.
И молвил Орша: «Скучно мне,
Всё думы черные одне.
Садись поближе на скамью,
И речью грусть рассей мою..
Пожалуй, сказку ты начни
Про прежние златые дни,
И я, припомнив старину,
Под говор слов твоих засну».
И на скамью присел Сокол
И речь такую он завел:

«Жил–был за тридевять земель
В тридцатом княжестве отсель
Великий и премудрый царь.
Ни в наше времечко, ни встарь
Никто не видывал пышней
Его палат – и много дней
В весельи жизнь его текла,
Покуда дочь не подросла.
«Тот царь был слаб и хил и стар,
А дочь непрочный ведь товар!
Ее, как лучший свой алмаз,
Он скрыл от молодецких глаз;
И на его царевну дочь
Смотрел лишь день да темна ночь,
И целовать красотку мог
Лишь перелетный ветерок.
«И царь тот раза три на дню
Ходил смотреть на дочь свою;
Но вздумал вдруг он в темну ночь
Взглянуть, как спит младая дочь.
Свой ключ серебряный он взял,
Сапожки шелковые снял,
И вот приходит в башню ту,
Где скрыл царевну–красоту!..
«Вошел – в светлице тишина;
Дочь сладко спит, но не одна;
Припав на грудь ее главой
С ней царский конюх молодой.
И прогневился царь тогда,
И повелел он без суда
Их вместе в бочку засмолить
И в сине море укатить...»
И быстро на устах раба,
Как будто тайная борьба
В то время совершалась в нем,
Улыбка вспыхнула – потом
Он очи на небо возвел,
Вздыхнул и смолк. «Ступай, Сокол! –
Махнув дрожащею рукой,
Сказал боярин, – в час иной
Расскажешь сказку до конца
Про оскорбленного отца!»
И по морщинам старика,
Как тени облака, слегка
Промчались тени черных дум,
Встревоженный и быстрый ум
Вблизи предвидел много бед.
Он жил: он знал людей и свет,
Он злом не мог быть удивлен;
Добру ж давно не верил он,
Не верил, только потому,
Что верил некогда всему!
И вспыхнул в нем остаток сил,
Он с ложа мягкого вскочил,
Соболью шубу на плеча
Накинул он – в руке свеча,
И вот дрожа идет скорей
К светлице дочери своей.
Ступени лестницы крутой
Под тяжкою его стопой
Скрыпят – и свечка раза два
Из рук не выпала едва.
Он видит, няня в уголке
Сидит на старом сундуке
И спит глубоко, и порой
Во сне качает головой;
На ней, предчувствием объят,
На миг он удержал свой взгляд

И мимо – но послыша стук,
Старуха пробудилась вдруг,
Перекрестилась, и потом
Опять заснула крепким сном,
И, занята своей мечтой,
Вновь закачала головой.
Стоит боярин у дверей
Светлицы дочери своей
И чутким ухом он приник
К замку – и думает старик:
«Нет! непорочна дочь моя,
А ты, Сокол, ты раб, змея,
За дерзкий, хитрый свой намек
Получишь гибельный урок!»
Но вдруг... о горе, о позор!
Он слышит тихий разговор!..
1-й голос

О! погоди, Арсений мой!
Вчера ты был совсем другой.
День без меня – и миг со мной?..
2-й голос

Не плачь... утешься! – близок час
И будет мир ничто для нас.
В чужой, но близкой стороне
Мы будем счастливы одне,
И не раба обнимешь ты
Среди полночной темноты.
С тех пор, ты помнишь, как чернец
Меня привез, и твой отец
Вручил ему свой кошелек,
С тех пор задумчив, одинок,
Тоской по вольности томим,
Но нежным голосом твоим
И блеском ангельских очей
Прикован у тюрьмы моей,
Придумал я свой край родной
Навек оставить, но с тобой!..
И скоро я в лесах чужих
Нашел товарищей лихих,
Бесстрашных, твердых как булат.
Людской закон для них не свят,
Война их рай, а мир их ад.
Я отдал душу им в заклад,
Но ты моя – и я богат!..
И голоса замолкли вдруг.
И слышит Орша тихий звук,
Звук поцелуя... и другой...
Он вспыхнул, дверь толкнул рукой
И исступленный и немой
Предстал пред бледною четой..
. . .

Боярин сделал шаг назад,
На дочь он кинул злобный взгляд,
Глаза их встретились – и вмиг
Мучительный, ужасный крик
Раздался, пролетел – и стих.
И тот, кто крик сей услышал,
Подумал, верно, иль сказал,
Что дважды из груди одной
Не вылетает звук такой.
И тяжело на цветной ковер,
Как труп бездушный с давних пор,
Упало что-то. – И на зов
Боярина толпа рабов,
Во всем послушная орда,
Шумя сбегалась тогда,

И без усилий, без борьбы
Схватили юношу рабы.
Нем и недвижим он стоял,
Покуда крепко обвивал
Все члены, как змея, канат;
В них проникал могильный хлад
И сердце громко билось в нем
Тоской, отчаяньем, стыдом.
Когда ж безумца увели
И шум шагов умолк вдали,
И с ним остался лишь Сокол,
Боярин к двери подошел;
В последний раз в нее взглянул,
Не вздрогнул, даже не вздохнул
И трижды ключ перевернул
В ее заржавленном замке...
Но... ключ дрожал в его руке!
Потом он отворил окно:
Всё было на небе темно,
А под окном меж диких скал
Днепр беспокойный бушевал.
И в волны ключ от двери той
Он бросил сильною рукой,
И тихо ключ тот роковой
Был принят хладною рекой.
Тогда, решив свою судьбу,
Боярин верному рабу
На волны молча указал,
И тот поклоном отвечал...
И через час уж в доме том
Всё спало снова крепким сном,
И только не спал в нем один
Его угрюмый властелин.

Глава II

The rest thou dost already know,
And all my sins, and half my woe,
But talk no more of penitence...

Byron. [2]

Народ кипит в монастыре;
У врат святых и на дворе
Рабы боярские стоят.
Их копья медные горят,
Их шапки длинные кругом
Опушены густым бобром;
За кушаком блестят у них
Ножны кинжалов дорогих.
Меж них стремянный молодой,
За гриву правую рукой
Держа боярского коня,
Стоит; по временам звеня
Стремена бьются о бока;
Истерт ногами седока
В пыли малиновый чепрак;
Весь в мыле серый аргамак,
Мотает гривую густой,
Бьет землю жилистой ногой,
Грызет с досады удила,
И пена легкая, бела,
Чиста как первый снег в полях,
С железа падает на прах.
Но вот обедня отошла;
Гудят, режут колокола;
Вот слышно пенье – из дверей
Мелькает длинный ряд свечей;
Вослед игумену-отцу

Монахи сходят по крыльцу
И прямо в трапезу идут:
Там грозный суд, последний суд
Произнесет отец святой
Над бедной грешной головой!
Безмолвна трапеза была.
К стене налево два стола
И пышных кресел полукруг,
Изделие иноческих рук,
Блистали тканью парчевой;
В большие окна свет дневной,
Врываясь белой полосой,
Дробясь в искры по стеклу,
Играл на каменном полу.
Резьбою мелкою стена
Была искусно убрана,
И на двери в кружках золотых
Блистали образа святых.
Тяжелый, низкий потолок
Расписывал как знал, как мог
Усердный инок... жалкий труд!
Отнявший множество минут
У бога, дум святых и дел:
Искусства горестный удел!..
На мягких креслах пред столом
Сидел в бездействии немом
Боярин Орша. Иногда
Усы седые, борода,
С игривым встретившись лучом,
Вдруг отливали серебром,
И часто кудри старика
От дуновенья ветерка
Приподнимались слегка.
Движеньем пасмурных очей
Нередко он искал дверей,
И в нетерпении порою
Он по столу стучал рукой.
В конце противном залы той
Один, в цепях, к нему спиной,
Покрыт одеждою раба
Стоял Арсений у столба.
Но в молодом лице его
Вы не нашли б ни одного
Из чувств, которых смутный рой
Кружится, вьется над душой
В час расставания с землей.
Хотел ли он перед врагом
Предстать с бесчувственным челом,
С холодной важностью лица,
И мстить хоть этим до конца?
Иль он невольно в этот миг
Глубокой мыслию постиг,
Что он в цепи существ давно
Едва ль не лишнее звено?..
Задумчив он смотрел в окно
На голубые небеса;
Его манила их краса;
И кудри легких облаков,
Небес серебряный покров,
Неслись свободно, быстро там,
Кидая тени по холмам;
И он увидел: у окна
Заботой резвою полна
Летала ласточка – то вниз,
То вверх под каменный карниз
Кидалась с дивной быстротой
И в щели пряталась сырой;
То, взвившись на небо стрелой,

Тонула в пламенных лучах...
И он вздохнул о прежних днях,
Когда он жил, страстям чужой,
С природой жизнью одной.
Блеснули тусклые глаза,
Но этот блеск был – не слеза;
Он улыбнулся, но жесток
В его улыбке был упрек!
И вдруг раздался звук шагов,
Невнятный говор голосов,
Скрып отворяемых дверей...
Они! – взошли! – толпа людей
В высоких, черных клобуках
С свечами длинными в руках.
Согбенный тягостью вериг
Пред ними шел слепой старик,
Отец игумен. – Сорок лет
Уж он не знал, что божий свет;
Но ум его был юн, богат,
Как сорок лет тому назад.
Он шел, склонясь на посох свой,
И крест держал перед собой;
И крест осыпан был кругом
Алмазами и жемчугом.
И трость игумена была
Слоновой кости, так бела,
Что лишь с седой его бородой
Могла равняться белизной.
Перекрестясь, он важно сел
И пленника подвесьть велел,
И одного из чернецов
Позвал по имени: – суров
И холоден был вид лица
Того святого чернеца.
Потом игумен, наклонясь,
Сказал боярину смеясь
Два слова на ухо. В ответ
На сей вопрос или совет
Кивнул боярин головой...
И вот слепец махнул рукой!
И понял данный знак монах,
Укор готовый на устах
Словами книжными убрал
И так преступнику вещал:
«Безумный, бренный сын земли!
Злой дух и страсти привели
Тебя медовою тропой
К границе жизни сей земной.
Грешил ты много, но из всех
Грехов страшней последний грех.
Простить не может суд земной,
Но в небе есть судья иной:
Он милосерд – ему теперь
При нас дела свои поверь!»
Арсений

Ты слушать исповедь мою
Сюда пришел! – благодарю.
Не понимаю, что была
У вас за мысль? – мои дела
И без меня ты должен знать,
А душу можно ль рассказать?
И если б мог я эту грудь
Перед тобою развернуть,
Ты верно не прочел бы в ней,
Что я бессовестный злодей!
Пусть монастырский ваш закон
Рукою бога утвержден,

Но в этом сердце есть другой
Ему не менее святой:
Он оправдал меня – один
Он сердца полный властелин!
Когда б сквозь бедный мой наряд
Не проникал до сердца яд,
Тогда я был бы виноват.
Но всех равно влечет судьба:
И под одеждою раба,
Но полный жизнью молодой,
Я человек, как и другой.
И ты, и ты, слепой старик,
Когда б ее небесный лик
Тебе явился хоть во сне,
Ты позавидовал бы мне;
И в исступленьи, может быть,
Решился б также согрешить,
И клятвы б грозные забыл,
И перенести бы счастлив был
За слово, ласку или взор
Мое мученье, мой позор!..
Орша

Не поминай теперь об ней;
Напрасно!.. у груди моей,
Хоть ныне поздно вижу я,
Согрелась, выросла змея!..
Но ты заплатишь мне теперь
За хлеб и соль мою, поверь.
За сердце ж дочери моей
Я заплачу тебе, злодей,
Тебе, найденыйш без креста,
Презренный раб и сирота!..
Арсений

Ты прав... не знаю, где рожден!
Кто мой отец, и жив ли он?
Не знаю... люди говорят,
Что я тобой ребенком взят,
И был я отдан с ранних пор
Под строгий иноков надзор,
И вырос в тесных я стенах
Душой дитя – судьбой монах!
Никто не смел мне здесь сказать
Священных слов: отец и мать!
Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имен?
Напрасно: звук их был рожден
Со мной. Я видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил
Не только милых душ – могил!
Но нынче сам я не хочу
Предать их имя палачу
И всё, что славно было б в нем,
Облить и кровью и стыдом:
Умру, как жил, твоим рабом!..
Нет, не грози, отец святой;
Чего бояться нам с тобой?
Обоих нас могила ждет...
Не всё ль равно, что день, что год?
Никто уж нам не господин;
Ты в рай, я в ад – но путь один!
С тех пор, как длится жизнь моя,
Два раза был свободен я:
Последний ныне. – В первый раз,
Когда я жил еще у вас,

Среди молитв и пыльных книг.
Пришло мне в мысли хоть на миг
Взглянуть на пышные поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы!
И в час ночной, в ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда столпясь при алтаре,
Вы ниц лежали на земле,
При блеске молний роковых
Я убежал из стен святых;
Боязнь с одеждой кинул прочь,
Благословил и хлад и ночь,
Забыл печали бытия
И бурю братом назвал я.
Восторгом бешеным объят,
С ней унести я был бы рад,
Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил!
О старец, что средь этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой
Меж бурным сердцем и грозой?..
Игумен

На что нам знать твои мечты?
Не для того пред нами ты!
В другом ты ныне обвинен,
И хочет истины закон.
Открой же нам друзей своих,
Убийц, разбойников ночных,
Которых страшные дела
Смывает кровь и кроет мгла,
С которыми, забывши честь,
Ты мнил несчастную увезть.
Арсений

Мне их назвать? – Отец святой,
Вот что умрет во мне, со мной.
О нет, их тайну – не мою
Я неизменно сохранию,
Пока земля в урочный час,
Как двух друзей, не примет нас.
Пытай железом и огнем,
Я не признаюсь ни в чем;
И если хоть минутный крик
Изменит мне... тогда, старик,
Я вырву слабый мой язык!..
Монах

Страшись упорствовать, глупец!
К чему? уж близок твой конец,
Скорее тайну нам предай.
За гробом есть и ад и рай,
И вечность в том или в другом!..
Арсений

Послушай, я забылся сном
Вчера в темнице. Слышу вдруг
Я приближающийся звук,
Знакомый, милый разговор,
И будто вижу ясный взор...
И, пробудясь во тьме, скорей
Ищу тех звуков, тех очей...
Увы! они в груди моей!
Они на сердце, как печать,
Чтоб я не смел их забывать,

И жгут его, и вновь живут...
Они мой рай, они мой ад!
Для вспоминания об них
Жизнь – ничего, а вечность – миг!
Игумен

Богохулитель, удержиись!
Пади на землю, плачь, молись,
Прими святую в грудь боязнь...
Мечтанья злые – божья казнь!
Молись ему...
Арсений

□□□□напрасный труд!
Не говори, что божий суд
Определяет мне конец:
Всё люди, люди, мой отец!
Пускай умру... но смерть моя
Не продолжит их бытия,
И дни грядущие мои
Им не присвоить – и в крови,
Неправой казнью пролитой,
В крови безумца молодой,
Им разогреть не суждено
Сердца, увядшие давно;
И гроб без камня и креста,
Как жизнь их ни была свята,
Не будет слабым их ногам
Ступенью новой к небесам;
И тень несчастного, поверь,
Не отопрет им рая дверь!..
Меня могила не страшит:
Там, говорят, страданье спит
В холодной, вечной тишине,
Но с жизнью жаль расстаться мне!
Я молод, молод – знал ли ты
Что значит молодость, мечты?
Или не знал? Или забыл,
Как ненавидел и любил?
Как сердце билось живею
При виде солнца и полей
С высокой башни угловой,
Где воздух свеж, и где порой
В глубокой трещине стены,
Дитя неведомой страны,
Прижавшись голубь молодой
Сидит, испуганный грозой?..
Пускай теперь прекрасный свет
Тебе постыл... ты слеп, ты сед,
И от желаний ты отвык...
Что за нужда? ты жил, старик;
Тебе есть в мире что забыть,
Ты жил – я также мог бы жить!..
Но тут игумен с места встал,
Речь нечестивую прервал,
И негодуя все вокруг
На гордый вид и гордый дух,
Столь непреклонный пред судьбой,
Шептались грозно меж собой,
И слово пытка там и там
Вмиг пробежало по устам;
Но узник был невозмутим,
Бесчувственно внимал он им.
Так бурей брошен на песок
Худой, увязнувший челнок,
Лишенный весел и гребцов,
Недвижим ждет напор валов.

. . .
. . .

..Светаает. В поле тишина.
Густой туман, как пелена
С посеребренною каймой,
Клубится над Днепром рекой.
И сквозь него высокий бор,
Рассыпанный по скату гор,
Безмолвно смотрится в реке,
Едва чернея вдалеке.
И из-за тех густых лесов
Выходят стаи облаков,
А из-за них, огнем горя,
Выходит красная заря.
Блестят кресты монастыря;
По длинным башням и стенам
И по расписанным вратам
Прекрасный, чистый и живой,
Как счастье жизни молодой,
Играет луч ее златой.
Унылый звон колоколов
Созвал уж в храм святых отцов;
Уж дым кадил между столбов
Вился струей, и хор звучал...
Вдруг в церковь служка прибежал,
Отцу игумену шепнул
Он что-то скоро – тот вздрогнул
И молвил: «Где же казначей?
Поди спроси его скорей,
Не затерял ли он ключей!»
И казначей из алтаря
Пришел дрожа и говоря,
Что все ключи еще при нем,
Что не виновен он ни в чем!
Засуетились чернецы,
Забегали во все концы,
И свод нередко повторял
Слова: бежал! кто? как бежал?
И в монастырскую тюрьму
Пошли один по одному,
Загадкой мучаясь простой,
Жильцы обители святой!..
Пришли, глядят: распилена
Решетка узкого окна,
Во рву притоптанный песок
Хранил следы различных ног;
Забывтый на песке лежал
Стальной, зазубренный кинжал,
И польский шелковый кушак
Изорван, скручен кое-как,
К ветвям березы под окном
Привязан крепким был узлом.
Пошли прилежно по следам:
Они вели к Днепру – и там
Могли заметить на мели
Рубец отчалившей ладьи.
Вблизи на прутьях тростника
Лоскут того же кушака
Висел, в воде одним концом,
Колеблем ранним ветерком.
«Бежал! – Но кто ж ему помог?
Конечно люди, а не бог!..
И где же он нашел друзей?
Знать, точно он большой злодей!»
Так, собираясь, меж собой
Твердили иноки порой.

Глава III

'Tis he! 'tis he! I know him now;

I know him by his pallid brow...

Вуron.[3]

Зима! Из глубины снегов
Встают чернея пни дерёв,
Как призраки, склонясь челом
Над замерзающим Днепром.
Глядится тусклый день в стекло
Прозрачных льдин – и занесло
Овраги снегом. На заре
Лишь заяц крадется к норе
И прыгая назад, вперед,
Свой след запутанный кладет;
Да иногда, во тьме ночной,
Раздастся псов протяжный вой,
Когда голодный и худой
Обходит волк вокруг гумна.
И если в поле тишина,
То даже слышны издали
Его тяжелые шаги,
И скрип, и щелканье зубов;
И каждый вечер меж кустов
Сто ярких глаз, как свечи в ряд,
Во мраке прыгают, блестят...
Но вьюги зимней не страшась,
Однажды в ранний утра час
Боярин Орша дал приказ
Собраться челяди своей,
Точить ножи, седлать коней;
И разнеслась везде молва,
Что беспокойная Литва
С толпою дерзких воевод
На землю русскую идет.
От войска русские гонцы
Во все помчались концы,
Зовут бояр и их людей
На славный пир – на пир мечей!
Садится Орша на коня,
Дал знак рукой, гремя, звеня,
Средь вопля женщин и детей
Все повскакали на коней,
И каждый с знаменьем креста
За ним проехал в ворота;
Лишь он, безмолвный, не крестясь,
Как бусурман, татарский князь,
К своим приблизясь воротам,
Возвел глаза – не к небесам;
Возвел он их на терем тот,
Где прежде жил он без забот,
Где нынче ветер лишь живет,
И где, качая изредка
Дверь без ключа и без замка,
Как мать качает колыбель,
Поет гульливая метель!..

* * *

. . .

. . .

. . .

Умчался дале шумный бой,
Оставя след багровый свой...
Между поверженных коней,
Обломков копий и мечей
В то время всадник разъезжал;
Чего-то, мнилось, он искал,
То низко голову склоня
До гривы черного коня,
То вдруг привстав на стремях...

Кто ж он? не русский! и не лях –
Хоть платье польское на нем
Пестрело ярко серебром,
Хоть сабля польская звеня
Стучала по ребрам коня!
Чела крутого смуглый цвет,
Глаза, в которых мрак и свет
В борьбе сменялися не раз,
Почти могли б уверить вас,
Что в нем кипела кровь татар..
Он был не молод – и не стар.
Но, рассмотрев его черты,
Не чуждые той красоты
Невыразимой, но живой,
Которой блеск печальный свой
Мысль неизменная дала,
Где всё, что есть добра и зла
В душе, прикованной к земле,
Отражено как на стекле,
Вздыхнувши всякий бы сказал,
Что жил он меньше, чем страдал.
Среди долины был курган.
Корнистый дуб как великан
Его пятою попирал
И горделиво расстилал
Над ним по прихоти своей
Шатер чернеющих ветвей.
Тут бой ужасный закипел,
Тут и затих. Громада тел,
Обезображенных мечом,
Пестрела на кургане том,
И снег, окрашенный в крови,
Кой-где протаял до земли;
Кора на дубе вековом
Была изрублена кругом,
И кровь на ней видна была,
Как будто бы она текла
Из глубины сих новых ран..
И всадник въехал на курган,
Потом с коня он соскочил
И так в раздумьи говорил:
«Вот место – мертвый иль живой
Он здесь... вот дуб – к нему спиной
Прижавшись, бешеный старик
Рубился – видел я хоть миг,
Как окружен со всех сторон
С пятью рабами бился он,
И дорого тебе, Литва,
Досталась эта голова!..
Здесь, сквозь толпу, издалека
Я видел, как его рука
Три раза с саблей поднялась
И опустилась – каждый раз,
Когда она являлась вновь,
По ней ручьем бежала кровь..
Четвертый взмах я долго ждал!
Но с поля он не побежал,
Не мог бежать, хотя б желал!..
И вдруг он внемлет слабый стон,
Подходит, смотрит: «это он!»
Главу, омытую в крови,
Боярин приподнял с земли
И слабым голосом сказал:
«И я узнал тебя! узнал!
Ни время, ни чужой наряд
Не изменят зловещий взгляд,
И это бледное чело,
Где преступление и зло

Печать оставили свою.
Арсений! – Так, я узнаю,
Хотя могилы на краю
Улыбку прежнюю твою
И в ней шипящую змею!
Я узнаю и ГОЛОС ТВОЙ
Меж звуков стороны чужой,
Которыми ты, может быть,
Его желаешь изменить.
Твой умысел постиг я весь,
Я знаю, для чего ты здесь.
Но верный родине моей
Не отверну теперь очей,
Хоть ты б желал, изменник-лях,
Прочесть в них близкой смерти страх,
И сожаленье и печаль...
Но знай, что жизни мне не жаль,
А жаль лишь то, что час мой бил,
Покуда я не отомстил;
Что не могу поднять меча,
Что на руках моих, с плеча
Омытых кровью до локтей
Злодеев родины моей,
Ни капли крови нет твоей!..»
– «Старик! о прежнем позабудь...
Взгляни сюда, на эту грудь,
Она не в ранах как твоя,
Но в ней живет тоска-змея!
Ты отомщен вполне, давно,
А кем и как – не всё ль равно?
Но лучше мне скажи, молю,
Где отыщу я дочь твою?
От рук врагов земли твоей,
Их поцелуев и мечей,
Хоть сам теперь меж ними я,
Ее спасти я поклялся!»
«Скачи скорей в мой старый дом,
Там дочь моя; ни ночь, ни днем
Не ест, не спит, всё ждет да ждет,
Покуда милый не придет!
Спешите... уж близок мой конец,
Теперь обиженный отец
Для вас лишь страшен как мертвец!»
Он дальше говорить хотел,
Но вдруг язык оцепенел;
Он сделать знак хотел рукой,
Но пальцы сжались меж собой.
Тень смерти мрачной полосой
Промчалась на его челе;
Он обернул лицо к земле,
Вдруг протянулся, захрипел,
И дух от тела отлетел!
К нему Арсений подошел,
И руки сжатые развел,
И поднял голову с земли;
Две яркие слезы текли
Из побелевших мутных глаз,
Собой лишь светлы, как алмаз.
Спокойны были все черты,
Исполнены той красоты,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной, как смерть сама.
И долго юноша над ним
Стоял раскаяньем томим,
Невольно мысля о былом,
Прощая – не прощен ни в чем!
И на груди его потом
Он тихо распахнул кафтан:

Старинных и последних ран
На ней кровавые следы
Вились, чернели как бразды.
Он руку к сердцу приложил,
И трепет замиравших жил
Ему неясно возвестил,
Что в буйном сердце мертвеца
Кипели страсти до конца,
Что блеск печальный этих глаз
Гораздо прежде их погас!..
Уж время шло к закату дня,
И сел Арсений на коня,
Стальные шпоры он в бока
Ему вонзил – и в два прыжка
От места битвы роковой
Он был далеко. – Пеленой
Широкою за ним луга
Тянулись: яркие снега
При свете косвенных лучей
Сверкали тысячью огней.
Пред ним стеной знакомый лес
Чернеет на краю небес;
Под сень деревьев въезжает он:
Всё тихо, всюду мертвый сон,
Лишь иногда с седого пня,
Послыша близкий храп коня,
Тяжелый ворон, царь степной,
Слетит и сядет на другой,
Свой кровожадный чистя клёв
О сучья жесткие дерёв;
Лишь отдаленный вой волков,
Бегущих жадною толпой
На место битвы роковой,
Терялся в тишине степей...
Сыпучий иней вокруг ветвей
Берез и сосен над путем
Прозрачным свившихся шатром
Висел косматой бахромой;
И часто шапкой иль рукой
Когда за них он задевал,
Прах серебристый осыпал
Его лицо... и быстро он
Скакал в раздумье погружен.
Измучил непривычный бег
Его коня – в глубокий снег
Он вязнет часто... труден путь!
Как печь, его дымится грудь,
От нетерпенья седока
В крови и пене все бока.
Но близко, близко... вот и дом
На берегу Днепра крутом
Пред ним встает из-за горы;
Заборы, избы и дворы
Приветливо между собой
Теснятся пестрою толпой,
Лишь дом боярский между них
Как призрак, сумрачен и тих!..
Он въехал на широкий двор.
Всё пусто... будто глад иль мор
Недавно пировали в нем.
Он слез с коня, идет пешком...
Толпа играющих детей,
Испуганных огнем очей,
Одеждой чуждой пришлеца
И бледностью его лица,
Его встречает у крыльца,
И с криком убегает прочь...
Он входит в дом – в покоях ночь,

Закрты ставни, пол скрипит,
Пустая утварь дребезжит
На старых полках; лишь порой
Широкой, белой полосой
Рисуясь на печи большой,
Проходит в трещину ставней
Холодный свет дневных лучей!
И лестницу Арсений зрит
Сквозь сумрак; он бежит, летит
Наверх по шатким ступеням.
Вот свет блеснул его очам,
Пред ним замерзшее окно:
Оно давно растворено,
Сугробом собрался большим
Снег, не растаявший под ним.
Увы! знакомые места!
Налево дверь – но заперта.
Как кровью, ржавчиной покрыт
Большой замок на ней висит,
И, вынув нож из кушака,
Он всунул в скважину замка,
И, затрещав, распался тот...
И тихо дверь толкнув вперед,
Он входит робкою стопой
В светлицу девы молодой.
Он руку с трепетом простер,
Он ищет взором милый взор,
И слабый шепчет он привет:
На взгляд и речь ответа нет!
Однако смято ложе сна,
Как будто бы на нем она
Тому назад лишь день, лишь час
Главу покоила не раз,
Младенческий вкушая сон.
Но, приближаясь, видит он
На тонких белых кружевах
Чернеющий слоями прах,
И ткани паутин седых
Вкруг занавесок парчевых.
Тогда в окно светлицы той
Упал заката луч златой,
Играя на ковер цветной;
Арсений голову склонил...
Но вдруг затрясся, отскочил,
И вскрикнул, будто на змею
Поставил он пятау свою...
Увы! теперь он был бы рад,
Когда б быстрее, чем мысль иль взгляд,
В него проник смертельный яд!..
Громаду белую костей
И желтый череп без очей
С улыбкой вечной и немой,
Вот что узрел он пред собой.
Густая, длинная коса,
Плеч белораморных краса,
Рассыпавшись к сухим костям
Кой-где прилипнула... и там,
Где сердце чистое такой
Любовью билось огневой,
Давно без пищи уж бродил
Кровавый червь – жилец могил!
. . . .
«Так вот всё то, что я любил!
Холодный и бездушный прах,
Горевший на моих устах,
Теперь без чувства, без любви
Сожмут объятия земли.
Душа прекрасная ее,

Приняв другое бытие,
Теперь парит в стране святой,
И как укор передо мной
Ее минутной жизни след!
Она погибла в цвете лет
Средь тайных мук, иль без тревог,
Когда и как, то знает бог.
Он был отец – но был мой враг:
Тому свидетель этот прах,
Лишенный сени гробовой,
На свете признанный лишь мной!
«Да, я преступник, я злодей –
Но казнь равна ль вине моей?
Ни на земле, ни в свете том
Нам не сойтись одним путем...
Разлуки первый грозный час
Стал веком, вечностью для нас;
О, если б рай передо мной
Открыт был властью неземной,
Клянусь, я прежде, чем вступил,
У врат священных бы спросил,
Найду ли там среди святых
Погибший рай надежд моих.
Творец! отдай ты мне назад
Ее улыбку, нежный взгляд,
Отдай мне свежие уста
И голос сладкий как мечта,
Один лишь слабый звук отдай...
Что без нее земля и рай?
Одни лишь звучные слова,
Блестящий храм – без божества!..
«Теперь осталось мне одно:
Иду! – куда? не всё ль равно,
Та иль другая сторона?
Здесь прах ее, но не она!
Иду отсюда навсегда
Без дум, без цели и труда,
Один с тоской во тьме ночной,
И вьюга след завееет мой!»

Сашка*

Нравственная поэма

Глава I

1

Наш век смешон и жалок, – всё пиши
Ему про казни, цепи да изгнанья,
Про темные волнения души,
И только слышишь муки да страданья.
Такие вещи очень хороши
Тому, кто мало спит, кто думать любит,
Кто дни свои в воспоминаньях губит.
Впадал я прежде в эту слабость сам,
И видел от нее лишь вред глазам;
Но нынче я не тот уж, как бывало, –
Пою, смеюсь. – Герой мой добрый малый.

2

Он был мой друг. С ним я не знал хлопот,
С ним чувствами и деньгами делился;
Он брал на месяц, отдавал чрез год,
Но я за то ни мало не сердился
И поступал не лучше в свой черед;
Печален ли, бывало, тотчас скажет,
Когда же весел, счастлив – глаз не кажет.
Не раз от скуки он свои мечты
Мне поверял и говорил мне ты;
Хвалил во мне, что прочие хвалили,
И был мой вечный визави в кадрили.

3

Он был мой друг. Уж нет таких друзей...

Мир сердцу твоему, мой милый Саша!
Пусть спит оно в земле чужих полей,
Не тронута никем, как дружба наша,
В немом кладбище памяти моей.
Ты умер, как и многие, без шума,
Но с твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челе твоём,
Когда глаза сомкнулись вечным сном;
И то, что ты сказал перед кончиной,
Из слушавших не понял ни единый.

4

И было ль то привет стране родной,
Название ли оставленного друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль просто крик последнего недуга –
Как разгадать? Что может в час такой
Наполнить сердце, жившее так много
И так недолго с смутною тревогой?
Один лишь друг умел тебя понять
И ныне может, должен рассказать
Твои мечты, дела и приключенья –
Глупцам в забаву, мудрым в поученье.

5

Будь терпелив, читатель милый мой!
Кто б ни был ты: внук Евы иль Адама,
Разумник ли, шалун ли молодой, –
Картина будет; это – только рама!
От правил, утвержденных стариной,
Не отступлю, – я уважаю строго
Всех стариков, а их теперь так много...
Не правда ль, кто не стар в осьмнадцать лет,
Тот, верно, не видал людей и свет,
О наслажденьях знает лишь по слухам
И предан был учителям да мукам.

6

Герой наш был москвич, и потому
Я враг Неве и невскому туману.
Там (я весь мир в свидетели возьму)
Веселье вредно русскому карману,
Заняття вредны русскому уму.
Там жизнь грязна, пуста и молчалива,
Как плоский берег Финского залива.
Москва – не то: покуда я живу,
Клянусь, друзья, не разлюбить Москву.
Там я впервые в дни надежд и счастья
Был болен от любви и любово-страстья.

7

Москва, Москва!.. люблю тебя как сын,
Как русский, – сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль зубчатый, безмятежный.
Напрасно думал чуждый властелин
С тобой, столетним русским великаном,
Померяться главою и – обманом
Тебя низвергнуть. Тщетно поражал
Тебя пришлец: ты вздрогнул – он упал!
Вселенная замолкла... Величавый,
Один ты жив, наследник нашей славы.

8

Ты жив!.. Ты жив, и каждый камень твой –
Заветное преданье поколений.
Бывало, я у башни угловой
Сажу в тени, и солнца луч осенний
Играет с мохом в трещине сырой,
И из гнезда, прикрытого карнизом,
Касатки вылетают, верхом, низом
Кружатся, вьются, чуждые людей.
И я, так полный волею страстей,

Завидовал их жизни безызвестной,
Как упованье вольной, поднебесной.

9

Я не философ – боже сохрани! –
И не мечтатель. За полетом пташки
Я не гонюсь, хотя в былые дни
Не вовсе чужд был глупой сей замашки.
Ну, муза, – ну, скорее, – разверни
Запачканный листок свой подорожный!..
Не завирайся, – тут зоил безбожный..
Куда теперь нам ехать из Кремля?
Ворот ведь много, велика земля!
Куда? – «На Пресню погоняй, извозчик!» –
«Старуха, прочь!.. Сворачивай, разносчик!»

10

Луна катится в зимних облаках,
Как щит варяжский или сыр голландской.
Сравненье дерзко, но люблю я страх
Все дерзости, по вольности дворянской.
Спокойствия рачитель на часах
У будки пробудился, восклицая:
«Кто едет?» – «Муза!» – «Что за чорт! Какая?»
Ответа нет. Но вот уже пруды..
Белеет мост, по сторонам сады
Под инеем пушистым спят унылы;
Луна сребрит железные перилы.

11

Гуляка праздный, пьяный молодец,
С осанкой важной, в фризовой шинели,
Держась за них, бредет – и вот конец
Перилам. – «Всё направо!» – Заскрипели
Полозья по сугробам, как резец
По мрамору... Лачуги, цепью длинной
Мелькая мимо, кланяются чинно..
Вдали мелькнул знакомый огонек..
«Держи к воротам... Стой, – сугроб глубок!..
Пойдем по снегу, муза, только тише
И платье подними как можно выше».

12

Калитка – скрип... Двор темен. По доскам
Идти неловко... Вот, насилу, сени
И лестница; но снегом по местам
Занесена. Дрожащие ступени
Грозят мгновенно изменить ногам.
Взошли. Толкнули дверь – и свет огарка
Ударил в очи. Толстая кухарка,
Прищурясь, заграждает путь гостям
И вопрошает: «Что угодно вам?»
И, услышав ответ красноречивый,
Захлопнув дверь, бранится неучтиво..

13

Но, несмотря на это, мы взойдем:
Вы знаете, для музы и поэта,
Как для хромого беса, каждый дом
Имеет вход особый; ни секрета,
Ни запрещенья нет для нас ни в чем..
У столика, в одном углу светлицы,
Сидели две... девицы – не девицы..
Красавицы... название тут как раз!..
Чем выгодней, узнать прошу я вас
От наших дам, в деревне и столице
Красавицею быть или девицей?

14

Красавицы сидели за столом,
Раскладывая карты, и гадали
О будущем. И ум их видел в нем
Надежды (то, что мы и все видали).
Свеча горела трепетным огнем,

И часто, вспыхнув, луч ее мгновенный
Вдруг обливал и потолок и стены.
В углу переднем фольга образов
Тогда меняла тысячу цветов,
И верба, наклоненная над ними,
Блистая вдруг листьями золотыми.

15

Одна из них (красавиц) не вполне
Была прекрасна, но зато другая..
О, мы таких видали лишь во сне,
И то заснув – о небесах мечтая!
Слегка головку приклонив к стене
И устремив на столик взор прилежный,
Она сидела несколько небрежно.
В ответ на речь подруги иногда
Из уст ее пустое «нет» или «да»
Едва скользило, если предсказанья
Премудрой карты стоили вниманья.

16

Она была затейливо мила,
Как польская затейливая панна;
Но вместе с этим гордый вид чела
Казался ей приличен. Как Сусанна,
Она б на суд неправедный пошла
С лицом холодным и спокойным взором;
Такая смесь не может быть укором.
В том вы должны поверить мне в кредит,
Тем боле, что отец ее был жид,
А мать (как помню) полька из-под Праги..
И лжи тут нет, как в том, что мы – варяги.

17

Когда Суворов Прагу осаждал,
Ее отец служил у нас шпионом,
И раз, как он украдкой гулял
В мундире польском вдоль по бастионам,
Неловкий выстрел в лоб ему попал.
И многие, вздохнув, сказали: «Жалкой,
Несчастный жид, – он умер не под палкой!»
Его жена пять месяцев спустя
Произвела на божий свет дитя,
Хорошенькую Тирзу. Имя это
Дано по воле одного корнета.

18

Под рубищем простым она росла
В невежестве, как травка полевая
Проходим не замечена, – ни зла,
Ни гордой добродетели не зная.
Но час настал, – пора любви пришла.
Какой-то смертный ей сказал два слова:
Она в объятья божества земного
Упала; но увы, прошло дней шесть,
Уж полубог успел ей надоесть;
И с этих пор, чтоб избежать ошибки,
Она дарила всем свои улыбки..

19

Мечты любви умчались, как туман.
Свобода стала ей всего дороже.
Обманом сердце платит за обман
(Я так слышал, и вы слышали тоже).
В ее лице характер южных стран
Изображался резко. Не наемный
Огонь горел в очах; без цели, томно,
Покрыты светлой влагой, иногда
Они блуждали, как порой звезда
По небесам блуждает, – и, конечно,
Был это знак тоски немой, сердечной.

20

Безвестная печаль сменялась вдруг

Какою-то веселостью недужной...
(Дай бог, чтоб всех томил такой недуг!)
Волной вставала грудь, и пламень южный
В ланитах рделся, белый полукруг
Зубов жемчужных быстро открывался;
Головка поднималась, развивался
Душистый локон, и на лик молодой
Катился лоснясь черною струей;
И ножка, разрезваясь, не зная плена,
Бесстыдно обнажалась до колена.
21

Когда шалунья навзничь на кровать,
Шутя, смеясь, роскошно упала,
Не спорю, мудрено ее понять, –
Она сама себя не понимала, –
Ей было трудно сердцу приказать,
Как баловню ребенку. Надо было
Кому-нибудь с неведомою силой
Явиться и приветливой душой
Его согреть... Явился ли герой,
Или вотще остался ожидаем,
Всё это мы со временем узнаем.
22

Теперь к ее подруге перейдем,
Чтоб выполнить начатую картину.
Они недавно жили тут вдвоем,
Но души их сливались во едину,
И мысли их встречались во всем.
О, если б знали, сколько в этом званье
Сердце отличных, добрых! Но вниманье
Увлечено блистаньем модных дам.
Вздыхая, мы бежим по их следам..
Увы, друзья, а наведите справки,
Вся прелесть их... в кредит из модной лавки!
23

Она была свежа, бела, кругла,
Как снежный шарик; щеки, грудь и шея,
Когда она смеялась или шла,
Дрожали сладострастно; не краснея,
Она на жертву прихоти несла
Свои красы. Широко и неловко
На ней сидела юбка; но плутовка
Поднять умела грудь, открыть плечо,
Ласкать умела буино, горячо
И, хитро передразнивая чувства,
Слыла царицей своего искусства..
24

Она звалась Варюшею. Но я
Желал бы ей другое дать название:
Скажу ль, при этом имени, друзья,
В груди моей шипит воспоминанье,
Как под ногой прижатая змея;
И ползает, как та среди развалин,
По жилам сердца. Я тогда печален,
Сердит, – молчу или браню весь дом,
И рад прибить за слово чубуком.
Итак, для избежанья зла, мы нашу
Варюшу здесь перекрестим в Парашу.
25

Увы, минувших лет безумный сон
Со смехом повторить не смеет лира!
Живой водой печали окроплен,
Как труп давно застывшего вампира,
Грозь перстом, поднялся молча он,
И мысль к нему прикована... Ужели
В моей груди изгладить не успели
Столь много лет и столько мук иных –
Волшебный стан и пару глаз больших?

(Хоть, признаюсь вам, разбирая строго,
Получше их видал я после много.)

26

Да, много лет и много горьких мук
С тех пор отяготело надо мною;
Но первого восторга чудный звук
В груди не умирает, – и порою,
Сквозь облако забот, когда недуг
Мой слабый ум томит неугомонно,
Ее глаза мне светят благосклонно.
Так в час ночной, когда гроза шумит
И бродят облака, – звезда горит
В дали эфирной, не боясь их злости,
И шлет свои лучи на землю в гости.

27

Пред нагоревшей сальной свечой
Красавицы раздумавшись сидели,
И заставлял их вздрагивать порой
Унылый свист играющей метели.
И как и вам, читатель милый мой,
Им стало скучно... Вот, на место знака
Условного, залаяла собака,
И у калитки брякнуло кольцо.
Вот чей-то голос... Идут на крыльцо...
Параша потянулась и зевнула
Так, что едва не бухнулась со стула,

28

А Тирза быстро выбежала вон,
Открылась дверь. В плаще, закидан снегом,
Явился гость... Насмешливый поклон
Отвесил и, как будто долгим бегом
Или волнением был он утомлен,
Упал на стул... Заботливой рукою
Сняла Параша плащ, потом другою
Стряхнула иней с шелковых кудрей
Пришельца. Видно, нравился он ей...
Всё нравится, что молодо, красиво,
И в чем мы видим прибыль особливо.

29

Он ловок был, со вкусом был одет,
Изящно был причесан и так дале.
На пальцах перстни изливали свет,
И галстук надушен был, как на бале.
Ему едва ли было двадцать лет,
Но бледностью казались покрыты
Его чело и нежные ланиты, –
Не знаю, мук ли то последних след,
Но мне давно знаком был этот цвет, –
И на устах его, опасней жала
Змеи, насмешка вечная блуждала.

30

Заметно было в нем, что с ранних дней
В кругу хорошем, то есть в модном свете,
Он обжился, что часть своих ночей
Он убивал бесплодно на паркете
И что другую тратил не умней...
В глазах его открытых, но печальных,
Нашли бы вы без наблюдений дальных
Презренье, гордость; хоть он не был горд,
Как глупый турок иль богатый лорд,
Но всё-таки себя в числе двуногих
Он почитал умнее очень многих.

31

Борьба рождает гордость. Воевать
С людскими предрассудками труднее,
Чем тигров и медведей поражать,
Иль со штыком на вражьей батарее
За белый крестик жизнью рисковать...

Клянусь, иметь великий надо гений,
Чтоб разом сбросить цепь предубеждений,
Как сбросил бы я платье, если б вдруг
Из севера всевышний сделал юг.
Но ныне нас противное пугает:
Неаполь мерзнет, а Нева не тает.

32

Да кто же этот гость?.. Pardon, сейчас!..
Рассеянность... Monsieur, рекомендую:
Герой мой, друг мой – Сашка!.. Жаль для вас,
Что случай свел в минуту вас такую,
И в этом месте... Верьте, я не раз
Ему твердил, что эти посещения
О нем дадут весьма дурное мнение.
Я говорил, – он слушал, он был весь
Вниманье... Глядь, а вечером уж здесь!..
И я нашел, что мне его исправить
Труднее в прозе, чем в стихах прославить.

33

Герой мой Сашка тихо развязал
Свой галстук... «Сашка» – старое название!
Но «Сашка» тот печати не видал
И незрелый он угас в изгнание.
Мой Сашка меж друзей своих не знал
Другого имя, – дурно ль, хорошо ли,
Разуверять друзей не в нашей воле.
Он галстук снял, рассеянно перстом
Провел по лбу, поморщился, потом
Спросил: «Где Тирза?» – «Дома». – «Что ж не
Видно
Ее?» – «Уснула». – «Как ей спать не стыдно!»

34

И он поспешно входит в тот покой,
Где часто с Тирзой пламенные ночи
Он проводил... Всё полно тишиной
И сумраком волшебным; прямо в очи
Недвижно смотрит месяц золотой
И на стекле в узоры ледяные
Кидает искры, блески огневые,
И голубым сиянием стена
Игриво и светло озарена.
И он (не месяц, но мой Сашка) слышит,
В углу на ложе кто-то слабо дышит.

35

Он руку протянул, – его рука
Попала в стену; протянул другую, –
Ощупал тихо кончик башмачка.
Схватил потом и ножку, но какую?..
Так миньютюрна, так нежна, мягка
Казалась эта ножка, что невольно
Подумал он, не сделал ли ей больно.
Меж тем рука всё далее ползет,
Вот круглая коленочка... и вот,
Вот – для чего смеетесь вы заране? –
Вот очутилась на двойном кургане...

36

Блаженная минута!.. Закипел
Мой Александр, склонившись к деве спящей.
Он поцелуй на грудь напечатлел
И стан ее обвил рукой дрожащей.
В самозабвении пылком он не смел
Дохнуть... Он думал: «Тирза дорогая!
И жизнью и чувствами играя,
Как ты, я чужд общественных связей, –
Как ты, один с свободою моею,
Не знаю в людях ни врага, ни друга, –
Живу, чтоб жить как ты, моя подруга!

37

«Судьба вчера свела случайно нас,
Случайно завтра разведет навечно, –
Не всё ль равно, что год, что день, что час,
Лишь только б я провел его беспечно?..»
И не сводил он ярких черных глаз
С своей жидовки и не знал, казалось,
Что резвое созданье притворялось.
Меж тем почла за нужное она
Проснуться и была удивлена,
Как надлежало... (Страх и удивленье
Для женщин в важных случаях спасенье.)

38

И, прежде потеряв глаза рукой,
Она спросила: «Кто вы?» – «Я, твой Саша!» –
«Неужто?.. Видишь, баловник какой!
Ступай, давно там ждет тебя Параша!..
Нет, надо разбудить меня... Пстой,
Я отомщу». И за руку схватила
Его проворно и... и укусила,
Хоть это был скорее поцелуй.
Да, мерзкий критик, что ты ни толкуй,
А есть уста, которые украдкой
Кусать умеют сладко, очень сладко!..

39

Когда бы Тирзу видел Соломон,
То верно б свой престол украсил ею, –
У ног ее и царство, и закон,
И славу позабыл бы... Но не смею
Вас уверять, затем, что не рожден
Владыкой, и не знаю, в низкой доле,
Как люди ценят вещи на престоле;
Но знаю только то, что Сашка мой
За целый мир не отдал бы порой
Ее улыбку, щечки, брови, глазки,
Достойные любой восточной сказки.

40

«Откуда ты?» – «Не спрашивай, мой друг!
Я был на бале!» – «Бал! а что такое?» –
«Невежда! это – говор, шум и стук,
Толпа глупцов, веселье городское, –
Наружный блеск, обманчивый недуг;
Кружатся девы, чванятся нарядом,
Притворствуют и голосом и взглядом.
Кто ловит душу, кто пять тысяч душ...
Все так невинны, но я им не муж.
И как ни уважаю добродетель,
А здесь мне лучше, в том луна свидетель».

41

Каким-то новым чувством смущена,
Его слова еврейка поглощала.
Сначала показалась ей смешна
Жизнь городских красавиц, но... сначала.
Потом пришло ей в мысль, что и она
Могла б кружиться ловко пред толпою,
Терзая мужчин надменной красотой,
В высокие смотреться зеркала
И уязвлять, но не желая зла,
Соперниц гордой жалостью, и в свете
Блистать, и ездить четверней в карете.

42

Она прижалась к юноше. Листок
Так жметя к ветке, бурю ожидая.
Стучало сердце в ней, как молоток,
Уста полураскрытые, пылая,
Шептали что-то. С головы до ног
Она горела. Груды молодые
Как персики являлись наливные
Из-под сорочки... Сашкина рука

По ним бродила медленно, слегка...
Но... есть во мне к стыдливости вниманье –
И целый час я пропущу в молчанье.
43

Всё было тихо в доме. Облака
Нескромный месяц дымкою одели,
И только раздавались изредка
Сверчка ночного жалобные трели;
И мышь в тени родного уголка
Скреблась в обои старые прилежно.
Моя чета, раскинувшись небрежно,
Покоилась, не думая о том,
Что небеса грозили близким днем,
Что ночь... Вы на веку своем едва ли
Таких ночей десяток насчитали...
44

Но Тирза вдруг молчанье прервала
И молвила: «Послушай, прочь все шутки!
Какая мысль мне странная пришла:
Что если б ты, откинув предрассудки
(Она его тут крепко обняла),
Что если б ты, мой милый, мой бесценный,
Хотел меня утешить совершенно,
То завтра, или даже в день иной
Меня в театр повез бы ты с собой.
Известно мне, всё для тебя возможно,
А отказать в безделице безбожно».
45

«Пожалуй!» – отвечал ей Саша. Он
Из слов ее расслушал половину, –
Его клонил к подушке сладкий сон,
Как птица клонит слабую тростину.
Блажен, кто может спать! Я был рожден
С бессонницей. В теченье долгой ночи
Бывало беспокойно бродят очи,
И жжет подушка влажное чело.
Душа грустит о том, что уж прошло,
Блуждая в мире вымысла без пищи,
Как лазарони или русский нищий...
46

И жадный червь ее грызет, грызет, –
Я думаю, тот самый, что когда-то
Терзал Саула; но порой и тот
Имел отраду: арфы звук крылатый,
Как ангела таинственный полет,
В нем воскрешал и слезы и надежды;
И опускались пламенные вежды,
С гармонией сливалась мечта,
И злобный дух бежал, как от креста.
Но этих звуков нет уж в поднебесной, –
Они исчезли с арфою чудесной...
47

И всё исчезнет. Верить я готов,
Что наш безлучный мир – лишь прах могильный
Другого, – горсть земли, в борьбе веков
Случайно уцелевшая и сильно
Заброшенная в вечный круг миров.
Светилы ей двоюродные братья,
Хоть носят шлейфы огненного платья,
И по сродству имеют в добрый час
Влиянье благотворное на нас...
А дай сойтись, так заварится каша, –
В кулачки, и... прощай планета наша.
48

И пусть они блестят до той поры,
Как ангелов вечерние лампы.
Придет конец воздушной их игры,
Печальная разгадка сей шарады...

Любил я с колокольни иль с горы,
Когда земля молчит и небо чисто,
Теряться взором в их цепи огнистой, –
И мнится, что меж ними и землей
Есть путь, давно измеренный душой, –
И мнится, будто на главу поэта
Стремятся вместе все лучи их света.

49

Итак, герой наш спит, приятный сон,
Покойна ночь, а вы, читатель милый,
Пожалуйте, – иначе принужден
Я буду удержать вас силой...
Роман, вперед!.. Не идет? – Ну, так он
Пойдет назад. Герой наш спит покуда,
Хочу я рассказать, кто он, откуда,
Кто мать его была, и кто отец,
Как он на свет родился, наконец,
Как он попал в позорную обитель,
Кто был его лакей и кто учитель.

50

Его отец – симбирский дворянин,
Иван Ильич NN-ов, муж дородный,
Богатого отца любимый сын.
Был сам богат; имел он ум природный
И, что ума полезней, важный чин;
С четырнадцати лет служил и с миром
Уволен был в отставку бригадиром;
А бригадир блаженных тех времен
Был человек, и следственно умен.
Иван Ильич наш слыл по крайней мере
Любезником в своей симбирской сфере.

51

Он был врагом писателей и книг,
В делах судебных почерпнул познания.
Спал очень долго, ел за четверых;
Ни на кого не обращал вниманья
И не носил приличия вериг.
Однако же пред знатью горделивой
Умел он гнуться скромно и учтиво.
Но в этот век учтивости закон
Для исполненья требовал поклон;
А кланяться закону иль вельможе
Считалось тогда одно и то же.

52

Он старших уважал, зато и сам
Почтительность вознаграждал улыбкой
И, ревностный хотя угодник дам,
Женился, по словам его, ошибкой.
В чем он ошибся, не могу я вам
Открыть, а знаю только (не соврать бы),
Что был он грустен на другой день свадьбы,
И что печаль его была одна
Из тех, какими жизнь мужей полна.
По мне они большие эгоисты, –
Всё жен винят, как будто сами чисты.

53

Благодари меня, о женский пол!
Я – Демосфен твой: за твою свободу
Я рад шуметь; я непомерно зол
На всю, на всю рогатую породу!
Кто власть им дал?.. Восстаньте, – час пришел! [4]
Конец всему есть! Беззаботно, явно
Идите вслед за Марьей Николавной!
Понять меня, я знаю, вам легко,
Ведь в ваших жилах – кровь, не молоко,
И вы краснеть умеете уж к стати
От взоров и намеков нашей братьи.

54

Иван Ильич стерег жену свою
По старому обычаю. Без лести
Сказать, он вел себя, как я люблю,
По правилам тогдашней старой чести.
Проказница ж жена (не утаю)
Читать любила жалкие романы
Или смотреть на светлый шар Дианы,
В беседке темной сидя до утра.
А месяц и романы до добра
Не доведут, – от них мечты родятся...
А искушенью только бы добратся!

55

Она была прелакомый кусок
И многих дум и взоров стала целью.
Как быть: пчела садится на цветок,
А не на камень; чувствам и веселью
Казенных не назначено дорог.
На брачном ложе Марья Николавна
Была, как надо, ласкова, исправна.
Но, говорят (хоть, может быть, и лгут),
Что долг супруги – только лишний труд.
Мужья у жен подобных (не в обиду
Будь сказано), как вывеска для виду.

56

Иван Ильич имел в Симбирске дом
На самой на горе, против собора.
При мне давно никто уж не жил в нем,
И он дряхлел, заброшен без надзора,
Как инвалид, с георгиевским крестом.
Но некогда, с кудрявыми главами,
Вдоль стен колонны высились рядами.
Прозрачную решеткой окружен,
Как клетка, между них висел балкон,
И над дверьми стеклянными в порядке
Виднелися гардин прозрачных складки.

57

Внутри всё было пышно; на столах
Пестрели разноцветные клеенки,
И люстры отражались в зеркалах,
Как звезды в луже; моськи и болонки
Встречали шумно каждого в дверях,
Одна другой несноснее, а дале
Зеленый попугай, порхая в зале,
Кричал бесстыдно: «кто пришел?.. Дурак!»
А гость с улыбкой думал: «как не так!»
И, ласково хозяйкой принимаем,
Чрез пять минут мирился с попугаем.

58

Из окон был прекрасный вид кругом:
Налево, то есть к западу, рядами
Блестали кровли, трубы и потом
Меж ними церковь с круглыми главами,
И кое-где в тени – отрада днем –
Уютный сад, обсаженный рябиной,
С беседкою, цветами и малиной,
Как детская игрушка, если вам
Угодно, или как меж знатных дам
Румяная крестьянка – дочь природы,
Испуганная блеском гордой моды.

59

Под глинистой утесистой горой,
Униженной лачужками, направо,
Катилась широкой пеленой
Родная Волга, ровно, величаво...
У пристани двойною чередой
Плоты и барки, как табун, теснились,
И флюгера на длинных мачтах бились,
Жужжа на ветре, и скрипел канат

Натянутый; и серой мглой объят,
Виднелся дальний берег, и белели
Вкруг острова края песчаной мели.

60

Нестройный говор грубых голосов
Между судов перебегал порою;
Смех, песни, брань, протяжный крик пловцов –
Всё в гул один сливалось над водою.
И Марья Николавна, хоть суров
Казался ветер, и день был на закате,
Накинув шаль или капот на вате,
С французской книжкой, часто, сев к окну,
Следила взором сизую волну,
Прибрежных струй приливы и отливы,
Их мерный бег, их золотые гривы.

61

Два года жил Иван Ильич с женой,
И всё не тесны были ей корсеты.
Ее ль сложенье было в том виной,
Или его немолодые леты?..
Не мне в делах семейных быть судьей!
Иван Ильич иметь желал бы сына
Законного: хоть правом дворянина
Он пользовался часто, но детей,
Вне брака прижитых, злодей,
Раскидывал по свету, где случится,
Страшась с своей деревней породниться.

62

Какая сладость в мысли: я отец!
И в той же мысли сколько муки тайной –
Оставить в мире след и наконец
Исчезнуть! Быть злодеем, и случайно, –
Злодеем потому, что жизнь – венец
Терновый, тяжкий, – так по крайней мере
Должны мы рассуждать по нашей вере..
К чему, куда ведет нас жизнь, о том
Не с нашим бедным толковать умом;
Но исключая два-три дня да детство,
Она, бесспорно, скверное наследство.

63

Бывало, этой думой удручен,
Я прежде много плакал и слезами
Я жег бумагу. Детский глупый сон
Прошел давно, как туча над степями;
Но пылкий дух мой не был освежен,
В нем родились бури, как в пустыне,
Но скоро улеглись они, и ныне
Осталось сердцу, вместо слез, бурь тех,
Один лишь отзыв – звучный, горький смех..
Там, где весной белел поток игристый,
Лежат кремни – и блещут, но не живы!

64

Прилично б было мне молчать о том,
Но я привык идти против приличий,
И, говоря всеобщим языком,
Не жду похвал. – Поэт породы птичей,
Любовник роз, над розовым кустом
Урчит и свищет меж листов душистых.
Об чем? Какая цель тех звуков чистых? –
Прошу хоть раз спросить у соловья.
Он вам ответит песнью.. Так и я
Пишу, что мыслю, мыслю что придется,
И потому мой стих так плавно льется.

65

Прошло два года. Третий год
Обрадовал супругов безнадежных:
Желанный сын, любви взаимной плод,
Предмет забот мучительных и нежных,

У них родился. В доме весь народ
Был восхищен, и три дня были пьяны
Все на подбор, от кучера до няни.
А между тем печально у ворот
Всю ночь собаки выли напролет,
И, что страшнее этого, ребенок
Весь в волосах был, точно медвежонок.
66

Старухи говорили: это знак,
Который много счастья обещает.
И про меня сказали точно так,
А правда ль это вышло? – небо знает!
К тому же полуночный вой собак
И страшный шум на чердаке высоком –
Приметы злые; но не был пророком,
Я только покачаю головой.
Гамлет сказал: «Есть тайны под луной
И для премудрых», – как же мне, поэту,
Не верить можно тайнам и Гамлету?..
67

Младенец рос милее с каждым днем:
Живые глазки, белые ручонки
И русый волос, вьющийся кольцом –
Пленяли всех знакомых; уж пеленки
Рубашечкой сменилися на нем;
И, первые проказы начиная,
Уж он дразнил собак и попугая..
Года неслись, а Саша рос, и в пять
Добро и зло он начал понимать;
Но, верно, по врожденному влеченью,
Имел большую склонность к разрушенью.
68

Он рос... Отец его бранил и сек –
Затем, что сам был с детства часто сечен,
А слава богу вышел человек:
Не стыд семьи, ни туп, ни изувечен.
Понятья были низки в старый век..
Но Саша с гордой был рожден душою
И желчного сложенья, – пред судьбою,
Перед бичом язвительной молвы
Он не склонял и после головы.
Умел он помнить, кто его обидел,
И потому отца возненавидел.
69

Великий грех!.. Но чем теплее кровь,
Тем раньше зреют в сердце беспокойном
Все чувства – злоба, гордость и любовь,
Как деревья под небом юга знойным.
Шалун мой хмурил маленькую бровь,
Встречаясь с нежным папенькой; от взгляда
Он вздрагивал, как будто б капля яда
Лилась по жилам. Это, может быть,
Смешно, – что ж делать! – он не мог любить,
Как любят все гостинные собачки
За лакомства, побои и подачки.
70

Он был дитя, когда в тесовый гроб
Его родную с пенъем уложили.
Он помнил, что над нею черный поп
Читал большую книгу, что кадили,
И прочее... и что, закрыв весь лоб
Большим платком, отец стоял в молчанье.
И что когда последнее лобзанье
Ему велели матери отдать,
То стал он громко плакать и кричать,
И что отец, немного с ним поспоря,
Велел его посечь... (конечно, с горя).
71

Он не имел ни брата, ни сестры,
И тайных мук его никто не ведал.
До времени отвыкнув от игры,
Он жадному сомненью сердце предал
И, презрев детства милые дары,
Он начал думать, строить мир воздушный,
И в нем терялся мыслию послушной.
Таков средь океана островок:
Пусть хоть прекрасен, свеж, но одинок;
Ладьи к нему с гостями не пристанут,
Цветы на нем от зноя все увянут...

72

Он был рожден под гибельной звездой,
С желаньями безбрежными, как вечность.
Они так часто спорили с душой
И отравили лучших дней беспечность.
Они летали над его главой,
Как царская корона; но без власти
Венец казался бременем, и страсти,
Впервые пробудясь, живым огнем
Прожгли алтарь свой, не найдя кругом
Достойной жертвы, – и в пустыне света
На дружный зов не встретил он ответа.

73

О, если б мог он, как бесплотный дух,
В вечерний час сливаться с облаками,
Склонять к волнам кипучим жадный слух
И долго упиваться их речами,
И обнимать их перси, как супруг!
В глуши степей дышать со всей природой
Одним дыханьем, жить ее свободой!
О, если б мог он, в молнию одет,
Одним ударом весь разрушить свет!..
(Но к счастью для вас, читатель милый,
Он не был одарен подобной силой.)

74

Я не берусь вполне, как психолог,
Характер Саши выставить наружу
И вскрыть его, как с трюфлями пирог.
Скорей судьей молчаньем я принужу
К решению... Пусть суд их будет строг!
Пусть журналист всеведущий хлопочет,
Зачем тот плачет, а другой хохочет!..
Пусть скажет он, что бесом одержим
Был Саша, – я и тут согласен с ним,
Хотя, боюсь, приятель мой, повеса,
Взбесил бы иногда любого беса.

75

Его учитель чистый был француз,
Marquis de Tess.[5] Педант полузабавный,
Имел он длинный нос и тонкий вкус
И потому брал деньги преисправно.
Покорный раб губернских дам и муз,
Он сочинял сонеты, хоть порою
По часу бился с рифмою одною;
Но каламбуров полный лексикон,
Как талисман, носил в карманах он,
И, быв уверен в дамской благодати,
Не размышлял, что кстати, что не кстати.

76

Его отец богатый был маркиз,
Но жертвой стал народного волнения:
На фонаре однажды он повис,
Как было в моде, вместо украшения.
Приятель наш, парижский Адонис,
Оставив прах родителя судьбине,
Не поклонился гордой гильотине:
Он молча проклял вольность и народ,

И натошак отправился в поход,
И, наконец, едва живой от муки,
Пришел в Россию поощрять науки.
77

И Саша мой любил его рассказ
Про сборища народные, про шумный
Напор страстей и про последний час
Венчанного страдальца... Над безумной
Парижскою толпою много раз
Носилось его воображение:
Там слышал он святых голов паденье,
Меж тем как нищих буйный миллион
Кричал, смеясь: «Да здравствует закон!»
И в недостатке хлеба или злата,
Просил одной лишь крови у Марата.
78

Там видел он высокий эшафот;
Прелестная на звучные ступени
Всходила женщина... Следы забот,
Следы живых, но тайных угрызений
Виднелись на лице ее. Народ
Рукоплескал... Вот кудри золотые
Посыпались на плечи молодые;
Вот голова, носившая венец,
Склонилась на плаху... О, творец!
Одумайтесь! Еще момент, злодеи!..
И голова оторвана от шеи...
79

И кровь с тех пор рекою потекла,
И загремела жадная секира...
И ты, поэт, высокого чела
Не уберег! Твоя живая лира
Напрасно по вселенной разнесла
Всё, всё, что ты считал своей душою –
Слова, мечты с надеждой и тоскою..
Напрасно!.. Ты прошел кровавый путь,
Не отомстив, и творческую грудь
Ни стих язвительный, ни смех холодный
Не посетил – и ты погиб бесплодно...
80

И Франция упала за тобой
К ногам убийц бездушных и ничтожных.
Никто не смел возвысить голос свой;
Из мрака мыслей гибельных и ложных
Никто не вышел с твердою душой, –
Меж тем как втайне взор Наполеона
Уж зрел ступени будущего трона..
Я в этом тоне мог бы продолжать,
Но истина – не в моде, а писать
О том, что было двести раз в газетах,
Смешно, тем боле об таких предметах.
81

К тому же я совсем не моралист, –
Ни блага в зле, ни зла в добре не вижу,
Я палачу не дам похвальный лист,
Но клеветой героя не унижу, –
Ни плеск восторга, ни насмешки свист
Не созданы для мертвых. Царь иль воин,
Хоть он отличья иногда достоин,
Но верно нам за тяжкий мавзолей
Не благодарен в комнатке своей,
И, длинным одам внемля поневоле,
Зевая вспоминает о престоле.
82

Я прикажу, кончая дни мои,
Отнести свой труп в пустыню и высокий
Курган над ним насыпать, и – любви
Символ ненарушимый – одинокий

Поставить крест: быть может издали,
Когда туман протянется в долине,
Иль свод небес взбунтуется, к вершине
Гостеприимной нищий пешеход,
Его заметив, медленно придет,
И, отряхнувши посох, безнадежней
Вздыхнет о жизни будущей и прежней –
83

И проклянет, склонясь на крест святой,
Людей и небо, время и природу, –
И проклянет грозы бессильный вой
И пылких мыслей тщетную свободу...
Но нет, к чему мне слушать плач людской?
На что мне черный крест, курган, гробница?
Пусть отдадут меня стихиям! Птица
И зверь, огонь и ветер, и земля
Разделят прах мой, и душа моя
С душой вселенной, как эфир с эфиром,
Сольется и развеется над миром!..
84

Пускай от сердца, полного тоской
И желчью тайных тщетных сожалений,
Подобно чаше, ядом налитой,
Следов не остается... Без волнений
Я выпил яд по капле, ни одной
Не уронил; но люди не видали
В лице моем ни страха, ни печали,
И говорили хладно: он привык.
И с той поры я облил свой язык
Тем самым ядом, и по праву мести
Стал унижать толпу под видом лестии...
85

Но кончим этот скучный эпизод
И обратимся к нашему герою.
До этих пор он не имел забот
Житейских и невинною душою
Искал страстей, как пищи. Длинный год
Провел он среди тетрадей, книг, историй,
Грамматик, географий и теорий
Всех философий мира. Пять систем
Имел маркиз, а на вопрос: зачем?
Он отвечал вам гордо и свободно:
«Monsieur, c'est mon affaire»[6] – так мне угодно!
86

Но Саша не внимал его словам, –
Рассеянно в тетради над строками
Его рука чертила здесь и там
Какой-то женский профиль, и очами,
Горящими подобно двум звездам,
Он долго на него взирал и нежно
Вздыхал и хоронил его прилежно
Между листов, как тайный милый клад,
Залог надежд и будущих наград,
Как прячут иногда сухую травку,
Перо, записку, ленту иль булавку...
87

Но кто ж она? Что пользы ей вскружить
Неопытную голову, впервые
Сердечный мир дыханьем возмутить
И взволновать надежды огневые?
К чему?.. Он слишком молод, чтоб любить,
Со всем искусством древнего фоблаза.
Его любовь, как снег вершин Кавказа,
Чиста, – тепла, как небо южных стран...
Ему ль платить обманом за обман?..
Но кто ж она? – Не модная вертушка,
А просто дочь буфетчика, Маврушка...
88

И Саша был четырнадцать лет.
Он привыкал (скажу вам под секретом,
Хоть важности большой во всем том нет)
Толкаться меж служанок. Часто летом,
Когда луна бросала томный свет
На тихий сад, на свод густых акаций,
И с шопотом толпа домашних граций
В аллее кралась, – легкою стопой
Он догонял их; и, шутя, порой,
Его невинность (вы поймете сами)
Они дразнили дерзкими перстами.

89

Но между них он отличал одну:
В ней было всё, что увлекает душу,
Волнует мысли и мешает сну.
Но я, друзья, покой ваш не нарушу
И на портрет накинута пелену.
Ее любил мой Саша той любовью,
Которая по жилам с юной кровью
Течет огнем, клокочет и кипит.
Боролись в нем желание и стыд;
Он долго думал, как в любви открыться, –
Но надобно ж на что-нибудь решиться.

90

И мудрено ль? Четырнадцать лет
Я сам страдал от каждой женской рожи
И простодушно уверял весь свет,
Что друг на дружку все они похожи.
Волнующихся персей нежный цвет
И алых уст горячее дыханье
Во мне рождали чудные желанья;
Я трепетал, когда моя рука
Атласных плеч касалась слегка,
Но лишь в мечтах я видел без покрова
Всё, что для вас, конечно, уж не ново...

91

Он потерял и сон и аппетит,
Молчал весь день и бредил в ночь, бывало,
По коридору бродит и грустит,
И ждет, чтоб платье мимо прожужжало,
Чтоб ясный взор мелькнул... Суровый вид
Приняв, он иногда улыбкой хладной
Ответствовал на взор ее отрадный...
Любовь же неизбежна, как судьба,
А с сердцем страх невыгодна борьба!
Итак, мой Саша кончил с ним возиться
И положил с Маврушей объясниться.

92

Случилось это летом, в знойный день.
По мостовой широкими клубами
Вилась пыль. От труб высоких тень
Ложилась на крышах полосами,
И пар с камней струился. Сон и лень
Вполне Симбирском овладели; даже
Катилась Волга медленней и глаже.
В саду, в беседке темной и сырой,
Лежал полураздетый наш герой
И размышлял о тайне соединенья
Двух душ, – предмет достойный размышленья.

93

Вдруг слышит он направо, за кустом
Сирени, шорох платья и дыханье
Волнующейся груди, и потом
Чуть внятный звук, похожий на лобзанье.
Как Саше быть? Забилося сердце в нем,
Запрыгало... Без дальних опасений
Он сквозь кусты пустился легче тени.
Трещат и гнутся ветви под рукой.

И вдруг пред ним, с Маврушкой молодой
Обнявшись в тени цветущей вишни,
Иван Ильич... (Прости ему всевышний!)

94

Увы! покоясь на траве густой,
Проказник старый обнимал бесстыдно
Упругий стан под юбкою простой
И не жалел ни ножки миловидной,
Ни круглых персей, дышащих весной!
И долго, долго бился, но напрасно!
Огня и сил лишен уж был несчастный.
Он встал, вздохнул (нельзя же не вздохнуть),
Поправил брюхо и пустился в путь,
Оставив тут обманутую деву,
Как Ариадну, преданную гневу.

95

И есть за что, не спорю.. Между тем
Что делал Саша? С неподвижным взглядом,
Как белый мрамор холоден и нем,
Как Аббадона грозный, новым адом
Испуганный, но помнящий эдем,
С поникшею стоял он головою,
И на челе, наморщенном тоскою,
Качались тени трепетных ветвей...
Но вдруг удар проснувшихся страстей
Перевернул неопытную душу,
И он упал как с неба на Маврушу.

96

Упал! (прости невинность!). Как змея,
Маврушу крепко обнял он руками,
То холодея, то как жар горя,
Неистово впился в нее устами
И – обезумел... Небо и земля
Слились в туман. Мавруша простонала
И улыбнулась; как волна, вставала
И упала грудь, и томный взор,
Как над рекой безлучный метеор,
Блуждал вокруг без цели, без предмета,
Боясь всего: людей, дерев и света...

97

Теперь, друзья, скажите напрямик,
Кого винить?.. По мне, всего прекрасней
Сложить весь грех на чорта, – он привык
К напраслине; к тому же безопасней
Рога и когти, чем иной язык...
Итак заметим мы, что дух незримый,
Но гордый, мрачный, злой, неотразимый
Ни ладаном, ни бранью, ни крестом,
Играл судьбою Саши, как мячом,
И, следуя пустейшему капризу,
Кидал его то вкось, то вверх, то книзу.

98

Два месяца прошло. Во тьме ночной,
На цыпочках по лестнице ступая,
В чепце, платок накинув шерстяной,
Являлась к Саше дева молодая;
Задув лампаду, трепетной рукой
Держась за спинку шаткую кровати,
Она искала жарких там объятий.
Потом, на мягкий пух привлечена,
Под одеяло пряталась она;
Тяжелый вздох из груди вырывался,
И в жарких поцелуях он сливался.

99

Казалось, рок забыл о них. Но раз
(Не помню я, в который день недели), –
Уж пролетел давно свиданья час,
А Саша всё один был на постели.

Он сел к окну в раздумьи. Тихо гас
На бледном своде месяц серебристый,
И неподвижно бахромой волнистой
Вокруг его висели облака.
Дремало всё, лишь в окнах изредка
Являлась свечка, силуэт рубчатый
Старухи, из картин Рембрандта взятый,
100

Мелькая, рисовался на стекле
И исчезал. На площади пустынной,
Как чудный путь к неведомой земле,
Лежала тень от колокольни длинной,
И даль сливалась в синеватой мгле.
Задумчив Саша... Вдруг скрипнули двери,
И вы б сказали – поступь райской пери
Послышалась. Невольно наш герой
Вздрагнул. Пред ним, озарена луной,
Стояла дева, опустивши очи,
Бледнее той луны – царицы ночи...
101

И он узнал Маврушу. Но – творец! –
Как изменилось нежное созданье!
Казалось, тело изваял резец,
А бог вдохнул не душу, но страданье.
Она стоит, вздыхает, наконец
Подходит и холодными руками
Хватает руку Саши, и устами
Прижалась к ней, и слезы потекли
Всё больше, больше, и, казалось, жгли
Ее лицо... Но кто не зрел картины
Раскаянья преступной Магдалины?
102

И кто бы смел изобразить в словах,
Что дышит жизнью в красках Гвидо-Рени?
Гляжу на дивный холст: душа в очах,
И мысль одна в душе, – и на колени
Готов упасть, и непонятный страх,
Как струны лютни, потрясает жилы;
И слышишь близость чудной тайной силы,
Которой в мире верует лишь тот,
Кто как в гробу в душе своей живет,
Кто терпит все упреки, все печали,
Чтоб гением глупцы его назвали.
103

И долго молча плакала она.
Рассыпавшись на кругленькие плечи,
Ее власы бежали, как волна.
Лишь иногда отрывистые речи,
Отзыв того, чем грудь была полна,
Блуждали на губах ее; но звуки
Яснее были слов... И голос муки
Мой Саша понял, как язык родной;
К себе на грудь привлек ее рукой
И не щадил ни нежностей, ни ласки,
Чтоб поскорей добратся до развязки.
104

Он говорил: «К чему печаль твоя?
Ты молода, любима, – где ж страданье?
В твоих глазах – мой мир, вся жизнь моя,
И рай земной в одном твоём лобзанье...
Быть может, злобу хитрую тая,
Какой-нибудь... Но нет! И кто же смеет
Тебя обидеть? Мой отец дряхлеет,
Француз давно не годен никуда...
Ну, полно! слезы прочь, и ляг сюда!»
Мавруша, крепко Сашу обнимая,
Так отвечала, медленно вздыхая:
105

«Послушайте, я здесь в последний раз.
Пренебрегла опасность, наказание,
Стыд, совесть – всё, чтоб только видеть вас,
Поцеловать вам руки на прощанье
И выманить слезу из ваших глаз.
Не отвергайте бедную, – довольно
Уж я терплю, – но что же?.. Сердце вольно..
Иван Ильич проведет от людей
Завистливых... Всё Ванька ваш, злодей, –
Через него я гибну... Всё готово!
Молю!.. о, киньте мне хоть взгляд, хоть слово!

106

«Для вашего отца впервые я
Забыла стыд, – где у рабы защита?
Грозил он ссылкой, бог ему судья!
Прошла неделя, – бедная забыта..
А всё любить другого ей нельзя.
Вчера меня обидными словами
Он разбранил... Но что же перед вами?
Раба? игрушка!.. Точно: день, два, три
Мила, а там? – пожалуй, хоть умри!..»
Тут начались слезы, восклицанья,
Но Саша их оставил без вниманья.

107

«Ах, барин, барин! Вижу я, понять
Не хочешь ты тоски моей сердечной!..
Прощай, – тебя мне больше не видать,
Зато уж помнить буду вечно, вечно..
Виновны оба, мне ж должно страдать.
Но, так и быть, целуй меня в грудь, в очи, –
Целуй, где хочешь, для последней ночи!..
Чем свет меня в кибитке увезут
На дальний хутор, где Маврушу ждут
Страданья и мужик с косматой бородою..
А ты? – вздохнешь и слюбишься с другою!»

108

Она заплакала. Так или нет
Изгнанница младая говорила,
Я утверждать не смею; двух, трех лет
Достаточна губительная сила,
Чтобы святейших слов загладить след.
А тот, кто рассказал мне повесть эту, –
Его уж нет... Но что за нужда свету?
Не веры я ищу, – я не пророк,
Хоть и стремлюсь душою на Восток,
Где свиньи и вино так ныне редки,
И где, как пишут, жили наши предки!

109

Она замолкла, но не Саша: он
Кипел против отца негодованьем:
«Злодей! тиран!» – и тысячу имен,
Таких же милых, с истинным вниманьем,
Он расточал ему. Но счастья сон,
Как ни бранись, умчался невозвратно..
Уже готов был юноша развратный
В последний раз на ложе пуховом
Вкусить восторг, в забытии немом
Уж и она, пылая в расслабленье
Раскинулась, как вдруг – о, провиденье! –

110

Удар ногою с треском растворил
Стеклянной двери обе половины,
И ночника луч бледный озарил
Живой скелет вошедшего мужчины.
Казалось, в страхе с ложа он вскочил, –
Растрепан, босиком, в одной рубашке, –
Вошел и строго обратился к Сашке:
«Eh bien, monsieur, que vois-je?» – «Ah, c'est vous!»

«Pourquoi ce bruit? Que faites-vous donc?» –

«Je f<...>!»[7]

И, молвив так (пускай простит мне муза),
Одним тузом он выгнал вон француза.

111

И вслед за ним, как лань кавказских гор,
Из комнаты пустилася бедняжка,
Не распростясь, но кинув нежный взор,
Закрыв лицо руками... Долго Сашка
Не мог унять волнение сердца. «Вздор, –
Шептал он, – вздор: любовь не жизнь!» Но утро,
Подернув тучки блеском перламутра,
Уж начало заглядывать в окно,
Как милый гость, ожидаемый давно,
А на дворе, унылый и докучный,
Раздался колокольчик однозвучный.

112

К окну с волнением Сашка подбежал:
Разгонных тройка у крыльца большого.
Вот сел ямщик и вожжи подобрал;
Вот чей-то голос: «Что же, всё готово?»
– «Готово». – Вот садится... Он узнал:
Она!.. В чепце, платком окутав шею,
С обыною улыбкою своею,
Ему кивнула тихо головой
И спряталась в кибитку. Бич лихой
Взвился. «Пошел!»... Колесы застучали...
И в миг... Но что нам до чужой печали?

113

Давно ль?.. Но детство Саши протекло.
Я рассказал, что знать вам было нужно...
Он стал с отцом браниться: не могло
И быть иначе, – нежностью наружной
Обманывать он почитал за зло,
За низость, – но правдивой мести знаки
Он не щадил (хотя б дошло до драки).
И потому родитель, рассчитав,
Что укрощать не стоит этот нрав,
Сынка, рыдая, как мы все умеем,
Послал в Москву с французом и лакеем.

114

И там проказник был препоручен
Старухе-тетке самых строгих правил.
Свет утверждал, что резвый Купидон
Ее краснеть ни разу не заставил.
Она была одна из тех княжен,
Которые, страшась святого брака,
Не смеют дать решительного знака
И потому в сомненьи ждут да ждут,
Покуда их на вист не позовут,
Потом остаток жизни, как умеют, –
За картами клеветуют и желтеют.

115

Но иногда какой-нибудь лакей,
Усердный, честный, верный, осторожный,
Имея вход к владычице своей
Во всякий час, с покорностью возможной,
В уютной спальне заменяет ей
Служанку, то есть греет одеяло,
Подушки, руки, ноги... Разве мало
Под мраком ночи делается дел,
Которых знать и чорт бы не хотел,
И если бы хоть раз он был свидетель,
Как сладко спит седая добродетель.

116

Шалун был отдан в модный пансион,
Где много приобрел прекрасных правил.
Сначала пристрастился к книгам он,

Но скоро их с презрением оставил.
Он увидал, что дружба, как поклон –
Двусмысленная вещь; что добрый малый –
Товарищ скучный, тягостный и вялый;
Чуть умный – и забавен и сносней,
Чем тысяча услужливых друзей.
И потому (считая только явных)
Он нажил в месяц сто врагов забавных.

117

И снимок их, как памятник святой,
На двух листах, раскрашенный отлично,
Носил всегда он в книжке записной,
Обернутой атласом, как прилично,
С стальным замком и розовой каймой.
Любил он заговоры злобы тайной
Расстроить словом, будто бы случайно;
Любил врагов внезапно удивлять,
На крик и брань – насмешкой отвечать,
Иль, притворясь рассеянным невеждой,
Ласкать их долго тщетною надеждой.

118

Из пансиона скоро вышел он,
Наскуча всё твердить азы да буки,
И, наконец, в студенты посвящен,
Вступил надменно в светлый храм науки.
Святое место! помню я, как сон,
Твои кафедры, залы, коридоры,
Твоих сынов заносчивые споры:
О боге, о вселенной и о том,
Как пить: ром с чаем или голый ром;
Их гордый вид пред гордыми властями,
Их сюртуки, висящие клочками.

119

Бывало, только восемь бьет часов,
По мостовой валит народ ученый.
Кто ночь провел с лампадой среди трудов,
Кто в грязной луже, вакхом упоенный;
Но все равно задумчивы, без слов
Текут... Пришли, шумят... Профессор длинный
Напрасно входит, кланяется чинно, –
Он книгу взял, раскрыл, прочел... шумят;
Уходит, – втрое хуже. Сущий ад!..
По сердцу Сашке жизнь была такая,
И этот ад считал он лучше рая.

120

Пропустим года два... Я не хочу
В один прием свою закончить повесть.
Читатель знает, что я с ним шучу,
И потому моя спокойна совесть,
Хоть, признаюсь, много пропущу
Событий важных, новых и чудесных.
Но час придет, когда, в пределах тесных
Не заключен и не спеша вперед,
Чтоб сократить унылый эпизод,
Я снова обращаю внимание ваше
На те года, потраченные Сашей...

121

Теперь героев разбудить пора,
Пора привести в порядок их одежды.
Вы вспомните, как сладостно вчера
В объятьях неги и живой надежды
Уснула Тирза? Резвый бег пера
Я не могу удерживать серьезно,
И потому она проснулась поздно...
Растрепанные волосы назад
Рукой откинув и на свой наряд
Взглянув с улыбкой сонною, сначала
Она довольно долго позевала.

122

На ней измято было всё, и грудь
Хранила знаки пламенных лобзаний.
Она спешит лицо водой сплеснуть
И кудри без особенных стараний
На голове гребенкою заткнуть;
Потом сорочку скинула, небрежно
Водю обмывает стан свой нежный...
Опять свежа, как персик молодой.
И на плеча капот накинув свой,
Пленительна бесстыдной наготою,
Она подходит к нашему герою,

123

Садится в изголовьи и потом
На сонного студеной влагой плещет.
Он поднялся, кидает взор кругом
И видит, что пора: светелка блещет,
Озарена роскошным зимним днем;
Замерзших окон стекла серебрятся;
В лучах пылинки светлые вертятся;
Упругий снег на улице хрустит,
Под тяжестью полозьев и копыт,
И в городе (что мне всегда досадно),
Колокола трезвонят беспощадно...

124

Прелестный день! Как пышен божий свет!
Как небеса лазурны!.. Торопливо
Вскочил мой Саша. Вот уж он одет,
Атласный галстук повязал лениво,
С кудрей ночных восторгов сгладил след;
Лишь синеватый венчик под глазами
Изобличал его... Но (между нами,
Сказать тихонько) это не порок.
У наших дам найти я то же б мог,
Хоть между тем ручаюсь головою,
Что их невинней нету под луною.

125

Из комнаты выходит наш герой,
И, пробираясь длинным коридором,
Он видит Катерину пред собой,
Приветствует ее холодным взором,
И мимо. Вот он в комнате другой:
Вот стул с дрожащей ножкою и рядом
Кровать; на ней, закрыта, кверху задом
Храпит Параша, отвернув лицо.
Он плащ надел и вышел на крыльцо,
И вслед за ним несутся восклицанья,
Чтобы не смел забыть он обещанья:

126

Чтоб приготовил модный он наряд
Для бедной, милой Тирзы, и так дале.
Сказать ли, этой выдумке был рад
Проказник мой: в театре, в пестрой зале
Заметят ли невинный маскарад?
Зачем еврейку не утешить тайно,
Зачем толпу не наказать случайно
Презреньем гордым всех ее причуд?
И что молва? – Глупцов крикливый суд,
Коварный шопот злой старухи, или
Два-три намека в польском иль в кадрили!

127

Уж Саша дома. К тетке входит он,
Небрежно у нее целует руку.
«Чем кончился вчерашний ваш бостон?
Я б не решился на такую скуку,
Хотя бы мне давали миллион.
Как ваши зубы?.. А Фиделька где же?
Она являться стала что-то реже.

Ей надоел наш модный круг, – увы,
Какая жалость!.. Знаете ли вы,
На этих днях мы ждем к себе комету,
Которая несет погибель свету?..

128

«И поделом, ведь новый магазин
Открылся на Кузнецком, – не угодно ль
Вам посмотреть?.. Там есть мамзель Aline,
Monsieur Dupré, Durand, француз природный,
Теперь купец, а бывший дворянин;
Там есть мадам Armand; там есть субретка
Fanchaux – плутовка, смуглая кокетка!
Вся молодежь вокруг ее вертится.
Мне ж всё равно, ей-богу, что случится!
И по одной значительной причине
Я только зритель в этом магазине.

129

«Причина эта вот – мой кошелек:
Он пуст, как голова француза, – малость
Истратил я; но это мне урок –
Ценить дешевле ветреную шалость!»
И, притворясь печальным сколько мог,
Шалун склонился к тетке, два-три раза
Вздыхнул, чтоб удалась его проказа.
Тихонько ларчик отперев, она
Заботливо дорылась до дна
И вынула три беленьких бумажки.
И... вы легко поймете радость Сашки.

130

Когда же он пришел в свой кабинет,
То у дверей с недвижностью примерной,
В чалме пунцовой, щегольски одет,
Стоял арап, его служитель верный.
Покрыт, как лаком, был чугунный цвет
Его лица, и ряд зубов перловых,
И блеск очей открытых, но суровых,
Когда смеялся он иль говорил,
Невольный страх на душу наводил;
И в голосе его, иным казалось,
Надменностью безумной отзывалось.

131

Союз довольно странный заключен
Меж им и Сашей был. Их разговоры
Казались таинственны, как сон;
Вдвоем, бывало, ночью, точно воры,
Уйдут и пропадают. Одарен
Соображеньем бойким, наш приятель
Восточных слов был страшный обожатель,
И потому «Зафиром» наречен
Его арап. За ним повсюду он,
Как мрачный призрак, следовал, и что же? –
Все восхищались этой скверной рожей!

132

Зафиру Сашка что-то прошептал.
Зафир кивнул курчавой головою,
Блеснул, как рысь, очами, денег взял
Из белой ручки черною рукою;
Он долго у дверей еще стоял
И говорил всё время, по несчастью,
На языке чужом, и тайной страстью
Одушевлен казался. Между тем,
Облокотясь на стол, задумчив, нем,
Герой печальный моего рассказа
Глядел на африканца в оба глаза.

133

И, наконец, он подал знак рукой,
И тот исчез быстрее китайской тени.
Проворный, хитрый, с смелою душой,

Он жил у Саши как служебный гений,
Домашний дух (по-русски домовый);
Как Мефистофель, быстрый и послушный,
Он исполнял безмолвно, равнодушно,
Добро и зло. Ему была закон
Лишь воля господина. Ведал он,
Что кроме Саши, в целом божьем мире
Никто, никто не думал о Зафире.

134

Однако были дни давным-давно,
Когда и он на берегу Гвинеи
Имел родной шалаш, жену, пшено
И ожерелье красное на шее,
И мало ли?.. О, там он был звено
В цепи семей счастливых!.. Там пустыня
Осталась неприступна, как святыня.
И пальмы там растут до облаков,
И пена вод белее жемчугов.
Там жгут лобзанья, и пронзают очи,
И перси дев черней роскошной ночи.

135

Но родина и вольность, будто сон,
В тумане дальнем скрылись невозвратно..
В цепях железных пробудился он.
Для дикаря всё стало непонятно –
Блестящих городов и шум и звон.
Так облачко, оторвано грозою,
Бродя одно под твердью голубою,
Куда пристать не знает; для него
Всё чуждо – солнце, мир и шум его;
Ему обидно общее веселье, –
Оно, нахмурясь, прячется в ущелье.

136

О, я люблю густые облака,
Когда они толпятся над горою,
Как на хребте стального шишака
Колеблемые перья! Пред грозою,
В одеждах золотых, издалека
Они текут безмолвным караваном,
И, наконец, одетые туманом,
Обнявшись, свившись будто куча змей,
Беспечно дремлют на скале своей.
Настанет день, – их ветер вновь уносит:
Куда, зачем, откуда? – кто их спросит?

137

И после них на свете нет следа,
Как от любви поэта безнадежной,
Как от мечты, которой никогда
Он не открыл вниманью дружбы нежной.
И ты, чья жизнь как беглая звезда
Промчалася неслышно между нами,
Ты мук своих не выразишь словами;
Ты не хотел насмешки выпить яд,
С улыбкою притворной, как Сократ;
И, не разгадан глупою толпою,
Ты умер чуждый жизни.. Мир с тобою!

138

И мир твоим костям! Они сгниют,
Покрытые одеждою военной..
И сумрачен и тесен твой приют,
И ты забыт, как часовой бессменный.
Но что же делать? – жди, авось придут,
Быть может, кто-нибудь из прежних братьев.
Как знать? – земля до молодых объятий
Охотница.. Ответствуй мне, певец,
Куда умчался ты?.. Какой венец
На голове твоей? И всё ль, как прежде,
Ты любишь нас и веруешь надежде?

139

И вы, вы все, которым столько раз
Я подносил приятельскую чашу, –
Какая буря в даль умчала вас?
Какая цель убила юность вашу?
Я здесь один. Святой огонь погас
На алтаре моем. Желанье славы,
Как призрак, разлетелось. Вы правы:
Я не рожден для дружбы и пиров...
Я в мыслях вечный странник, сын дубров,
Ущелий и свободы, и, не зная
Гнезда, живу, как птичка кочевая.

140

Я для добра был прежде гибнуть рад,
Но за добро платили мне презреньем;
Я пробежал пороков длинный ряд
И пресыщен был горьким наслажденьем...
Тогда я хладно посмотрел назад:
Как с свежего рисунка, сгладил краску
С картины прошлых дней, вздохнул и маску
Надел, и буйным смехом заглушил
Слова глупцов, и дерзко их казнил,
И, грубо пробуждая их беспечность,
Насмешливо указывал на вечность.

141

О, вечность, вечность! Что найдем мы там
За неземной границей мира? – Смутный,
Безбрежный океан, где нет векам
Названья и числа; где бесприютны
Блуждают звезды вслед другим звездам.
Заброшен в их немые хороводы,
Что станет делать гордый царь природы,
Который верно создан всех умней,
Чтоб пожирать растенья и зверей,
Хоть между тем (пожалуй, клясться стану)
Ужасно сам похож на обезьяну.

142

О, суета! И вот ваш полубог –
Ваш человек: искусством завладевший
Землей и морем, всем, чем только мог,
Не в силах он прожить три дня не евши.
Но полно! злобный бес меня завлек
В такие толки. Век наш – век безбожный;
Пожалуй, кто-нибудь, шпион ничтожный,
Мои слова прославит, и тогда
Нельзя креститься будет без стыда;
И поневоле станешь лицемерить,
Смеясь над тем, чему желал бы верить.

143

Блажен, кто верит счастью и любви,
Блажен, кто верит небу и пророкам, –
Он долголетен будет на земли
И для сынов останется уроком.
Блажен, кто думы гордые свои
Умел смирить пред гордою толпою,
И кто грехов тяжелою ценою
Не покупал пурпурных уст и глаз,
Живых, как жизнь, и светлых, как алмаз!
Блажен, кто не склонял чела младого,
Как бедный раб, пред идолом другого!

144

Блажен, кто вырос в сумраке лесов,
Как тополь дик и свеж, в тени зеленой
Играющих и шепчущих листов,
Под кровом скал, откуда ключ студень
По дну из камней радужных цветов
Струей гремучей прыгает сверкая,
И где над ним береза вековая

Стоит, как призрак поздней порой,
Когда едва кой-где сучок гнилой
Трещит вдали, и мрак между ветвями
Отвсюду смотрит черными очами!
145

Блажен, кто посреди нагих степей
Меж дикими воспитан табунами;
Кто приучен был на хребте коней,
Косматых, легких, вольных, как над нами
Златые облака, от ранних дней
Носиться; кто, главой припав на гриву,
Летал, подобно сумрачному Диву,
Через пустыню, чувствовал, считал,
Как мерно конь о землю ударял
Копытом звучным, и вперед землю
Упругой был кидаем с быстротою.
146

Блажен!.. Его душа всегда полна
Поэзией природы, звуков чистых;
Он не успеет вычерпать до дна
Сосуд надежд; в его кудрях волнистых
Не выглянет до время седина;
Он, в двадцать лет желающий чего-то,
Не будет вечной одержим зевотой,
И в тридцать лет не кинет край родной
С больною грудью и больной душой,
И не решится от одной лишь скуки
Писать стихи, марать в чернилах руки, –
147

Или, трудясь, как глупая овца,
В рядах дворянства, с рабским униженьем,
Прикрыв мундиром сердце подлеца, –
Искать чинов, мирясь с людским презреньем,
И поклоняться немцам до конца...
И чем же немец лучше славянина?
Не тем ли, что куда его судьбина
Ни кинет, он везде себе найдет
Отчизну и картофель?.. Вот народ:
И без таланта правит и за деньги служит,
Всех давит он, а бьют его – не тужит!
148

Вот племя: всякий чорт у них барон!
И уж профессор – каждый их сапожник!
И смело здесь и вслух глаголет он,
Как Пифия, воссев на свой треножник!
Кричит, шумит... Но что ж? – Он не рожден
Под нашим небом; наша степь святая
В его глазах бездушных – степь простая,
Без памятников славных, без следов,
Где б мог прочесть он повесть тех веков,
Которые, с их грозными делами,
Унесены забвения волнами...
149

Кто недоволен выходкой моей,
Тот пусть идет в журнальную контору,
С листком в руках, с оравой друзей,
И, веруя их опытному взору,
Печатает анафему, злодей!..
Я кончил... Так! дописана страница.
Лампада гаснет... Есть всему граница –
Наполеонам, бурям и войнам,
Тем более терпенью и... стихам,
Которые давно уж не звучали,
И вдруг с пера бог знает как упали!..
Глава II

1

Я не хочу, как многие из нас,
Испытывать читателей терпенье,

И потому примусь за свой рассказ
Без предисловий. – Сладкое смятенье
В душе моей, как будто в первый раз,
Ловлю прыгунью рифму и, потея,
В досаде призываю Асмодея.
Как будто снова бог переселил
Меня в те дни, когда я точно жил, –
Когда не знал я, что на слово младость
Есть рифма: гадость, кроме рифмы радость!

2

Давно когда-то, за Москвой-рекой,
На Пятницкой, у самого канала,
Заросшего негодною травой,
Был дом угольный; жизнь тогда играла
Меж стен высоких... Он теперь пустой.
Внизу живет с беззубой половиной
Безмолвный дворник... Пылью, паутиной
Обвешаны, как инеем, кругом
Карнизы стен, расписанных огнем
И временем, и окна краской белой
Замазаны повсюду кистью смелой.

3

В гостиной есть диван и круглый стол
На витых ножках, вражеской рукою
Исчерченный; но час их не пришел, –
Они гниют незримо, лишь порою
Скользит по ним играющий Эол
Или еще крыло жилиц развалин –
Летучей мыши. Жалок и печален
Исчезнувших пришельцев гордый след.
Вот сабель их рубцы, а их уж нет:
Один в бою упал на штык кровавый,
Другой в слезах без гроба и без славы.

4

Ужель никто из них не добежал
До рубежа отчизны драгоценной?
Нет, прах Кремля к подошвам их пристал,
И русский бог отмстил за храм священный...
Сердитый Кремль в огне их принимал
И проводил, пылая, светоч грозный...
Он озарил им путь в степи морозной –
И степь их поглотила, и о том,
Кто нам грозил и пленом и стыдом,
Кто над землей промчался, как комета,
Стал говорить с насмешкой голос света.

5

И старый дом, куда привел я вас,
Его паденья был свидетель хладный.
На изразцах кой-где встречает глаз
Черты карандаша, стихи и жадно
В них ищет мысли – и бесплодный час
Проходит... Кто писал? С какою целью?
Грустил ли он или предан был веселью?
Как надписи надгробные, оне
Рисуются узором по стене –
Следы давно погибших чувств и мнений,
Эпиграфы неведомых творений.

6

И образы языческих богов –
Без рук, без ног, с отбитыми носами –
Лежат в углах низвергнуты с столбов,
Раскрашенных под мрамор. Над дверями
Висят портреты дедовских веков
В померкших рамах и глядят сурово;
И мнится, обвинительное слово
Из мертвых уст их излетит – увы!
О, если б этот дом знавали вы
Тому назад лет двадцать пять и боле!

О, если б время было в нашей воле!..

7

Бывало, только утренней зарей
Осветятся церквей главы златые,
И сквозь туман заблещут над горой
Дворец царей и стены вековые,
Отражены зеркальною волной;
Бывало, только прачка молодая
С бельем господским из ворот, зевая,
Выходит, и сквозь утренний мороз
Раздастся первый стук колес, –
А графский дом уж полон суетою
И пестрых слуг заботливой толпою.

8

И каждый день идет в нем пир горой.
Смеются гости, и бренчат стаканы.
В стекле граненом дар земли чужой
Клокочет и шипит аи румяный,
И от крыльца карет недвижимый строй
Далеко тянется, и в зале длинной,
В толпе мужчин, услужливой и чинной,
Красавицы, столицы лучший цвет,
Мелькают... Вот учтивый менуэт
Рисуется вам; шопот удивленья,
Улыбки, взгляды, вздохи, изъясненья...

9

О, как тогда был пышен этот дом!
Вдоль стен висели пестрые шпалеры,
Везде фарфор китайский с серебром,
У зеркала...

Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца
Калашникова*

Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Про тебя нашу песню сложили мы,
Про твоего любимого опричника,
Да про смелого купца, про Калашникова;
Мы сложили ее на старинный лад,
Мы певали ее под гуслирный звон
И причитывали да присказывали.
Православный народ ею тешился,
А боярин Матвей Ромодановский
Нам чарку поднес меду пенного,
А боярыня его белолицая
Поднесла нам на блюде серебряном
Полотенцо новое, шелком шитое.
Угощали нас три дни, три ночи,
И всё слушали – не наслушались.

1

Не сияет на небе солнце красное,
Не любуются им тучки синие:
То за трапезой сидит во златом венце,
Сидит грозный царь Иван Васильевич.
Позади его стоят столыники,
Супротив его всё бояре да князья,
По бокам его всё опричники;
И пирует царь во славу божию,
В удовольствие свое и веселие.
Улыбаясь царь повелел тогда
Вина сладкого заморского
Нацедить в свой золоченый ковш
И поднести его опричникам.
– И все пили, царя славили.
Лишь один из них, из опричников,
Удалой боец, буйный молодец,
В золотом ковше не мочил усов;
Опустил он в землю очи темные,
Опустил головушку на широку грудь –
А в груди его была дума крепкая.

Вот нахмурил царь брови черные
И навел на него очи зоркие,
Словно ястреб взглянул с высоты небес
На младого голубя сизокрылого, –
Да не поднял глаз молодой боец.
Вот об землю царь стукнул палкою,
И дубовый пол на полчетверти
Он железным пробил оконечником –
Да не вздрогнул и тут молодой боец.
Вот промолвил царь слово грозное, –
И очнулся тогда добрый молодец.
«Гей ты, верный наш слуга, Кирибеевич,
Аль ты думу затаил нечестивую?
Али славе нашей завидуешь?
Али служба тебе честная прискучила?
Когда всходит месяц – звезды радуются,
Что светлей им гулять по поднебесью;
А которая в тучку прячется,
Та стремглав на землю падает...
Неприлично же тебе, Кирибеевич,
Царской радостью гнушаться;
А из роду ты ведь Скуратовых
И семьею ты вскормлен Малютиной!..»
Отвечает так Кирибеевич,
Царю грозному в пояс кланяясь:
«Государь ты наш, Иван Васильевич!
Не кори ты раба недостойного:
Сердца жаркого не залить вином,
Думу черную – не запотчевать!
А прогневал я тебя – воля царская:
Прикажи казнить, рубить голову,
Тяготит она плечи богатырские
И сама к сырой земле она клонится». .
И сказал ему царь Иван Васильевич:
«Да об чем тебе молодцу кручиниться?
Не истерся ли твой парчевой кафтан?
Не измялась ли шапка соболиная?
Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закаленная?
Или конь захромал, худо кованный?
Или с ног тебя сбил на кулачном бою,
На Москве-реке, сын купеческий?»
Отвечает так Кирибеевич,
Покачав головою кудрявою:
«Не родилась та рука заколдованная
Ни в боярском роду, ни в купеческом;
Аргамак мой степной ходит весело;
Как стекло горит сабля вострая,
А на праздничный день твоей милостью
Мы не хуже другого нарядимся.
«Как я сяду поеду на лихом коне
За Москву-реку покатаются,
Кушачком подтянусь шелковым,
Заломлю на бочок шапку бархатную,
Черным соболем отороченную, –
У ворот стоят у тесовых
Красны девушки да молодушки,
И любуются, глядя, перешептываясь;
Лишь одна не глядит, не любит, не
Полосатой фатой закрывается...
«На святой Руси, нашей матушке,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходит плавно – будто лебедушка;
Смотрит сладко – как голубушка;
Молвит слово – соловей поет;
Горят щеки ее румяные,
Как заря на небе божем;
Косы русые, золотистые,

В ленты яркие заплетенные,
По плечам бегут, извиваются,
С грудью белою целуются.
Во семье родилась она купеческой,
Прозывается Алёной Дмитриевной.
«Как увижу ее, я и сам не свой:
Опускаются руки сильные,
Помрачаются очи бойкие;
Скучно, грустно мне, православный царь,
Одному по свету маяться.
Опостыли мне кони легкие,
Опостыли наряды парчевые,
И не надо мне золотой казны:
С кем казною своей поделюсь теперь?
Перед кем покажу удалство свое?
Перед кем я нарядом похвастаюсь?
Отпусти меня в степи приволжские,
На житье на вольное, на казацкое.
Уж сложу я там буйную головушку
И сложу на копье бусурманское;
И разделят по себе злы татаровья
Коня доброго, саблю острую
И седельцо браное черкасское.
Мои очи слезные коршун выклюет,
Мои кости сырые дождик вымоет,
И без похорон горемычный прах
На четыре стороны развеется...»
И сказал смеясь Иван Васильевич:
«Ну, мой верный слуга! я твоей беде,
Твоему горю пособить постараюсь.
Вот возьми перстенок ты мой яхонтовый,
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахе смышленной поклоняйся
И пошли дары драгоценные
Ты своей Алёне Дмитриевне:
Как полюбишься – праздную свадьбу,
Не полюбишься – не прогневайся».
Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Обманул тебя твой лукавый раб,
Не сказал тебе правды истинной,
Не поведал тебе, что красавица
В церкви божией перевенчана,
Перевенчана с молодым купцом
По закону нашему христианскому...
* * *

Ай, ребята, пойте – только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте – дело разумеите!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

II

За прилавкою сидит молодой купец,
Статный молодец Степан Парамонович,
По прозванию Калашников;
Шелковые товары раскладывает,
Речью ласковой гостей он заманивает,
Злато, серебро пересчитывает.
Да недобрый день задался ему:
Ходят мимо баре богатые,
В его лавочку не заглядывают.
Отзвонили вечерню во святых церквах;
За Кремлем горит заря туманная,
Набегают тучки на небо, –
Гонит их метелица распеваючи;
Опустел широкий гостиный двор.
Запирает Степан Парамонович
Свою лавочку дверью дубовую
Да замком немецким со пружиною;
Злого пса-ворчуна зубастого

На железную цепь привязывает,
И пошел он домой, призадумавшись,
К молодой хозяйке за Москву-реку.
И приходит он в свой высокий дом,
И дивится Степан Парамонович:
Не встречает его молода жена,
Не накрыт дубовый стол белой скатертью,
А свеча перед образом еле теплится.
И кличет он старую работницу:
«Ты скажи, скажи, Еремеевна,
А куда девалась, затаилась
В такой поздний час Алёна Дмитриевна?
А что детки мои любезные –
Чай забегались, заигрались,
Спозаранку спать уложились?»
«Господин ты мой, Степан Парамонович!
Я скажу тебе диво дивное:
Что к вечерне пошла Алёна Дмитриевна;
Вот уж поп прошел с молодой попадьей,
Засветили свечу, сели ужинать, –
А по сю пору твоя хозяйюшка
Из приходской церкви не вернулась.
А что детки твои малые
Почивать не легли, не играть пошли –
Плачем плачут, всё не унимаются».
И смутился тогда думой крепкою
Молодой купец Калашников;
И он стал к окну, глядит на улицу –
А на улице ночь темнехонька;
Валит белый снег, расстилается,
Заметает след человеческий.
Вот он слышит в сенях дверью хлопнули,
Потом слышит шаги торопливые;
Обернулся, глядит – сила крестная!
Перед ним стоит молода жена,
Сама бледная, простоволосая,
Косы русые расплетенные
Снегом-инеем пересыпаны;
Смотрят очи мутные, как безумные;
Уста шепчут речи непонятные.
«Уж ты где, жена, жена, шаталась?
На каком подворье, на площади,
Что растрепаны твои волосы,
Что одёжа вся твоя изорвана?
Уж гуляла ты, пиновала ты,
Чай, с сынками всё боярскими?..
Не на то пред святыми иконами
Мы с тобой, жена, обручались,
Золотыми кольцами менялись!..
Как запрю я тебя за железный замок,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свету божьего ты не видела,
Мое имя честное не порочила...»
И услышав то, Алёна Дмитриевна
Задрожала вся моя голубушка,
Затряслась, как листочек осиновый,
Горько-горько она восплакалась,
В ноги мужу повалилась.
«Государь ты мой, красно солнышко,
Иль убей меня или выслушай!
Твои речи – будто острый нож;
От них сердце разрывается.
Не боюсь смерти лютыя,
Не боюсь я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.
«От вечерни домой шла я нонече
Вдоль по улице одинешенька.
И слышалось мне, будто снег хрустит;

Оглянулася – человек бежит.
Мои ноженьки подкосилися,
Шелковой фатой я закрылася.
И он сильно схватил меня за руки,
И сказал мне так тихим шопотом:
„Что пужаешься, красная красавица?
Я не вор какой, душегуб лесной,
Я слуга царя, царя грозного.
Прозываюся Кирибеевичем,
А из славной семьи из Малютиной...“
Испугалась я пуще прежнего;
Закружилась моя бедная головушка.
И он стал меня целовать–ласкать,
И целуя всё приговаривал:
„Отвечай мне, чего тебе надобно,
Моя милая, драгоценная!
Хочешь золота али жемчугу?
Хочешь ярких камней аль цветной парчи?
Как царицу я наряжу тебя,
Станут все тебе завидовать,
Лишь не дай мне умереть смертью грешною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый раз на прощание!“
«И ласкал он меня, целовал меня;
На щеках моих и теперь горят,
Живым пламенем разливаются
Поцалуи его окаянные...
А смотрели в калитку соседушки,
Смеючись, на нас пальцем показывали...
«Как из рук его я рванулася
И домой стремглав бежать бросилась,
И остались в руках у разбойника
Мой узорный платок – твой подарочек,
И фата моя бухарская.
Опозорил он, осрамил меня,
Меня честную, непорочную –
И что скажут злые соседушки?
И кому на глаза покажусь теперь?
«Ты не дай меня, свою верную жену,
Злым охульникам в поругание!
На кого, кроме тебя, мне надеяться?
У кого просить стану помощи?
На белом свете я сиротинушка:
Родной батюшка уж в сырой земле,
Рядом с ним лежит моя матушка,
А мой старший брат, сам ты ведаешь,
На чужой сторонущке пропал без вести,
А меньшой мой брат – дитя малое,
Дитя малое, неразумное...»
Говорила так Алёна Дмитриевна,
Горючьими слезами заливалася.
Посылает Степан Парамонович
За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата, поклонилися,
И такое слово ему молвили:
«Ты поведай нам, старшой наш брат,
Что с тобой случилось, приключилося,
Что послал ты за нами во темную ночь,
Во темную ночь морозную?»
«Я скажу вам, братцы любезные,
Что лиха беда со мною приключилася:
Опозорил семью нашу честную
Злой опричник царский Кирибеевич;
А такой обиды не стерпеть душе
Да не вынести сердцу молодецкому.
Уж как завтра будет кулачный бой
На Москве–реке при самом царе,
И я выйду тогда на опричника,

Буду на смерть биться, до последних сил;

А побьет он меня – выходите вы

За святую правду-матушку.

Не сробейте, братцы любезные!

Вы моложе меня, свежей силою,

На вас меньше грехов накопилось,

Так авось господь вас помилует!»

И в ответ ему братья молвили:

«Куда ветер дует в поднебесьи,

Туда мчатся и тучки послушные,

Когда сизый орел зовет голосом

На кровавую долину побоища,

Зовет пир пировать, мертвецов убирать,

К нему малые орлята слетаются:

Ты наш старший брат, нам второй отец;

Делай сам, как знаешь, как ведаешь,

А уж мы тебя родного не выдадим».

* * *

Ай, ребята, пойте – только гусли стройте!

Ай, ребята, пейте – дело разумеете!

Уж потешьте вы доброго боярина

И боярыню его белолицую!

III

Над Москвой великой, златоглавою,

Над стеной кремлевской белокаменной

Из-за дальних лесов, из-за синих гор,

По тесовым кровелькам играючи,

Тучки серые разгоняючи,

Заря алая подымается;

Разметала кудри золотистые,

Умывается снегами рассыпчатыми,

Как красавица, глядя в зеркальцо,

В небо чистое смотрит, улыбается.

Уж зачем ты, алая заря, просыпалася?

На какой ты радости разыгралася?

Как сходились, собирались

Удалые бойцы московские

На Москву-реку, на кулачный бой,

Разгуляться для праздника, потешиться.

И приехал царь со дружиною,

Со боярами и опричниками,

И велел растянуть цепь серебряную,

Чистым золотом в кольцах спаянную.

Оцепили место в 25 сажень,

Для охотничьего бою, одиночного.

И велел тогда царь Иван Васильевич

Клич кликать звонким голосом:

«Ой, уж где вы, добрые молодцы?

Вы потешьте царя нашего батюшку!

Выходите-ка во широкий круг;

Кто побьет кого, того царь наградит,

А кто будет побит, тому бог простит!»

И выходит удалой Кирибеевич,

Царю в пояс молча кланяется,

Скидает с могучих плеч шубу бархатную,

Подпершился в бок рукою правою,

Поправляет другой шапку алую,

Ожидает он себе противника...

Трижды громкий клич прокликали –

Ни один боец и не тронулся,

Лишь стоят да друг друга поталкивают.

На просторе опричник похаживает,

Над плохими бойцами подсмеивает:

«Присмирели, небойсь, призадумались!

Так и быть, обещаюсь, для праздника,

Отпущу живого с покаянием,

Лишь потешу царя нашего батюшку».

Вдруг толпа раздалась в обе стороны –

И выходит Степан Парамонович,
Молодой купец, удалой боец,
По прозванию Калашников,
Поклонился прежде царю грозному,
После белому Кремлю да святым церквам,
А потом всему народу русскому.
Горят очи его соколиные,
На опричника смотрят пристально.
Супротив него он становится,
Боевые рукавицы натягивает,
Могутные плечи распрямливает
Да кудряву бороду поглаживает.
И сказал ему Кирибеевич:
«А поведай мне, добрый молодец,
Ты какого роду, племени,
Каким именем прозываешься?
Чтобы знать, по ком панихиду служить,
Чтобы было чем и похвастаться».
Отвечает Степан Парамонович:
«А зовут меня Степаном Калашниковым,
А родился я от честнова отца,
И жил я по закону господнему:
Не позорил я чужой жены,
Не разбойничал ночью темною,
Не таился от свету небесного...
И промолвил ты правду истинную:
По одном из нас будут панихиду петь,
И не позже, как завтра в час полуденный;
И один из нас будет хвастаться,
С удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смешить
К тебе вышел я теперь, бусурманский сын,
Вышел я на страшный бой, на последний бой!»
И услышав то, Кирибеевич
Побледнел в лице, как осенний снег:
Бойки очи его затуманились,
Между сильных плеч пробежал мороз,
На раскрытых устах слово замерло...
Вот молча оба расходятся,
Богатырский бой начинается.
Размахнулся тогда Кирибеевич
И ударил впервой купца Калашникова,
И ударил его посереде груди –
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степан Парамонович;
На груди его широкой висел медный крест
Со святыми мощами из Киева,
И погнулся крест и вдавился в грудь;
Как роса из-под него кровь закапала;
И подумал Степан Парамонович:
«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до последнева!»
Изловчился он, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударил своего ненавистника
Прямо в левый висок со всего плеча.
И опричник молодой застонал слегка,
Закачался, упал за мертво;
Повалился он на холодный снег,
На холодный снег, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыром бору
Под смолистый под корень подрубленная.
И, увидев то, царь Иван Васильевич
Прогневался гневом, топнул о землю
И нахмурил брови черные;
Повелел он схватить удалова купца
И привести его пред лицо свое.
Как возговорил православный царь:

«Отвечай мне по правде, по совести,
Вольной волею или нехотя,
Ты убил на смерть мово верного слугу,
Мово лучшего бойца Кирибеевича?»
«Я скажу тебе, православный царь:
я убил его вольной волею,
А за что про что – не скажу тебе,
Скажу только богу единому.
Прикажи меня казнить – и на плаху несть
Мне головушку повинную;
Не оставь лишь малых детушек,
Не оставь молодую вдову,
Да двух братьев моих своей милостью...»
«Хорошо тебе, детинушка,
Удалой боец, сын купеческий,
Что ответ держал ты по совести.
Молодую жену и сирот твоих
Из казны моей я пожалую,
Твоим братьям велю от сего же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, беспошлинно.
А ты сам ступай, детинушка,
На высокое место лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топор велю наточить–наострить,
Палача велю одеть–нарядить,
В большой колокол прикажу звонить,
Чтобы знали все люди московские,
Что и ты не оставлен моей милостью...»
Как на площади народ собирается,
Заунывный гудит–воет колокол,
Разглашает всюду весть недобрую.
По высокому месту лобному,
Во рубахе красной с яркой запонкой,
С большим топором наостренным,
Руки голые потираючи,
Палач весело похаживает,
Удалова бойца дожидается,
А лихой боец, молодой купец,
Со родными братьями прощается:
«Уж вы, братцы мои, други кровные,
Поцалуемтесь да обнимемтесь
На последнее расставание.
Поклонитесь от меня Алёне Дмитриевне,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моим детушкам не сказывать.
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всем нашим товарищам,
Помолитесь сами в церкви божией
Вы за душу мою, душу грешную!»
И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка бесталанная
Во крови на плаху покатила.
Схоронили его за Москвой–рекой,
На чистом поле промеж трех дорог:
Промеж тульской, рязанской, владимирской,
И бугор земли сырой тут насыпали,
И кленовый крест тут поставили.
И гуляют шумят ветры буйные
Над его безымянной могилкою.
И проходят мимо люди добрые:
Пройдет стар человек – перекрестится,
Пройдет молодец – приосанится,
Пройдет девица – пригорюнится,
А пройдут гусяры – споют песенку.

* * *

Гей вы, ребята удалые,

Гуслиеры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали – красно и кончайте,
Каждому правдою и честью воздайте.
□□□Тароватому боярину слава!
□□□И красавице-боярыне слава!
□□□И всему народу христианскому слава!
Тамбовская казначейша*
Играй, да не отыгрывайся.

Пословица.

Посвящение

Пускай слыву я старовером,
Мне всё равно – я даже рад:
Пишу Онегина размером;
Пою, друзья, на старый лад.
Прошу послушать эту сказку!
Ее нежданую развязку
Одобрите, быть может, вы
Склоненьем легким головы.
Обычай древний наблюдая,
Мы благодетельным вином
Стихи негладкие запьем,
И пробегут они, хромя,
За мирною своей семьей
К реке забвенья на покой.

I

Тамбов на карте генеральной
Кружком означен не всегда;
Он прежде город был опальный*,
Теперь же, право, хоть куда.
Там есть три улицы прямые,
И фонари и мостовые,
Там два трактира есть, один
Московский, а другой Берлин.
Там есть еще четыре будки,
При них два будочника есть;
По форме отдают вам честь,
И смена им два раза в сутки;

. . .

Короче, славный городок.

II

Но скука, скука, боже правый,
Гостит и там, как над Невой,
Поит вас пресною отравой,
Ласкает черствою рукой.
И там есть чопорные франты,
Неумолимые педанты,
И там нет средства от глупцов
И музыкальных вечеров;
И там есть дамы – просто чудо!
Дианы строгие в чепцах,
С отказом вечным на устах.
При них нельзя подумать худо:
В глазах греховное прочтут,
И вас осудят, проклянут.

III

Вдруг оживился круг дворянский;
Губернских дев нельзя узнать;
Пришло известье: полк уланский
В Тамбове будет зимовать.
Уланы, ах! такие хваты..
Полковник, верно, неженатый –
А уж бригадный генерал,
Конечно, даст блестящий бал.
У матушек сверкнули взоры;
Зато, несносные скупцы,
Неумолимые отцы

Пришли в раздумье: сабли, шпоры
Беда для крашенных полов...
Так волновался весь Тамбов.

IV

И вот однажды утром рано,
В час лучший девственного сна,
Когда сквозь пелену тумана
Едва проглядывает Цна*,
Когда лишь куполы собора
Роскошно золотит Аврора,
И, тишины известный враг,
Еще безмолвствовал кабак,

. . .
. . .

Уланы справа по-шести
Вступили в город; музыканты,
Дремля на лошадях своих,
Играли марш из Двух слепых.*

V

Услыша ласковое ржанье
Желанных вороных коней,
Чье сердце, полное вниманья,
Тут не запрыгало сильней?
Забыта жаркая перина...
«Малашка, дура, Катерина,
Скорее туфли и платок!
Да где Иван? какой мешок!
Два года ставни отворяют...»
Вот ставни настезь. Целый дом
Трет стекла тусклые сукном –
И любопытно пробегают
Глаза опухшие девиц
Ряды суровых, пыльных лиц.

VI

«Ах, посмотри сюда, кузина,
Вот этот!» – «Где? майор?» – «О, нет!
Как он хорош, а конь – картина,
Да жаль, он, кажется, корнет...
Как ловко, смело избочился...
Поверишь ли, он мне приснился...
Я после не могла уснуть...»
И тут девическая грудь
Косынку тихо поднимает –
И разыгравшейся мечтой
Слегка темнится взор живой.
Но полк прошел. За ним мелькает
Толпа мальчишек городских,
Немытых, шумных и босых.

VII

Против гостиницы Московской,
Притона буйных усачей,
Жил некто господин Бобковской,
Губернский старый казначей.
Давно был дом его построен;
Хотя невзрачен, но спокоен;
Меж двух облупленных колонн
Держался кое-как балкон.
На кровле треснувшие доски
Зеленым мохом поросли;
Зато пред окнами цвели
Четыре стриженных березки
Взамен гардин и пышных стор,
Невинной роскоши убор.

VIII

Хозяин был старик угрюмый
С огромной лысой головой.
От юных лет с казенной суммой
Он жил как с собственной казной.

В пучинах сумрачных расчета
Блуждать была его охота,
И потому он был игрок
(Его единственный порок).
Любил налево и направо
Он в зимний вечер прометнуть,
Четвертый куш перечеркнуть,
Рутёркой понтирнуть со славой,
И талью скверную порой
Запить Цимлянского струей.

IX

Он был врагом трудов полезных,
Трибун тамбовских удальцов,
Гроза всех матушек уездных
И воспитатель их сынков.
Его краплёные колоды
Не раз невинные доходы
С индеек, масла и овса
Вдруг пожирали в полчаса.
Губернский врач, судья, исправник –
Таков его всегдашний круг;
Последний был делец и друг,
И за столом такой забавник,
Что казначейша иногда
Сгорит, бывало, от стыда.

X

Я не поведал вам, читатель,
Что казначей мой был женат.
Благословил его создатель,
Послав ему в супруге клад.
Ее ценил он тысяч во сто,
Хотя держал довольно просто
И не выписывал чепцов
Ей из столичных городов.
Предав ей таинства науки,
Как бросить вздох иль томный взор,
Чтоб легче влюбчивый понтёр
Не разглядел проворной штуки,
Меж тем догадливый старик
С глаз не спускал ее на миг.

XI

И впрямь Авдотья Николавна
Была прелакомый кусок.
Идет, бывало, гордо, плавно –
Чуть тронет землю башмачок;
В Тамбове не запомнят люди
Такой высокой, полной груди:
Бела как сахар, так нежна,
Что жилка каждая видна.
Казалось, для нежной страсти
Она родилась. А глаза...
Ну, что такое бирюза?
Что небо? Впрочем я отчасти
Поклонник голубых очей
И не гожусь в число судей.

XII

А этот носик! Эти губки,
Два свежих розовых листка!
А перламутровые зубки,
А голос сладкий как мечта!
Она картавя говорила,
Нечисто Р произносила;
Но этот маленький порок
Кто извинить бы в ней не мог?
Любил трепать ее ланиты
Разнежась старый казначей.
Как жаль, что не было детей
У них! –

. . .
— —

XIII

Для большей ясности романа
Здесь объявить мне вам пора,
Что страстно влюблена в улана
Была одна ее сестра.
Она, как должно, тайну эту
Открыла Дуне по секрету.
Вам не случилось двух сестер
Замужних слышать разговор?
О чем тут, боже справедливый,
Не судят милые уста!
О, русских нравов простота!
Я, право, человек нелживый —
А из-за ширмов раза два
Такие слышал я слова...

XIV

Итак тамбовская красотка
Ценить умела уж усы

. . .
. . .

Что ж? знание ее сгубило!
Один улан, повеса милый
(Я вместе часто с ним бывал),
В трактире номер занимал
Окно в окно с ее уборной.
Он был мужчина в тридцать лет;
Штабротмистр, строен как корнет;
Взор пылкий, ус довольно черный:
Короче, идеал девиц,
Одно из славных русских лиц.

XV

Он всё отцовское именье
Еще корнетом прокутил;
С тех пор дарами провиденья,
Как птица божия, он жил.
Он спать, лежать привык; не ведать,
Чем будет завтра пообедать.
Шатаясь по Руси кругом,
То на курьерских, то верхом,
То полупьяным ремонтёром,
То волокитой отпускным,
Привык он к случаям таким,
Что я бы сам почел их вздором,
Когда бы все его слова
Хоть тень имели хвастовства.

XVI

Страстьми земными несмущаем,
Он не терялся никогда.

. . .
. . .

Бывало, в деле, под картечью
Всех рассмешит надутой речью,
Гримасой, фарсой площадной,
Иль неподдельной остротой.
Шутя однажды после спора
Всадил он другу пулю в лоб;
Шутя и сам он лег бы в гроб,

. . .
. . .

Порой, незлобен как дитя,
Был добр и честен, но шутя.

XVII

Он не был тем, что волокитой
У нас привыкли называть;
Он не ходил тропой избитой,
Свой путь умея пролагать;
Не делал страстных изъяснений,

Не становился на колени;
А несмотря на то, друзья,
Счастливей был, чем вы и я.

. . .
. . .
. . .

Таков-то был штабротмистр Гарин:
По крайней мере мой портрет
Был схож тому назад пять лет.

XVIII

Спешил о редкостях Тамбова
Он у трактирщика узнать.
Узнал не мало он смешного –
Интриг секретных шесть иль пять;
Узнал, невесты как богаты,
Где свахи водятся иль сваты:
Но занял более всего
Мысль беспокойную его
Рассказ о молодой соседке.
Бедняжка! думает улан:
Такой безжизненный болван
Имеет право в этой клетке
Тебя стеречь – и я, злодей,
Не тронусь участью твоей?

XIX

К окну поспешно он садится,
Надев персидский архалук;
В устах его едва дымится
Узорный бисерный чубук.
На кудри мягкие надета
Ермолка вишневого цвета
С каймой и кистью золотой,
Дар молдаванки молодой.
Сидит и смотрит он прилежно...
Вот, промелькнувши как во мгле,
Обрисовался на стекле
Головки милой профиль нежный;
Вот будто стукнуло окно...
Вот отворяется оно.

XX

Еще безмолвен город сонный;
На окнах блещет утра свет;
Еще по улице мощеной
Не раздается стук карет...
Что ж казначейшу молодую
Так рано подняло? Какую
Назвать причину поверней?
Уж не бессонница ль у ней?
На ручку опершись головкой,
Она вздыхает, а в руке
Чуллок; но дело не в чулке –
Заняться этим нам неловко...
И если правду уж сказать –
Ну к стати ль было б ей вязать!

XXI

Сначала взор ее прелестный
Бродил по синим небесам,
Потом склонился к поднебесной
И вдруг... какой позор и срам!
Напротив, у окна трактира,
Сидит мужчина без мундира.
Скорей, штабротмистр! ваш сертук!
И поделом... окошко стук...
И скрылось милое виденье.
Конечно, добрые друзья,
Такая грустная статья
На вас навеяла б смущенье;
Но я отдам улану честь –

Он молвил: «Что ж? начало есть».

XXII

Два дня окно не отворялось.
Он терпелив. На третий день
На стеклах снова показалась
Ее пленительная тень;
Тихонько рама заскрипела.
Она с чулком к окну подсела.
Но опытный заметил взгляд
Ее заботливый наряд.
Своей удачею довольный,
Он встал и вышел со двора –
И не вернулся до утра.
Потом, хоть было очень больно,
Собрав запас душевных сил,
Три дня к окну не подходил.

XXIII

Но эта маленькая ссора
Имела участь нежных ссор:
Меж них завелся очень скоро
Немой, но внятный разговор.
Язык любви, язык чудесный,
Одной лишь юности известный,
Кому, кто раз хоть был любим,
Не стал ты языком родным?
В минуту страстного волненья
Кому хоть раз ты не помог
Близ милых уст, у милых ног?
Кого под игом принужденья,
В толпе завистливой и злой,
Не спас ты, чудный и живой?

XXIV

Скажу короче: в две недели
Наш Гарин твердо мог узнать,
Когда она встает с постели,
Пьет с мужем чай, идет гулять.
Отправится ль она к обедне –
Он в церкви верно не последний;
К сырой колонне прислонясь,
Стоит всё время не крестясь.
Лучом краснеющей лампы
Его лицо озарено:
Как мрачно, холодно оно!
А испытующие взгляды
То вдруг померкнут, то блещут –
Проникнуть в грудь ее хотят.

XXV

Давно разрешено сомненье,
Что любопытен нежный пол.
Улан большое впечатленье
На казначейшу произвел
Своею странностью. Конечно,
Не надо было б мысли грешной
Дорогу в сердце пролагать,
Ее бояться и ласкать!

. . .
. . .
. . .

Жизнь без любви такая скверность;
А что, скажите, за предмет
Для страсти муж, который сед?

XXVI

Но время шло. «Пора к развязке!»
Так говорил любовник мой.
«Вздыхают молча только в сказке,
А я не сказочный герой».
Раз входит, кланяясь пренизко,
Лакей. – «Что это?» – «Вот-с записка»;

Вам барин кланяться велел-с;
Сам не приехал – много дел-с;
Да приказал вас звать к обеду,
А вечерком потанцовать.
Он сам изволил так сказать».
– «Ступай, скажи, что я приеду». –
И в три часа, надев колет,
Летит штабротмистр на обед.

XXVII

Амфитрион был предводитель* –
И в день рождения жены,
Порядка ревностный блюститель,
Созвал губернские чины
И целый полк. Хотя бригадный
Заставил ждать себя изрядно
И после целый день зевал,
Но праздник в том не потерял.
Он был устроен очень мило;
В огромных вазах по столам
Стояли яблоки для дам;
А для мужчин в буфете было
Еще с утра принесено
В больших трех ящиках вино.

XXVIII

Вперед под ручку с генеральшей
Пошел хозяин. Вот за стол
Уселся от мужчин подальше
Прекрасный, но стыдливый пол –
И дружно загремел с балкона,
Средь утешительного звона
Тарелок, ложек и ножей,
Весь хор уланских трубачей:
Обычай древний, но прекрасный;
Он возбуждает аппетит,
Порою кстати заглушит
Меж двух соседей говор страстный –
Но в наше время решено,
Что всё старинное смешно.

XXIX

Родов, обычаев боярских
Теперь и следу не ищи,
И только на пирах гусарских
Гремят, как прежде, трубачи.
О, скоро ль мне придется снова
Сидеть среди кружка родного
С бокалом влаги золотой
При звуках песни полковой!
И скоро ль ментиков червонных
Приветный блеск увижу я,
В тот серый час, когда заря
На строй гусаров полусонных
И на бивак их у леска
Бросает луч исподтишка!

XXX

С Авдотьей Николавной рядом
Сидел штабротмистр удалой –
Впился в нее упрямым взглядом,
Крутя усы одной рукой.
Он видел, как в ней сердце билось...
И вдруг – не знаю, как случилось –
Ноги ее иль башмачка
Коснулся шпорой он слегка.
Тут начались извиненья,
И завязался разговор;
Два комплимента, нежный взор –
И уж дошло до изъясненья...
Да, да – как честный офицер!
Но казначейша – не пример.

XXXI

Она, в ответ на нежный шопот,
Немой восторг спеша сокрыть,
Невинной дружбы тяжкий опыт
Ему решила предложить –
Таков обычай деревенский!
Помучить – способ самый женский.
Но уж давно известна нам
Любовь друзей и дружба дам!
Какое адское мученье
Сидеть весь вечер tête-à-tête, [8]
С красавицей в осьмнадцать лет

. . .
. . .

XXXII

Вобщем я мог в году последнем
В девицах наших городских
Заметить страсть к воздушным бредням
И мистицизму. Бойтесь их!
Такая мудрая супруга,
В часы любовного досуга,
Вам вдруг захочет доказать,
Что 2 и 3 совсем не пять;
Иль, вместо пламенных лобзаний,
Магнетизировать начнет –
И счастлив муж, коли заснет!..
Плоды подобных замечаний
Конечно б мог не ведать мир,
Но польза, польза мой кумир.

XXXIII

Я бал описывать не стану,
Хоть это был блестящий бал.
Весь вечер моему улану
Амур прилежно помогал.
Увы –
Не веруют амуру ныне;
Забыт любви волшебный царь;
Давно остыл его алтарь!
Но за столичным просвещеньем
Провинциалы не спешат;

. . .

XXXIV

И сердце Дуни покорилось;
Его сковал могучий взор...
Ей дома целу ночь всё снилось
Бряцанье сабли или шпор.
Поутру, встав часу в девятом,
Садится в шлафоре измятом
Она за вечную канву –
Всё тот же сон и наяву.
По службе занят муж ревнивый,
Она одна – разгул мечтам!
Вдруг дверью стукнули. «Кто там?
Андрюшка! Ах, тюлень ленивый!..»
Вот чей-то шаг – и перед ней
Явился... только не Андрей.

XXXV

Вы отгадаете, конечно,
Кто этот гость нежданный был.
Немного, может быть, поспешно
Любовник смелый поступил;
Но впрочем, взявши в рассмотрение
Его минувшее терпенье
И рассудив, легко поймешь,
Зачем рискует молодежь.
Кивнув легонько головою,
Он к Дуне молча подошел

И на лицо ее навел
Взор, отуманенный тоскою;
Потом стал длинный ус крутить,
Вздыхнул, и начал говорить:
XXXVI
«Я вижу, вы меня не ждали –
Прочесть легко из ваших глаз;
Ах, вы еще не испытали,
Что в страсти значит день, что час!
Среди сердечного волненья
Нет сил, нет власти, нет терпенья!
Я здесь – на всё решился я...
Тебе я предан... ты моя!
Ни мелочные толки света,
Ничто, ничто не страшно мне;
Презренье светской болтовне –
Иль я умру от пистолета...
О, не пугайся, не дрожи;
Ведь я любим – скажи, скажи!..»
XXXVII

И взор его притворно-скромный,
Склоняясь к ней, то угасал,
То, разгораясь страстью томной,
Огнем сверкающим пылал.
Бледна, в смущеньи оставалась
Она пред ним... Ему казалось,
Что чрез минуту для него
Любви наступит торжество...
Как вдруг внезапный и невольный
Стыд овладел ее душой –
И, вспыхнув вся, она рукой
Толкнула прочь его: «Довольно,
Молчите – слышать не хочу!
Оставьте ль? я закричу!..»
XXXVIII

Он смотрит: это не притворство,
Не шутики – как ни говори –
А просто женское упорство,
Капризы – чорт их побори!
И вот – о, верх всех унижений!
Штабротмистр преклонил колени
И молит жалобно; как вдруг
Дверь настезь – и в дверях супруг.
Красотка: «ах!» Они взглянули
Друг другу сумрачно в глаза;
Но молча разнеслась гроза,
И Гарин вышел. Дома пули
И пистолеты снарядил,
Присел – и трубку закурил.
XXXIX

И через час ему приносит
Записку грязную лакей.
Что это? чудо! Нынче просит
К себе на вистик казначей,
Он именинник – будут гости...
От удивления и злости
Чуть не задохся наш герой.
Уж не обман ли тут какой?
Весь день проводит он в волненье.
Настал и вечер наконец.
Глядит в окно: каков хитрец –
Дом полон, что за освещенье!
А всё засунуть – или нет? –
В карман на случай пистолет.
XL

Он входит в дом. Его встречает
Она сама, потупя взор.
Вздых полновесный прерывает

Едва начатый разговор.
О сцене утренней ни слова.
Они друг другу чужды снова.
Он о погоде говорит;
Она «да-с, нет-с» и замолчит.
Измучен тайною досадой,
Идет он дальше в кабинет...
Но здесь спешить нам нужды нет,
Притом спешить нигде не надо.
Итак позвольте отдохнуть,
А там докончим как-нибудь.

XLI

Я жить спешил в былые годы,
Искал волнений и тревог,
Законы мудрые природы
Я безрассудно пренебрег.
Что ж вышло? Право смех и жалость!
Сковала душу мне усталость,
А сожаленье день и ночь
Твердит о прошлом. Чем помочь!
Назад не возвратят усилья.
Так в клетке молодой орел*,
Глядя на горы и на дол,
Напрасно не подымлет крылья –
Кровавой пищи не клюет,
Сидит, молчит и смерти ждет.

XLII

Ужель исчез ты, возраст милый,
Когда всё сердцу говорит,
И бьется сердце с дивной силой,
И мысль восторгами кипит?
Не всё ж томиться бесполезно
Орлу за клеткою железной:
Он свой воздушный прежний путь
Еще найдет когда-нибудь,
Туда, где снегом и туманом
Одеты темные скалы,
Где гнезда вьют одни орлы,
Где тучи бродят караваном!
Там можно крылья развернуть
На вольный и роскошный путь!

XLIII

Но есть всему конец на свете,
И даже выпреним мечтам.
Ну, к делу. Гарин в кабинете.
О чудеса! Хозяин сам
Его встречает с восхищеньем,
Сажает, потчует вареньем,
Несет шампанского стакан.
«Иуда!» – мыслит мой улан.
Толпа гостей теснилась шумно
Вокруг зеленого стола;
Игра уж дельная была,
И банк притом благоразумный.
Его держал сам казначей
Для облегчения друзей.

XLIV

И так как господин Бобковский
Великим делом занят сам,
То здесь блестящий круг тамбовский
Позвольте мне представить вам.
Во-первых, господин советник,
Блюститель нравов, мирный сплетник,
– –

– –
А вот уездный предводитель,
Весь спрятан в галстук, фрак до пят,
Дискант, усы и мутный взгляд.

А вот, спокойствия рачитель,
Сидит и сам исправник – но
Об нем уж я сказал давно.

XLV

Вот, в полуфрачке, раздушенный,
Времен новейших Митрофан,
Нетесанный, недоученый,
А уж безнравственный болван.

Доверье полное имея
К игре и знанью казначея,
Он понтирует, как велят –
И этой чести очень рад.
Еще тут были... но довольно,
Читатель милый, будет с вас.
И так несвязный мой рассказ,
Перу покорствуя невольно
И своенравию чернил,
Бог знает, чем я испестрил.

XLVI

Пошла игра. Один, бледнея,
Рвал карты, вскрикивал; другой,
Поверить проигрыш не смея,
Сидел с поникшей головой.
Иные, при удачной талье,
Стаканы шумно наливали
И чокались. Но банкOMET
Был нем и мрачен. Хладный пот
По гладкой лысине струился.
Он всё проигрывал дотла.
В ушах его дана, взяла
Так и звучали. Он взбесился –
И проиграл свой старый дом,
И всё, что в нем или при нем.

XLVII

Он проиграл коляску, дрожки,
Трех лошадей, два хомута,
Всю мебель, женины сережки,
Короче – всё, всё дочиста.
Отчаянья и злости полный,
Сидел он бледный и безмолвный.
Уж было полночь. Треща
Одна погасла уж свеча.
Свет утра синевато-бледный
Вдоль по туманным небесам
Скользил. Уж многим игрокам
Сон прогулять казалось вредно,
Как вдруг, очнувшись, казначей
Вниманья просит у гостей.

XLVIII

И просит важно позволенья
Лишь талью прометнуть одну,
Но с тем, чтоб отыграть именье,
Иль «проиграть уж и жену».
О страх! о ужас! о злодейство!
И как доньине казначейство
Еще терпеть его могло!
Всех будто варом обожгло.
Улан один прехладнокровно
К нему подходит. «Очень рад, –
Он говорит, – пускай шумят,
Мы дело кончим полюбовно,
Но только чур не плутовать –
Иначе вам не сдобровать!»

XLIX

Теперь кружок понтёров праздных
Вообразить прошу я вас,
Цвета их лиц разнообразных,
Блистанье их очков и глаз,

Потом усастого героя,
Который понтирует стоя;
Против него меж двух свечей
Огромный лоб, седых кудрей
Покрытый редкими клочками,
Улыбкой вытянутый рот
И две руки с колодой – вот
И вся картина перед вами,
Когда прибавим вдалеке
Жену на креслах в уголке.

L

Что в ней тогда происходило –
Я не берусь вам объяснить;
Ее лицо изобразило
Так много мук, что, может быть,
Когда бы вы их разгадали,
Вы поневоле б зарыдали.
Но пусть участия слеза
Не отуманит вам глаза:
Смешно участие в человеке,
Который жил и знает свет.
Рассказы вымышленных бед
В чувствительном прошедшем веке
Не мало проливали слез...
Кто ж в этом выиграл – вопрос?

LI

Недолго битва продолжалась;
Улан отчаянно играл;
Над стариком судьба смеялась –
И жребий выпал... час настал...
Тогда Авдотья Николавна,
Встав с кресел, медленно и плавно
К столу в молчаньи подошла –
Но только цвет ее чела
Был страшно бледен. Обомлела
Толпа. Все ждут чего-нибудь –
Упреков, жалоб, слез... Ничуть!
Она на мужа посмотрела
И бросила ему в лицо
Свое венчальное кольцо –

LII

И в обморок. Ее в охапку
Схватив – с добычей дорогой,
Забыв расчеты, саблю, шапку,
Улан отправился домой.
Поутру вестью забавной
Смущен был город благонравный.
Неделю целую спустя,
Кто очень важно, кто шутя,
Об этом все распространялись.
Старик защитников нашел.
Улана проклял милый пол –
За что, мы, право, не дознались.
Не зависть ли? Но нет, нет, нет!
Ух! я не выношу клевет.

LIII

И вот конец печальной были
Иль сказки – выразусь прямой.
Признайтесь, вы меня бранили?
Вы ждали действия? страстей?
Повсюду нынче ищут драмы,
Все просят крови – даже дамы.
А я, как робкий ученик,
Остановился в лучший миг;
Простым нервическим припадком
Неловко сцену заключил,
Соперников не помирил
И не поссорил их порядком...

Что ж делать! Вот вам мой рассказ,
Друзья; покамест будет с вас.
Беглец*

(Горская легенда)

Гарун бежал быстрее лани,
Быстрее, чем заяц от орла;
Бежал он в страхе с поля брани,
Где кровь черкесская текла;
Отец и два родные брата
За честь и вольность там легли,
И под пятой у сопостата
Лежат их головы в пыли.
Их кровь течет и просит мщенья,
Гарун забыл свой долг и стыд;
Он растерял в пылу сраженья
Винтовку, шашку – и бежит!
И скрылся день; клубясь туманы
Одели темные поляны
Широкой белой пеленой;
Пахнуло холодом с востока,
И над пустынею пророка
Встал тихо месяц золотой!..
Усталый, жаждою томимый,
С лица стирая кровь и пот,
Гарун меж скал аул родимый
При лунном свете узнает;
Подкрался он, никем незримый...
Кругом молчанье и покой,
С кровавой битвы невредимый
Лишь он один пришел домой.
И к сакле он спешит знакомой,
Там блещет свет, хозяин дома;
Скрепясь душой как только мог,
Гарун ступил через порог;
Селима звал он прежде другом,
Селим пришельца не узнал;
На ложе мучимый недугом
Один, – он, молча, – умирал...
«Велик аллах, от злой отравы
Он светлым ангелам своим
Велел беречь тебя для славы!»
«Что нового?» – спросил Селим,
Подняв слабеющие вежды,
И взор блеснул огнем надежды!..
И он привстал, и кровь бойца
Вновь разыгралась в час конца.
«Два дня мы бились в теснине;
Отец мой пал, и братья с ним;
И скрылся я один в пустыне
Как зверь, преследуем, гоним,
С окровавленными ногами
От острых камней и кустов,
Я шел безвестными тропами
По следу вепрей и волков;
Черкесы гибнут – враг повсюду...
Прими меня, мой старый друг;
И вот пророк! твоих услуг
Я до могилы не забуду!..
И умирающий в ответ:
«Ступай – достоин ты презренья.
Ни крова, ни благословленья
Здесь у меня для труса нет!..
Стыда и тайной муки полный,
Без гнева вытерпев упрек,
Ступил опять Гарун безмолвный
За неприветливый порог.
И саклю новую минуя,
На миг остановился он,

И прежних дней летучий сон
Вдруг обдал жаром поцелуя
Его холодное чело;
И стало сладко и светло
Его душе; во мраке ночи,
Казалось, пламенные очи
Блеснули ласково пред ним;
И он подумал: я любим;
Она лишь мной живет и дышит...
И хочет он взойти – и слышит,
И слышит песню старины...
И стал Гарун бледней луны:
□Месяц плывет
□Тих и спокоен,
□А юноша воин
□На битву идет.
□Ружье заряжает джигит,
□А дева ему говорит:
□Мой милый, смелее
□Вверяйся ты року,
□Молися востоку,
□Будь верен пророку,
□Будь славе вернее.
□Своим изменивший
□Изменой кровавой,
□Врага не сразивши,
□Погибнет без славы,
□Дожди его ран не обмоют,
□И звери костей не зароят.
□Месяц плывет
□И тих и спокоен,
□А юноша воин
□На битву идет.
Главой поникнув, с быстротою
Гарун свой продолжает путь,
И крупная слеза порою
С ресницы падает на грудь...
Но вот от бури наклоненный
Пред ним родной белеет дом;
Надеждой снова ободренный,
Гарун стучится под окном.
Там, верно, теплые молитвы
Восходят к небу за него;
Старуха-мать ждет сына с битвы,
Но ждет его не одного!..
«Мать – отвори! я странник бедный,
я твой Гарун, твой младший сын;
Сквозь пули русские безвредно
Пришел к тебе!»
– «Один?»
– «Один!»
– «А где отец и братья?» –
– «Пали!»
Пророк их смерть благословил,
И ангелы их души взяли».
– «Ты отомстил?»
– «Не отомстил...
Но я стрелой пустился в горы,
Оставил меч в чужом краю,
Чтобы твои утешить взоры
И утереть слезу твою...»
«Молчи, молчи! гяур лукавый,
Ты умереть не мог со славой,
Так удались, живи один.
Твоим стыдом, беглец свободы,
Не омрачу я стары годы,
Ты раб и трус – и мне не сын!..»
Умолкло слово отверженья,

И всё кругом объято сном.
Проклятья, стоны и моления
Звучали долго под окном;
И, наконец, удар кинжала
Пресек несчастного позор...
И мать поутру увидела...
И хладно отвернула взор.
И труп, от праведных изгнанный,
Никто к кладбищу не отнес,
И кровь с его глубокой раны
Лизал рыча домашний пес;
Ребята малые ругались
Над хладным телом мертвеца,
В преданьях вольности остались
Позор и гибель беглеца.
Душа его от глаз пророка
Со страхом удалилась прочь;
И тень его в горах востока
Поныне бродит в темну ночь,
И под окном поутру рано
Он в сакли просится, стуча,
Но внемля громкий стих Корана,
Бежит опять, под сень тумана,
Как прежде бегал от меча.
Мцыри[9]*
Вкушая, вкусих мало меда и се аз умираю.

1-я Книга царств.

1
Немного лет тому назад,
Там, где сливаясь шумят
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы
И нынче видит пешеход
Столбы обрушенных ворот,
И башни, и церковный свод;
Но не курится уж под ним
Кадилаиц благовонный дым,
Не слышно пенье в поздний час
Молящих иноков за нас.
Теперь один старик седой,
Развалин страж полуживой,
Людьми и смертию забыт,
Сметает пыль с могильных плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой – и о том,
Как удручен своим венцом,
Такой-то царь, в такой-то год,
Вручал России свой народ.
* * *

И божья благодать сошла
На Грузию! – она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасаяся врагов,
За гранью дружеских штыков.
2

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребенка пленного он вез.
Тот занемог, не перенес
Трудов далекого пути.
Он был, казалось, лет шести;
Как серна гор, пуглив и дик
И слаб и гибок, как тростник.
Но в нем мучительный недуг
Развил тогда могучий дух
Его отцов. Без жалоб он

Томился – даже слабый стон
Из детских губ не вылетал,
Он знаком пищу отвергал,
И тихо, гордо умирал.
Из жалости один монах
Больного призрел, и в стенах
Хранительных остался он
Искусством дружеским спасен.
Но, чужд ребяческих утех,
Сначала бегал он от всех,
Бродил безмолвен, одинок,
Смотрел вздыхая на восток,
Томим неясною тоской
По стороне своей родной.
Но после к плену он привык,
Стал понимать чужой язык,
Был окрещен святым отцом,
И, с шумным светом незнаком,
Уже хотел во цвете лет
Изречь монашеский обет,
Как вдруг однажды он исчез
Осенней ночью. Темный лес
Тянулся по горам кругом.
Три дня все поиски по нем
Напрасны были, но потом
Его в степи без чувств нашли
И вновь в обитель принесли;
Он страшно бледен был и худ
И слаб, как будто долгий труд,
Болезнь иль голод испытал.
Он на допрос не отвечал,
И с каждым днем приметно вял;
И близок стал его конец.
Тогда пришел к нему чернец
С увещеваньем и мольбой;
И, гордо выслушав, больной
Привстал, собрав остаток сил,
И долго так он говорил:

3

«Ты слушать исповедь мою
Сюда пришел, благодарю.
Всё лучше перед кем-нибудь
Словами облегчить мне грудь;
Но людям я не делал зла,
И потому мои дела
Не много пользы вам узнать;
А душу можно ль рассказать?
Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы власть,
Одну – но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келий душных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы.
Я эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской;
Ее пред небом и землей
Я ныне громко признаю
И о прощеньи не молю.

4

«Старик! я слышал много раз,
Что ты меня от смерти спас –

Зачем?... угрюм и одинок,
Грозой оторванный листок,
Я вырос в сумрачных стенах,
Душой дитя, судьбой монах.
Я никому не мог сказать
Священных слов – «отец» и «мать».
Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имен.
Напрасно: звук их был рожден
Со мной. Я видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил
Не только милых душ – могил!
Тогда, пустых не тратя слез,
В душе я клятву произнес:
Хотя на миг когда-нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать с тоской к груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.
Увы, теперь мечтанья те
Погибли в полной красоте,
И я, как жил, в земле чужой
Умру рабом и сиротой.

5

«Меня могила не страшит:
Там, говорят, страданье спит
В холодной, вечной тишине;
Но с жизнью жаль расстаться мне.
Я молод, молод... Знал ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не знал, или забыл,
Как ненавидел и любил;
Как сердце билось живею
При виде солнца и полей
С высокой башни угловой,
Где воздух свеж и где порой
В глубокой скважине стены,
Дитя неведомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидит, испуганный грозой?
Пускай теперь прекрасный свет
Тебе постыл: ты слаб, ты сед,
И от желаний ты отвык.
Что за нужда? Ты жил, старик!
Тебе есть в мире что забыть,
Ты жил, – я также мог бы жить!

6

«Ты хочешь знать, что видел я
На воле? – пышные поля,
Холмы, покрытые венцом
Дерев, разросшихся кругом,
Шумящих свежую толпой,
Как братья в пляске круговой.
Я видел груды темных скал,
Когда поток их разделял,
И думы их я угадал:
Мне было свыше то дано!
Простерты в воздухе давно
Объятья каменные их,
И жаждут встречи каждый миг;
Но дни бегут, бегут года –
Им не сойтися никогда!
Я видел горные хребты,
Причудливые как мечты,
Когда в час утренней зари
Курились, как алтари,
Их выси в небе голубом,

И облачко за облачком,
Покинув тайный свой ночлег,
К востоку направляло бег –
Как будто белый караван
Залетных птиц из дальних стран!
В дали я видел сквозь туман,
В снегах, горящих как алмаз,
Седой, незыблемый Кавказ;
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мне тайный голос говорил,
Что некогда и я там жил,
И стало в памяти моей
Прошедшее ясней, ясней.

7

«И вспомнил я отцовский дом,
Ущелье наше, и кругом
В тени рассыпанный аул;
Мне слышался вечерний гул
Домой бегущих табунов
И дальний лай знакомых псов.
Я помнил смуглых стариков,
При свете лунных вечеров
Против отцовского крыльца
Сидевших с важностью лица;
И блеск оправленных ножен
Кинжалов длинных... и как сон
Всё это смутной чередой
Вдруг пробежало предо мной.
А мой отец? он как живой
В своей одежде боевой
Являлся мне, и помнил я
Кольчуги звон, и блеск ружья,
И гордый непреклонный взор,
И молодых моих сестер...
Лучи их сладостных очей
И звук их песен и речей
Над колыбелию моей...
В ущельи там бежал поток,
Он шумен был, но не глубок;
К нему, на золотой песок,
Играть я в полдень уходил
И взором ласточек следил,
Когда они, перед дождем,
Волны касались крылом.
И вспомнил я наш мирный дом
И пред вечерним очагом
Рассказы долгие о том,
Как жили люди прежних дней,
Когда был мир еще пышней.

8

«Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил – и жизнь моя
Без этих трех блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей.
Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы.
И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда, столпясь при алтаре,
Вы ниц лежали на земле,
Я убежал. О, я как брат
Обняться с бурей был бы рад!
Глазами тучи я следил,

Рукою молнию ловил...

Скажи мне, что средь этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой,
Меж бурным сердцем и грозой?..

9

«Бежал я долго – где, куда,
Не знаю! ни одна звезда
Не озаряла трудный путь.
Мне было весело вдохнуть
В мою измученную грудь
Ночную свежесть тех лесов,
И только. Много я часов
Бежал, и наконец, устав,
Прилег между высоких трав;
Прислушался: погони нет.
Гроза утихла. Бледный свет
Тянулся длинной полосой
Меж темным небом и землей,
И различал я, как узор,
На ней зубцы далеких гор;
Недвижим, молча я лежал.
Порой в ущелии шакал
Кричал и плакал, как дитя,
И гладкой чешуей блестя,
Змея скользила меж камней;
Но страх не сжал души моей:
Я сам, как зверь, был чужд людей
И полз и прятался, как змей.

10

«Внизу глубоко подо мной
Поток, усиленный грозой,
Шумел, и шум его глухой
Сердитых сотне голосов
Подобился. Хотя без слов,
Мне внятен был тот разговор,
Немолчный ропот, вечный спор
С упрямой грудью камней.
То вдруг стихал он, то сильнее
Он раздавался в тишине;
И вот, в туманной вышине
Запели птички, и восток
Озолотился; ветерок
Сырые шевельнул листья;
Дохнули сонные цветы,
И, как они, навстречу дню,
Я поднял голову мою...
Я осмотрелся; не таю:
Мне стало страшно; на краю
Грозящей бездны я лежал,
Где выл, крутясь, сердитый вал;
Туда вели ступени скал;
Но лишь злой дух по ним шагал,
Когда, низверженный с небес,
В подземной пропасти исчез.

11

«Кругом меня цвел божий сад;
Растений радужный наряд
Хранил следы небесных слез,
И кудри виноградных лоз
Вились, красуясь меж дерев
Прозрачной зеленью листов;
И грозды полные на них,
Серег подобье дорогих,
Висели пышно, и порой
К ним птиц летал пугливый рой.
И снова я к земле припал,
И снова вслушиваться стал

К волшебным, странным голосам;
Они шептались по кустам,
Как будто речь свою вели
О тайнах неба и земли;
И все природы голоса
Сливались тут; не раздался
В торжественный хваленья час
Лишь человека гордый глас.
Всё, что я чувствовал тогда,
Те думы – им уж нет следа;
Но я б желал их рассказать,
Чтоб жить, хоть мысленно, опять.
В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полет
Прилежный взор следить бы мог;
Он так прозрачно был глубок,
Так полон ровной синевой!
Я в нем глазами и душой
Тонул, пока полдневный зной
Мои мечты не разогнал,
И жаждой я томиться стал.
12

«Тогда к потоку с высоты,
Держась за гибкие кусты,
С плиты на плиту я, как мог,
Спускаться начал. Из-под ног
Сорвавшись, камень иногда
Катился вниз – за ним бразда
Дымилась, прах вился столбом;
Гудя и прыгая, потом
Он поглощаем был волной;
И я висел над глубиной,
Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не страшна!
Лишь только я с крутых высот
Спустился, свежесть горных вод
Повеяла навстречу мне,
И жадно я припал к волне.
Вдруг голос – легкий шум шагов...
Мгновенно скрывшись меж кустов,
Невольным трепетом объят,
Я поднял боязливый взгляд,
И жадно вслушиваться стал.
И ближе, ближе всё звучал
Грузинки голос молодой,
Так безыскусственно живой,
Так сладко вольный, будто он
Лишь звуки дружеских имен
Произносить был приучен.
Простая песня то была,
Но в мысль она мне залегла,
И мне, лишь сумрак настает,
Незримый дух ее поет.
13

«Держа кувшин над головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила к берегу. Порой
Она скользила меж камней,
Смеясь неловкости своей.
И беден был ее наряд;
И шла она легко, назад
Изгибы длинные чадры
Откинув. Летние жары
Покрыли тенью золотой
Лицо и грудь ее; и зной
Дышал от уст ее и щек.
И мрак очей был так глубок,
Так полон тайнами любви,

Что думы пылкие мои
Смутились. Помню только я
Кувшина звон, – когда струя
Вливалась медленно в него,
И шорох... больше ничего.
Когда же я очнулся вновь
И отлила от сердца кровь,
Она была уж далеко;
И шла хоть тише, – но легко,
Стройна под ношею своею,
Как тополь, царь ее полей!
Недалеко, в прохладной мгле,
Казалось приросли к скале
Две сакли дружною четой;
Над плоской кровлею одной
Дымок струился голубой.
Я вижу будто бы теперь,
Как отперлась тихонько дверь...
И затворилась опять!..
Тебе, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль;
И если б мог, – мне было б жаль:
Воспоминанья тех минут
Во мне, со мной пускай умрут.

14

«Трудами ночи изнурен,
Я лег в тени. Отрадный сон
Сомкнул глаза невольно мне...
И снова видел я во сне
Грузинки образ молодой.
И странной, сладкою тоской
Опять моя заняла грудь.
Я долго силился вздохнуть –
И пробудился. Уж луна
Вверху сияла, и одна
Лишь тучка кралась за ней
Как за добычею своею,
Объяты жадные раскрыв.
Мир темен был и молчалив;
Лишь серебристой бахромой
Вершины цепи снеговой
Вдали сверкали предо мной,
Да в берега плескал поток.
В знакомой сакле огонек
То трепетал, то снова гас:
На небесах в полночный час
Так гаснет яркая звезда!
Хотелось мне... но я туда
Взойти не смел. Я цель одну,
Пройти в родимую страну,
Имел в душе, – и превозмог
Страданье голода, как мог.
И вот дорогою прямой
Пустился, робкий и немой.
Но скоро в глубине лесной
Из виду горы потерял
И тут с пути сбиваться стал.

15

«Напрасно в бешенстве, порой,
Я рвал отчаянной рукой
Терновник, спутанный плющом:
Всё лес был, вечный лес кругом,
Страшней и гуще каждый час;
И миллионом черных глаз
Смотрела ночи темнота
Сквозь ветви каждого куста...
Моя кружилась голова;
Я стал влезать на дерева;

Но даже на краю небес
Всё тот же был зубчатый лес.
Тогда на землю я упал;
И в исступлении рыдал,
И грыз сырую грудь земли,
И слезы, слезы потекли
В нее горячею росой...
Но верь мне, помощи людской
Я не желал... Я был чужой
Для них навек, как зверь степной;
И если б хоть минутный крик
Мне изменил – клянусь, старик,
Я б вырвал слабый мой язык.

16

«Ты помнишь детские года:
Слезы не знал я никогда;
Но тут я плакал без стыда.
Кто видеть мог? Лишь темный лес,
Да месяц, пливший средь небес!
Озарена его лучом,
Покрыта мохом и песком,
Непроницаемой стеной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдруг по ней
Мелькнула тень, и двух огней
Промчались искры... и потом
Какой-то зверь одним прыжком
Из чащи выскочил и лег,
Играя навзничь на песок.
То был пустыни вечный гость –
Могучий барс. Сырую кость
Он грыз и весело визжал;
То взор кровавый устремлял,
Мотая ласково хвостом,
На полный месяц, – и на нем
Шерсть отливалась серебром.
Я ждал, схватив рогатый сук,
Минуту битвы; сердце вдруг
Зажглося жаждою борьбы
И крови... да, рука судьбы
Меня вела иным путем...
Но нынче я уверен в том,
Что быть бы мог в краю отцов
Не из последних удальцов.

17

«Я ждал. И вот в тени ночной
Врага почувял он, и вой
Протяжный, жалобный, как стон,
Раздался вдруг... и начал он
Сердито лапой рыть песок,
Встал на дыбы, потом прилег,
И первый бешеный скачок
Мне страшной смертию грозил...
Но я его предупредил.
Удар мой верен был и скор.
Надежный сук мой, как топор,
Широкий лоб его рассек...
Он застонал, как человек,
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила из раны кровь
Густой, широкою волной,
Бой закипел, смертельный бой!

18

«Ко мне он кинулся на грудь;
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть
Мое оружие... Он завыл,
Рванулся из последних сил,

И мы, сплетясь, как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,
Упали разом, и во мгле
Бой продолжался на земле.
И я был страшен в этот миг;
Как барс пустынный, зол и дик,
Я пламенел, визжал, как он;
Как будто сам я был рожден
В семействе барсов и волков
Под свежим пологом лесов.
Казалось, что слова людей
Забыл я – и в груди моей
Родился тот ужасный крик,
Как будто с детства мой язык
К иному звуку не привык...
Но враг мой стал изнемогать,
Метаться, медленней дышать,
Сдавил меня в последний раз...
Зрачки его недвижных глаз
Блеснули грозно – и потом
Закрылись тихо вечным сном;
Но с торжествующим врагом
Он встретил смерть лицом к лицу,
Как в битве следует бойцу!..

19

«Ты видишь на груди моей
Следы глубокие когтей;
Еще они не заросли
И не закрылись; но земли
Сырой покров их освежит,
И смерть навеки заживит.
О них тогда я позабыл,
И, вновь собрав остаток сил,
Побрел я в глубине лесной...
Но тщетно спорил я с судьбой:
Она смеялась надо мной!

20

«Я вышел из лесу. И вот
Проснулся день, и хоровод
Светил напутственных исчез
В его лучах. Туманный лес
Заговорил. Вдали аул
Куриться начал. Смутный гул
В долине с ветром пробежал...
Я сел и вслушиваться стал;
Но смолк он вместе с ветерком.
И кинул взоры я кругом:
Тот край, казалось, мне знаком.
И страшно было мне, понять
Не мог я долго, что опять
Вернулся я к тюрьме моей;
Что бесполезно столько дней
Я тайный замысел ласкал,
Терпел, томился и страдал,
И всё зачем?.. Чтоб в цвете лет,
Едва взглянув на божий свет,
При звучном ропоте дубрав,
Блаженство вольности познав,
Унести в могилу за собой
Тоску по родине святой,
Надежд обманутых укор
И вашей жалости позор!..
Еще в сомненье погружен,
Я думал – это страшный сон...
Вдруг дальний колокола звон
Раздался снова в тишине
И тут всё ясно стало мне...
О! я узнал его тотчас!

Он с детских глаз уже не раз
Сгонял виденья снов живых
Про милых ближних и родных,
Про волю дикую степей,
Про легких, бешеных коней,
Про битвы чудные меж скал,
Где всех один я побеждал!..
И слушал я без слез, без сил.
Казалось, звон тот выходил
Из сердца – будто кто-нибудь
Железом ударял мне в грудь.
И смутно понял я тогда,
Что мне на родину следа
Не проложить уж никогда.

21

«Да, заслужил я жребий мой!
Могучий конь в степи чужой,
Плохого сбросив седока,
На родину издалека
Найдет прямой и краткий путь...
Что я пред ним? Напрасно грудь
Полна желаньем и тоской:
То жар бессильный и пустой,
Игра мечты, болезнь ума.
На мне печать свою тюрьма
Оставила... Таков цветок
Темничный: вырос одинок
И бледен он меж плит сырых,
И долго листьев молодых
Не распускал, всё ждал лучей
Живительных. И много дней
Прошло, и добрая рука
Печалью тронулась цветка,
И был он в сад перенесен,
В соседство роз. Со всех сторон
Дышала сладость бытия...
Но что ж? Едва возшла заря,
Палящий луч ее обжог
В тюрьме воспитанный цветок...»

22

«И как его, палил меня
Огонь безжалостного дня.
Напрасно прятал я в траву
Мою усталую главу;
Иссохший лист ее венцом
Терновым над моим челом
Свивался, и в лицо огнем
Сама земля дышала мне.
Сверкая быстро в вышине,
Кружились искры; с белых скал
Струился пар. Мир божий спал
В оцепенении глухом
Отчаянья тяжелым сном.
Хотя бы крикнул коростель,
Иль стрекозы живая трель
Послышалась, или ручья
Ребячий лепет... Лишь змея,
Сухим бурьяном шелестя,
Сверкая желтою спиной,
Как будто надписью златой
Покрытый донизу клинок,
Браздя рассыпчатый песок,
Скользила бережно; потом,
Играя, нежася на нем,
Тройным свивалась кольцом;
То, будто вдруг обожжена,
Металась, прыгала она
И в дальних пряталась кустах...»

23

«И было всё на небесах
Светло и тихо. Сквозь пары
Вдали чернели две горы,
Наш монастырь из-за одной
Сверкал зубчатою стеной.
Внизу Арагва и Кура,
Обвив каймой из серебра
Подошвы свежих островов,
По корням шепчущих кустов
Бежали дружно и легко...
До них мне было далеко!
Хотел я встать – передо мной
Всё закружилось с быстротой;
Хотел кричать – язык сухой
Беззвучен и недвижим был...
Я умирал. Меня томил
Предсмертный бред.
□□□□□□□□□□Казалось мне,
Что я лежу на влажном дне
Глубокой речки – и была
Кругом таинственная мгла.
И, жажду вечную поя,
Как лед холодная струя
Журча вливалась мне в грудь...
И я боялся лишь заснуть,
Так было сладко, люблю мне...
А надо мною в вышине
Волна теснилась к волне,
И солнце сквозь хрусталь волны
Сияло сладостней луны...
И рыбок пестрые стада
В лучах играли иногда.
И помню я одну из них:
Она приветливей других
Ко мне ласкалась. Чешуей
Была покрыта золотой
Ее спина. Она вилась
Над головой моей не раз,
И взор ее зеленых глаз
Был грустно нежен и глубок...
И надивиться я не мог:
Ее серебристый голосок
Мне речи странные шептал,
И пел, и снова замолкал.
Он говорил: „Дитя мое,
□Останься здесь со мной:
В воде привольное житье
□И холод и покой.

* * *

Я созову моих сестер:
□Мы пляской круговой
Развеселим туманный взор
□И дух усталый твой.

* * *

Усни, постель твоя мягка,
□Прозрачен твой покров.
Пройдут года, пройдут века
□Под говор чудных снов.

* * *

О милый мой! не утаю,
□Что я тебя люблю,
Люблю как вольную струю,
□Люблю как жизнь мою...“
И долго, долго слушал я;
И мнилось, звучная струя
Сливалась тихий ропот свой
С словами рыбки золотой.

Тут я забылся. Божий свет
В глазах угас. Безумный бред
Бессилью тела уступил...

24

«Так я найдён и поднят был...
Ты остальное знаешь сам.
Я кончил. Верь моим словам
Или не верь, мне всё равно.
Меня печалит лишь одно:
Мой труп холодный и немой
Не будет тлеть в земле родной,
И повесть горьких мук моих
Не призовет меж стен глухих
Вниманье скорбное ничье
На имя темное мое.

25

«Прощай, отец... дай руку мне;
Ты чувствуешь, моя в огне...
Знай, этот пламень с юных дней
Таяся, жил в груди моей;
Но ныне пищи нет ему,
И он прожег свою тюрьму
И возвратится вновь к тому,
Кто всем законной чередой
Дает страданье и покой...
Но что мне в том? – пускай в раю,
В святом, заоблачном краю
Мой дух найдет себе приют...
Увы! – за несколько минут
Между крутых и темных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...

26

«Когда я стану умирать,
И, верь, тебе не долго ждать –
Ты перенеси меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста...
Трава меж ними так густа,
И свежий воздух так душист,
И так прозрачно золотист
Играющий на солнце лист!
Там положить вели меня.
Сияньем голубого дня
Упьюся я в последний раз.
Оттуда виден и Кавказ!
Быть может, он с своих высот
Привет прощальный мне пришлет,
Пришлет с прохладным ветерком...
И близ меня перед концом
Родной опять раздастся звук!
И стану думать я, что друг
Иль брат, склонившись надо мной,
Отер внимательной рукой
С лица кончины хладный пот,
И что вполголоса поет
Он мне про милую страну...
И с этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!»
Сказка для детей*

1

Умчался век эпических поэм,
И повести в стихах пришли в упадок;
Поэты в том виновны не совсем,
(Хотя у многих стих не вовсе гладок);
И публика не права между тем.
Кто виноват, кто прав – уж я не знаю,
А сам стихов давно я не читаю –

Не потому, чтоб не любил стихов,
А так: смешно ж терять для звучных строф
Златое время... в нашем веке зрелом,
Известно вам, все заняты мы делом.

2

Стихов я не читаю – но люблю
Марать шутя бумаги лист летучий;
Свой стих за хвост отважно я ловлю;
Я без ума от тройственных созвучий
И влажных рифм – как например на ю.
Вот почему пишу я эту сказку.
Ее волшебнo-темную завязку
Не стану я подробно объяснять,
Чтоб кой-каких допросов избежать;
Зато конец не будет без морали,
Чтобы ее хоть дети прочитали.

3

Герой известен, и не нов предмет;
Тем лучше: устарело всё, что ново!
Кипя огнем и силой юных лет,
Я прежде пел про демона иного:
То был безумный, страстный, детский бред.
Бог знает где заветная тетрадка?
Касается ль душистая перчатка
Ее листов – и слышно: с'est jolî?...[10]
Иль мышь над ней старается в пыли?..
Но этот чорт совсем иного сорта –
Аристократ и не похож на чорта.

4

Перенестись теперь прошу сейчас
За мною в спальню: розовые шторы
Опущены, с трудом лишь может глаз
Следить ковра восточные узоры.
Приятный трепет вдруг объемлет вас,
И девственным дыханьем напоенный
Огнем в лицо вам пышет воздух сонный;
Вот ручка, вот плечо, и возле них
На кисее подушек кружевных
Рисуется молодой, но строгий профиль...
И на него взирает Мефистофель.

5

То был ли сам великий Сатана
Иль мелкий бес из самых нечиновных,
Которых дружба людям так нужна
Для тайных дел, семейных и любовных?
Не знаю! Если б им была дана
Земная форма, по рогам и платью
Я мог бы сволочь различить со знатью;
Но дух – известно, что такое дух!
Жизнь, сила, чувство, зренье, голос, слух –
И мысль – без тела – часто в видах разных;
(Бесов вообще рисуют безобразных.)

6

Но я не так всегда воображал
Врага святых и чистых побуждений.
Мой юный ум, бывало, возмущал
Могучий образ; меж иных видений,
Как царь, немой и гордый, он сиял
Такой волшебнo-сладкой красотой,
Что было страшно... и душа тоскою
Сжималась – и этот дикий бред
Преследовал мой разум много лет.
Но я, расставшись с прочими мечтами,
И от него отделался – стихами!

7

Оружие отличное: врагам
Кидаете в лицо вы эпиграммой..
Вам насолить захочется ль друзьям?

Пустите в них поэмой или драмой!
Но полно, к делу. Я сказал уж вам,
Что в спальне той таился хитрый демон.
Невинным сном был тронут не совсем он.
Не мудрено: кипела в нем не кровь,
И понимал иначе он любовь;
И речь его коварных искушений
Была полна: ведь он недаром гений!

8

«Не знаешь ты, кто я – но уж давно
Читаю я в душе твоей; незримо,
Неслышно говорю с тобою, – но
Слова мои, как тень, проходят мимо
Ребяческого сердца, – и оно
Дивится им спокойно и в молчанье, –
Пускай! Зачем тебе мое названье?
Ты с ужасом отвергнула б мою
Безумную любовь – но я люблю
По-своему... терпеть и ждать могу я,
Не надо мне ни ласк, ни поцелуя.

9

«Когда ты спишь, о ангел мой земной,
И шибко бьется девственною кровью
Младая грудь под грезю ночной,
Знай, это я, склонившись к изголовью,
Любуюсь – и говорю с тобой;
И в тишине, наставник твой случайный,
Чудесные рассказываю тайны..
А много было взору моему
Доступно и понятно, потому
Что узами земными я не связан,
И вечностью и знанием наказан..

10

«Тому назад еще немного лет
Я пролетал над сонною столицей.
Кидала ночь свой странный полусвет,
Румяный запад с новою денницей
На севере сливались, как привет
Свидания с молением разлуки;
Над городом таинственные звуки,
Как грешных снов нескромные слова,
Неясно раздавались – и Нева,
Меж кораблей сверкая на просторе,
Журча, с волной их уносила в море.

11

«Задумчиво столбы дворцов немых
По берегам теснились, как тени,
И в пене вод гранитных крылец их
Купались широкие ступени;
Минувших лет событий роковых
Волна следы смывала роковые,
И улыбались звезды голубые,
Глядя с высот на гордый прах земли,
Как будто мир достоин их любви,
Как будто им земля небес дороже..
И я тогда... я улыбнулся тоже.

12

«И я кругом глубокий кинул взгляд
И увидел с невольною отрадой
Преступный сон под сению палат,
Корыстный труд пред тощею лампадой,
И страшных тайн везде печальный ряд;
Я стал ловить блуждающие звуки,
Веселый смех и крик последней муки:
То ликовал иль мучился порок!
В молитвах я подслушивал упрек,
В бреду любви – бесстыдное желанье;
Везде – обман, безумство иль страданье!

13

«Но близ Невы один старинный дом
Казался полн священной тишиною.
Всё важностью наследственной в нем
И роскошью дышало вековою;
Украшен был он княжеским гербом;
Из мрамора волнистого колонны
Кругом теснились чинно, и балконы
Чугунные воздушною семьей
Меж них гордились дивною резьбой;
И окон ряд, всегда прозрачно-темных,
Манил, пугая, взор очей нескромных.

14

«Пора была, боярская пора!
Теснилась знать в роскошные покои –
Былая знать минувшего двора,
Забытых дел померкшие герои!
Музыкой тут гремели вечера,
В Неве дробился блеск высоких окон,
Напудренный мелькал и вился локон;
И часто ножка с красным каблучком
Давала знак условный под столом;
И старики в звездах и бриллиантах
Судили резко о тогдашних франтах.

15

«Тот век прошел, и люди те прошли.
Сменили их другие; род старинный
Перевелся; в готической пыли
Портреты гордых бар, краса гостиной,
Забытые, тускнели; поросли
Дворы травой, и блеск сменив бывалый,
Сырая мгла и сумрак длинной залой
Спокойно завладели... Тихий дом
Казался пуст; но жил хозяин в нем,
Старик худой и с виду величавый,
Озлобленный на новый век и нравы.

16

«Он ростом был двенадцати вершков,
С домашними был строг неумолимо;
Всегда молчал; ходил до двух часов,
Обедал, спал... да иногда, томимый
Бессонницей, собранье острых слов
Перебирал или читал Вольтера.
Как быть? Сильна к преданьям в людях вера!..
Имел он дочь четырнадцати лет;
Но с ней видался редко; за обед
Она являлась в фартучке, с мадамой;
Сидела чинно и держалась прямо.

17

«Всегда одна, запугана отцом
И англичанки строгостью небрежной,
Она росла, как ландыш за стеклом
Или скорей как бледный цвет подснежный.
Она была стройна, но с каждым днем
С ее лица сбегали жизни краски,
Задумчивей большие стали глазки;
Покинув книжку скучную, она
Охотнее садилась у окна,
И вдалеке мечты ее блуждали,
Пока ее играть не посылали.

18

«Тогда она сходила в длинный зал,
Но бегать в нем ей как-то страшно было;
И как-то странно детский шаг звучал
Между колонн; разрытою могилой
Над юной жизнью воздух там дышал.
И в зеркалах являлись предметы
Длиннее и бесцветнее, одеты

Какой-то мертвой дымкою; и вдруг
Неясный шорох слышался вокруг:
То загремит, то снова тише, тише...
(То были тени предков – или мыши!)
19

«И что ж? – она привыкла толковать
По-своему развалин говор странный,
И стала мысль горячая летать
Над бледною головкой и туманный,
Воздушный рой видений навевать.
Я с ней не разлучался. Детский лепет
Подслушивать, невинной груди трепет
Следить, ее дыханием с неюй,
Мучительной и жадною тоской,
Как жизнью, упиваться... это было
Смешно! – но мне так ново и так мило!
20

«Влюбился я. И точно хороша
Была не в шутку маленькая Нина.
Нет, никогда свинец карандаша
Рафаэля, иль кисти Перуджина
Не начертали, пламенем дыша,
Подобный профиль. Все ее движенья
Особого казались выраженья
Исполнены. Но с самых детских дней
Ее глаза не изменяли ей,
Тая равно надежду, радость, горе;
И было темно в них, как в синем море.
21

«Я понял, что душа ее была
Из тех, которым рано всё понятно.
Для мук и счастья, для добра и зла
В них пищи много; – только не возвратно
Они идут, куда их повела
Случайность, без раскаянья, упреков
И жалобы. Им в жизни нет уроков;
Их чувствам повторяться не дано...
Такие души я любил давно
Отыскивать по свету на свободе:
Я сам ведь был немножко в этом роде!
22

«Ее смущали странные мечты.
Порой она среди пустого зала
Сиянье, роскошь, музыку, цветы,
Толпу гостей и шум воображала;
Кипела кровь от душной тесноты;
На платье чудесные узоры
Виднелись ей, – и вот гремели шпоры,
К ней кавалер незримый подходил
И в мнимый вальс с собою уносил;
И вот она кружилась в вихре бала
И утомясь на кресло упала...
23

«И тут она, склонив лукавый взор
И выставив едва приметно ножку,
Двусмысленный и темный разговор
С ним завести старалась понемножку;
Сначала был он весел и остёр,
А иногда и чересчур небрежен;
Но под конец зато как мил и нежен!
Что делать ей? – притворно-строгий взгляд
Его, как гром, отталкивал назад,
А сердце билось в ней так шибко, шибко,
И по устам змеилась улыбка.
24

«Пред зеркалом, бывало, целый час
То волосы пригладит, то красивый
Цветок пришил к ним; движенью глаз,

Головке наклоненной вид ленивый
Придав, стоит... и учится; не раз
Хотелось мне совет ей дать лукавый;
Но ум ее и сметливый и здравый
Отгадывал всё мигом сам собой;
Так годы шли безмолвной чередой;
И вот настал тот возраст, о котором
Так полны ваши книги всяким вздором.

25

«То был великий день: семнадцать лет!
Всё, что досель таилось за решеткой,
Теперь надменно явится на свет!
Старик-отец послал за старой теткой,
И съехались родные на совет.
Их затруднял удачный выбор бала.
Что? будет двор иль нет? – Иных пугала
Застенчивость дикарки молодой;
Но очень тонко замечал другой,
Что это вид ей даст оригинальный;
Потом наряд осматривали бальный.

26

«Но вот настал и вечер роковой.
Она с утра была, как в лихорадке;
Поплакала немножко, золотой
Браслет сломала, в суетах перчатки
Разорвала... со страхом и тоской
Она в карету села и дорогой
Была полна мучительной тревогой;
И выходя споткнулась на крыльце.
И с бледностью печальной на лице
Вступила в залу... Станный шопот встретил
Ее явленье: свет ее заметил.

27

«Кипел, сиял уж в полном блеске бал.
Тут было всё, что называют светом...
Не я ему название это дал,
Хоть смысл глубокий есть в названьи этом.
Своих друзей я тут бы не узнал;
Улыбки, лица лгали так искусно,
Что даже мне чуть-чуть не стало грустно.
Прислушаться хотел я – но едва
Ловил мой слух летучие слова,
Отрывки безыменных чувств и мнений –
Эпиграфы неведомых творений!..

. . .

Демон*

Восточная повесть

Часть I

I

Печальный Демон, дух изгнанья,
Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснились толпой;
Тех дней, когда в жилище света
Блистал он, чистый херувим,
Когда бегущая комета
Улыбкой ласковой привета
Любила поменяться с ним,
Когда сквозь вечные туманы,
Познанья жадный, он следил
Кочующие караваны
В пространстве брошенных светил;
Когда он верил и любил,
Счастливый первенец творенья!
Не знал ни злобы, ни сомненья,
И не грозил уму его
Веков бесплодных ряд унылый...
И много, много... и всего

Припомнить не имел он силы!

II

Давно отверженный блуждал
В пустыне мира без приюта:
Вослед за веком век бежал,
Как за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Он сеял зло без наслажденья.
Нигде искусству своему
Он не встречал сопротивленья –
И зло наскучило ему.

III

И над вершинами Кавказа
Изгнанник рая пролетал:
Под ним Казбек, как грань алмаза,
Снегами вечными сиял,
И, глубоко внизу чернея,
Как трещина, жилище змея,
Вился излучистый Дарьял,
И Терек, прыгая, как львица
С косматой гривой на хребте,
Ревел, – и горный зверь, и птица,
Кружась в лазурной высоте,
Глаголу вод его внимали;
И золотые облака
Из южных стран, издалека
Его на север провожали;
И скалы тесною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Над ним склонялись головой,
Следя мелькающие волны;
И башни замков на скалах
Смотрели грозно сквозь туманы –
У врат Кавказа на часах
Сторожевые великаны!
И дик, и чуден был вокруг
Весь божий мир; но гордый дух
Презрительным окинул оком
Творенье бога своего,
И на челе его высоком
Не отразилось ничего.

IV

И перед ним иной картины
Красы живые расцвели:
Роскошной Грузии долины
Ковром раскинулись вдали;
Счастливым, пышный край земли!
Столпообразные раины,
Звонко-бегущие ручьи
По дну из камней разноцветных,
И кущи роз, где соловьи
Поют красавиц, безответных
На сладкий голос их любви;
Чинар развесистые сени,
Густым венчаные плющом,
Пещеры, где палящим днем
Таятся робкие олени;
И блеск и жизнь и шум листов,
Стозвучный говор голосов,
Дыханье тысячи растений!
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлажненные ночи,
И звезды яркие как очи,
Как взор грузинки молодой!..
Но, кроме зависти холодной,
Природы блеск не возбудил

В груди изгнанника бесплодной
Ни новых чувств, ни новых сил;
И всё, что пред собой он видел,
Он презирал иль ненавидел.

V

Высокий дом, широкий двор
Седой Гудал себе построил...
Трудов и слез он много стоил
Рабам послушным с давних пор.
С утра на скат соседних гор
От стен его ложатся тени.
В скале нарублены ступени;
Они от башни угловой
Ведут к реке, по ним мелькая,
Покрыта белою чадрой[11]
Княжна Тамара молодая
К Арагве ходит за водой.

VI

Всегда безмолвно на долины
Глядел с утеса мрачный дом;
Но пир большой сегодня в нем –
Звучит зурна, [12] и льются вины –
Гудал сосватал дочь свою,
На пир он созвал всю семью.
На кровле, устланной коврами,
Сидит невеста меж подруг:
Средь игр и песен их досуг
Проходит. Дальними горами
Уж спрятан солнца полукруг;
В ладони мерно ударяя,
Они поют – и бубен свой
Берет невеста молодая.
И вот она, одной рукой
Кружа его над головой,
То вдруг помчится легче птицы,
То остановится, – глядит –
И влажный взор ее блеснит
Из-под завистливой ресницы;
То черной бровью поведет,
То вдруг наклонится немножко,
И по ковру скользит, плывет
Ее божественная ножка;
И улыбается она,
Веселья детского полна.
Но луч луны, по влаге зыбкой
Слегка играющий порой,
Едва ль сравнится с той улыбкой,
Как жизнь, как молодость, живой.

VII

Клянусь полночною звездой,
Лучом заката и востока,
Властитель Персии златой
И ни единый царь земной
Не целовал такого ока;
Гарема брызжущий фонтан
Ни разу жаркою порою
Своей жемчужною росой
Не омывал подобный стан!
Еще ничья рука земная,
По милому челу блуждая,
Таких волос не расплела;
С тех пор как мир лишился рая,
Клянусь, красавица такая
Под солнцем юга не цвела.

VIII

В последний раз она плясала.
Увы! завтра ожидала
Ее, наследницу Гудала,

Свободы резвую дитя,
Судьба печальная рабыни,
Отчизна, чуждая поныне,
И незнакомая семья.
И часто тайное сомненье
Темнило светлые черты;
И были все ее движенья
Так стройны, полны выраженья,
Так полны милой простоты,
Что если б Демон, пролетая,
В то время на нее взглянул,
То, прежних братьий вспоминая,
Он отвернулся б – и вздохнул...

IX

И Демон видел... На мгновенье
Неизъяснимое волненье
В себе почувствовал он вдруг.
Немой души его пустыню
Наполнил благодатный звук –
И вновь постигнул он святыню
Любви, добра и красоты!..
И долго сладостной картиной
Он любовался – и мечты
О прежнем счастье цепью длинной,
Как будто за звездой звезда,
Пред ним катилися тогда.
Прикованный незримой силой,
Он с новой грустью стал знаком;
В нем чувство вдруг заговорило
Родным когда-то языком.
То был ли признак возрожденья?
Он слов коварных искушенья
Найти в уме своем не мог...
Забывать? – забвенья не дал бог:
Да он и не взял бы забвенья!..
. . .

X

Измучив доброго коня,
На брачный пир к закату дня
Спешил жених нетерпеливый.
Арагвы светлой он счастливо
Достиг зеленых берегов.
Под тяжелой ношею даров
Едва, едва переступая,
За ним верблюдов длинный ряд
Дорогой тянется, мелькая:
Их колокольчики звенят.
Он сам, властитель Синодала,
Ведет богатый караван.
Ремнем затянут ловкий стан;
Оправа сабли и кинжала
Блестит на солнце; за спиной
Ружье с насечкой вырезной.
Играет ветер рукавами
Его чухи, [13] – кругом она
Вся галуном обложена.
Цветными вышито шелками
Его седло; узда с кистями;
Под ним весь в мыле конь лихой
Бесценной масти, золотой.
Питомец резвый Карабаха
Прядет ушьми и, полный страха,
Храпя косится с крутизны
На пену скачущей волны.
Опасен, узок путь прибрежный!
Утесы с левой стороны,
Направо глубь реки мятежной.
Уж поздно. На вершине снежной

Румянец гаснет; встал туман...

Прибавил шагу караван.

XI

И вот часовня на дороге...

Тут с давних лет почиет в боге

Какой-то князь, теперь святой,

Убитый мстительной рукой.

С тех пор на праздник иль на битву,

Куда бы путник ни спешил,

Всегда усердную молитву

Он у часовни приносил;

И та молитва сберегала

От мусульманского кинжала.

Но презрел удалой жених

Обычай прадедов своих.

Его коварною мечтою

Лукавый Демон возмущал:

Он в мыслях под ночью тьмою,

Уста невесты целовал.

Вдруг впереди мелькнули двое,

И больше – выстрел! – что такое?..

Привстав на звонких[14] стременах,

Надвинув на брови папах, [15]

Отважный князь не молвил слова;

В руке сверкнул турецкий ствол,

Нагайка щелк – и как орел

Он кинулся... и выстрел снова!

И дикий крик, и стон глухой

Промчались в глубине долины –

Недолго продолжался бой:

Бежали робкие грузины!

XII

Затихло всё; теснясь толпой,

На трупы всадников порой

Верблюды с ужасом глядели;

И глухо в тишине степной

Их колокольчики звенели.

Разграблен пышный караван;

И над телами христиан

Чертит круги ночная птица!

Не ждет их мирная гробница

Под слоем монастырских плит,

Где прах отцов их был зарыт;

Не придут сестры с матерями,

Покрыты длинными чадрами,

С тоской, рыданьем и мольбами,

На гроб их из далеких мест!

Зато усердно рукою

Здесь у дороги, над скалою

На память водрузится крест;

И плющ, разросшийся весною,

Его, ласкаясь, обовьет

Своею сеткой изумрудной;

И, своротив с дороги трудной,

Не раз усталый пешеход

Под божьей тенью отдохнет...

XIII

Несется конь быстрее лани,

Храпит и рвется будто к брани;

То вдруг осадит на скаку,

Прислушается к ветерку,

Широко ноздри раздувая;

То, разом в землю ударяя

Шипами звонкими копыт,

Взмахнув растрепанною гривой,

Вперед без памяти летит.

На нем есть всадник молчаливый!

Он бьется на седле порой,

Припав на гриву головой.
Уж он не правит поводами,
Задвинул ноги в стремяна,
И кровь широкими струями
На чепраке его видна.
Скакун лихой, ты господина
Из боя вынес как стрела,
Но злая пуля осетина
Его во мраке догнала!

XIV

В семье Гудала плач и стоны,
Толпится на дворе народ:
Чей конь примчался запаленный
И пал на камни у ворот?
Кто этот всадник бездыханный?
Хранили след тревоги бранной
Морщины смуглого чела.
В крови оружие и платье;
В последнем бешеном пожатье
Рука на гриве замерла.
Недолго жениха молодого,
Невеста, взор твой ожидал:
Сдержал он княжеское слово,
На брачный пир он прискакал...
Увы! но никогда уж снова
Не сядет на коня лихого!..

XV

На беззаботную семью
Как гром слетела божья кара!
Упала на постель свою,
Рыдает бедная Тамара;
Слеза катится за слезой,
Грудь высоко и трудно дышит;
И вот она как будто слышит
Волшебный голос над собой:
«Не плачь, дитя! не плачь напрасно!
Твоя слеза на труп безгласный
Живой росой не упадет:
Она лишь взор туманит ясный,
Ланиты девственные жжет!
Он далеко, он не узнает,
Не оценит тоски твоей;
Небесный свет теперь ласкает
Бесплотный взор его очей;
Он слышит райские напевы...
Что жизни мелочные сны,
И стон и слезы бедной девы
Для гостя райской стороны?
Нет, жребий смертного творенья,
Поверь мне, ангел мой земной,
Не стоит одного мгновенья
Твоей печали дорогой!

«На воздушном океане,

□□□Без руля и без ветрил,
□□□Тихо плавают в тумане
□□□Хоры стройные светил;
□□□Средь полей необозримых
□□□В небе ходят без следа
□□□Облаков неуловимых
□□□Волокнистые стада.
□□□Час разлуки, час свиданья –
□□□Им ни радость, ни печаль;
□□□Им в грядущем нет желанья,
□□□И прошедшего не жаль.
□□□В день томительный несчастья
□□□Ты об них лишь вспомяни;
□□□Будь к земному без участия
□□□И беспечна, как они!

«Лишь только ночь своим покровом
Верхи Кавказа осенит,
Лишь только мир, волшебным словом
Завороженный, замолчит;
Лишь только ветер над скалою
Увядшей шевельнет травую,
И птичка, спрятанная в ней,
Порхнет во мраке веселей;
И под лозю виноградной,
Росу небес глотая жадно,
Цветок распухнет ночью;
Лишь только месяц золотой
Из-за горы тихонько встанет
И на тебя украдкой взглянет, –
К тебе я стану прилетать;
Гостить я буду до денницы
И на шелковые ресницы
Сны золотые навевать...»

XVI

Слова умолкли в отдаленье,
Вослед за звуком умер звук.
Она вскочив глядит вокруг...
Невыразимое смятенье
В ее груди; печаль, испуг,
Восторга пыл – ничто в сравненье.
Все чувства в ней кипели вдруг;
Душа рвала свои оковы,
Огонь по жилам пробегал,
И этот голос чудно-новый,
Ей мнилось, всё еще звучал.
И перед утром сон желанный
Глаза усталые смежил;
Но мысль ее он возмутил
Мечтой пророческой и странной.
Пришлец туманный и немой,
Красой блистая неземной,
К ее склонился изголовью;
И взор его с такой любовью,
Так грустно на нее смотрел,
Как будто он об ней жалел.
То не был ангел небожитель,
Ее божественный хранитель:
Венец из радужных лучей
Не украшал его кудрей.
То не был ада дух ужасный,
Порочный мученик – о нет!
Он был похож на вечер ясный:
Ни день, ни ночь, – ни мрак, ни свет!..

Часть II

I

«Отец, отец, оставь угрозы,
Свою Тамару не брани;
Я плачу: видишь эти слезы,
Уже не первые они.
Напрасно женихи толпою
Спешат сюда из дальних мест...
Немало в Грузии невест;
А мне не быть ничьей женою!..
О, не брани, отец, меня.
Ты сам заметил: день от дня
Я вяну, жертва злой отравы!
Меня терзает дух лукавый
Неотразимую мечтой;
Я гибну, сжался надо мной!
Отдай в священную обитель
Дочь безрассудную свою;
Там защитит меня Спаситель,
Пред ним тоску мою пролью.

На свете нет уж мне веселья...
Святыни миром осеня,
Пусть примет сумрачная келья,
Как гроб, заранее меня...»

II

И в монастырь уединенный
Ее родные отвезли,
И власяницу смиренной
Грудь молодую облекли.
Но и в монашеской одежде,
Как под узорною парчой,
Всё беззаконною мечтой
В ней сердце билось как прежде.
Пред алтарем, при блеске свеч,
В часы торжественного пенья,
Знакомая, среди моления,
Ей часто слышалась речь.
Под сводом сумрачного храма
Знакомый образ иногда
Скользил без звука и следа
В тумане легком фимиама;
Сиял он тихо, как звезда;
Манил и звал он... но – куда?..

III

В прохладе меж двумя холмами
Таился монастырь святой.
Чинар и тополей рядами
Он окружен был – и порой,
Когда ложилась ночь в ущельи,
Сквозь них мелькала, в окнах кельи,
Лампада грешницы молодой.
Кругом, в тени дерев миндальных,
Где ряд стоит крестов печальных,
Безмолвных сторожей гробниц,
Спевались хоры легких птиц.
По камням прыгали, шумели
Ключи студеною волной,
И под нависшею скалой,
Сливаясь дружески в ущельи,
Катились дальше, меж кустов,
Покрытых инеем цветов.

IV

На север видны были горы.
При блеске утренней Авроры,
Когда синеющий дымок
Курится в глубине долины,
И, обращаясь на восток,
Зовут к молитве муэцины,
И звучный колокола глас
Дрожит, обитель пробуждая;
В торжественный и мирный час,
Когда грузинка молодая
С кувшином длинным за водой
С горы спускается крутой,
Вершины цепи снеговой
Светлолиловою стеной
На чистом небе рисовались,
И в час заката одевались
Они румяной пеленой;
И между них, прорезав тучи,
Стоял, всех выше головой,
Казбек, Кавказа царь могучий,
В чалме и ризе парчевой.

V

Но, полно думою преступной,
Тамары сердце недоступно
Восторгам чистым. Перед ней
Весь мир одет угрюмой тенью;

И всё ей в нем предлог мученью –
И утра луч и мрак ночей.
Бывало только ночи сонной
Прохлада землю обоймет,
Перед божественной иконой
Она в безумьи упадет
И плачет; и в ночном молчанье
Ее тяжелое рыданье
Тревожит путника вниманье;
И мыслит он: «То горный дух
Прикованный в пещере стонет!»
И чуткий напрягая слух,
Коня измученного гонит...

VI

Тоской и трепетом полна,
Тамара часто у окна
Сидит в раздумьи одиноком
И смотрит в даль прилежным оком,
И целый день вздыхая, ждет...
Ей кто-то шепчет: он придет!
Недаром сны ее ласкали,
Недаром он являлся ей,
С глазами, полными печали,
И чудной нежностью речей.
Уж много дней она томится,
Сама не зная почему;
Святым захочет ли молиться –
А сердце молится ему;
Утомлена борьбой всегдашней,
Склонится ли на ложе сна:
Подушка жжет, ей душно, страшно,
И вся, вскочив, дрожит она;
Пылают грудь ее и плечи,
Нет сил дышать, туман в очах,
Объятья жадно ищут встречи,
Лобзанья тают на устах...

. . .
. . .

VII

Вечерней мглы покров воздушный
Уж холмы Грузии одел.
Привычке сладостной послушный,
В обитель Демон прилетел.
Но долго, долго он не смел
Святыню мирного приюта
Нарушить. И была минута,
Когда казался он готов
Оставить умысел жестокой.
Задумчив у стены высокой
Он бродит: от его шагов
Без ветра лист в тени трепещет.
Он поднял взор: ее окно
Озарено лампадой блещет;
Кого-то ждет она давно!
И вот средь общего молчанья
Чингура[16] стройное бряцанье
И звуки песни раздались;
И звуки те лились, лились,
Как слезы, мерно друг за другом;
И эта песнь была нежна,
Как будто для земли она
Была на небе сложена!
Не ангел ли с забытым другом
Вновь повидаться захотел,
Сюда украдкой слетел
И о былом ему пропел,
Чтоб усладить его мученье?..
Тоску любви, ее волненье

Постигнул Демон в первый раз;
Он хочет в страхе удалиться...
Его крыло не шевелится!
И, чудо! из померкших глаз
Слеза тяжелая катится...
Поныне возле кельи той
Насквозь прожженный виден камень
Слезой жаркою, как пламень,
Нечеловеческой слезой!..

VIII

И входит он, любить готовый,
С душой, открытой для добра,
И мыслит он, что жизни новой
Пришла желанная пора.
Неясный трепет ожиданья,
Страх неизвестности немой,
Как будто в первое свиданье
Спознались с гордою душой.
То было злое предвещанье!
Он входит, смотрит – перед ним
Посланник рая, херувим,
Хранитель грешницы прекрасной,
Стоит с блистающим челом
И от врага с улыбкой ясной
Приосенил ее крылом;
И луч божественного света
Вдруг ослепил нечистый взор,
И вместо сладкого привета
Раздался тягостный укор:

IX

«Дух беспокойный, дух порочный,
Кто звал тебя во тьме полночной?
Твоих поклонников здесь нет,
Зло не дышало здесь поныне;
К моей любви, к моей святыне
Не пролагай преступный след.
Кто звал тебя?»

□□□□□□□□Ему в ответ

Злой дух коварно усмехнулся;
Зарделся ревностью взгляд;
И вновь в душе его проснулся
Старинной ненависти яд.
«Она моя! – сказал он грозно, –
Оставь ее, она моя!
Явился ты, защитник, поздно,
И ей, как мне, ты не судья.
На сердце, полное гордыни,
Я наложил печать мою;
Здесь больше нет твоей святыни,
Здесь я владею и люблю!»
И Ангел грустными очами
На жертву бедную взглянул
И медленно, взмахнув крылами,
В эфире неба потонул.

. . .

X

Тамара

О! кто ты? речь твоя опасна!
Тебя послал мне ад иль рай?
Чего ты хочешь?..
Демон

□□□□□□□□Ты прекрасна!

Тамара

Но молви, кто ты? отвечай...
Демон

Я тот, которому внимала
Ты в полуночной тишине,
Чья мысль душе твоей шептала,
Чью грусть ты смутно отгадала,
Чей образ видела во сне.
Я тот, чей взор надежду губит;
Я тот, кого никто не любит;
Я бич рабов моих земных,
Я царь познания и свободы,
Я враг небес, я зло природы,
И, видишь, – я у ног твоих!
Тебе принес я в умиление
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье
И слезы первые мои.
О! выслушай – из сожаленья!
Меня добру и небесам
Ты возвратить могла бы словом.
Твоей любви святым покровом
Одетый, я предстал бы там,
Как новый ангел в блеске новом;
О! только выслушай, молю, –
Я раб твой, – я тебя люблю!
Лишь только я тебя увидел –
И тайно вдруг возненавидел
Бессмертие и власть мою.
Я позавидовал невольно
Неполной радости земной;
Не жить как ты мне стало больно,
И страшно – розно жить с тобой.
В бескровном сердце луч нежданный
Опять затеплился живей,
И грусть на дне старинной раны
Зашевелилася, как змей.
Что без тебя мне эта вечность?
Моих владений бесконечность?
Пустые звучные слова,
Обширный храм – без божества!
Тамара

Оставь меня, о дух лукавый!
Молчи, не верю я врагу...
Творец... Увы! я не могу
Молиться... губительной отравой
Мой ум слабеющий объят!
Послушай, ты меня погубишь;
Твои слова – огонь и яд...
Скажи, зачем меня ты любишь!
Демон

Зачем, красавица? Увы,
Не знаю!.. Полон жизни новой,
С моей преступной головы
Я гордо снял венец терновый,
Я всё былое бросил в прах:
Мой рай, мой ад в твоих очах.
Люблю тебя нездешней страстью,
Как полюбить не можешь ты:
Всем упоением, всей властью
Бессмертной мысли и мечты.
В душе моей, с начала мира,
Твой образ был напечатлён,
Передо мной носился он
В пустынях вечного эфира.
Давно тревожа мысль мою,
Мне имя сладкое звучало;
Во дни блаженства мне в раю

Одной тебя недоставало.
О! если б ты могла понять,
Какое горькое томленье
Всю жизнь, века без разделенья
И наслаждаться и страдать,
За зло похвал не ожидать
Ни за добро вознагражденья;
Жить для себя, скучать собой,
И этой вечною борьбой
Без торжества, без примиренья!
Всегда жалеть и не желать,
Всё знать, всё чувствовать, всё видеть,
Стараться всё возненавидеть
И всё на свете презирать!..
Лишь только божие проклятье
Исполнилось, с того же дня
Природы жаркие объятья
Навек остыли для меня;
Синело предо мной пространство;
Я видел брачное убранство
Светил, знакомых мне давно...
Они текли в венцах из золота;
Но что же? прежнего собрата
Не узнавало ни одно.
Изгнанников, себе подобных,
Я звать в отчаянии стал,
Но слов и лиц и взоров злобных,
Увы! я сам не узнавал.
И в страхе я, взмахнув крылами,
Помчался – но куда? зачем?
Не знаю... прежними друзьями
Я был отвергнут; как Эдем,
Мир для меня стал глух и нем.
По вольной прихоти теченья
Так поврежденная ладья
Без парусов и без руля
Плывет, не зная назначенья;
Так ранней утренней порой
Отрывок тучи громовой,
В лазурной вышине чернея,
Один, нигде пристать не смея,
Летит без цели и следа,
Бог весть откуда и куда!
И я людьми недолго правил,
Греху недолго их учил,
Всё благородное бесславил
И всё прекрасное хулил;
Недолго... пламень чистой веры
Легко навек я залил в них...
А стоили ль трудов моих
Одни глупцы да лицемеры?
И скрылся я в ущельях гор;
И стал бродить, как метеор,
Во мраке полночи глубокой...
И мчался путник одинокой,
Обманут близким огоньком;
И в бездну падая с конем,
Напрасно звал – и след кровавый
За ним вился по крутизне...
Но злобы мрачные забавы
Недолго нравились мне!
В борьбе с могучим ураганом,
Как часто, подымая прах,
Одетый молнией и туманом,
Я шумно мчался в облаках,
Чтобы в толпе стихий мятежной
Сердечный ропот заглушить,
Спасть от думы неизбежной

И незабвенное забыть!
Что повесть тягостных лишений,
Трудов и бед толпы людской
Грядущих, прошлых поколений,
Перед минутою одной
Моих непризнанных мучений?
Что люди? что их жизнь и труд?
Они прошли, они пройдут...
Надежда есть – ждет правый суд:
Простить он может, хоть осудит!
Моя ж печаль бессменно тут,
И ей конца, как мне, не будет;
И не вздремнуть в могиле ей!
Она то ластится, как змей,
То жжет и плещет, будто пламень,
То давит мысль мою, как камень –
Надежд погибших и страстей
Несокрушимый мавзолей!..
Тамара

Зачем мне знать твои печали,
Зачем ты жалуешься мне?
Ты согрешил...
Демон

Против тебя ли?
Тамара

Нас могут слышать!..
Демон

Мы одни.
Тамара

А бог!
Демон

На нас не кинет взгляда:
Он занят небом, не землей!
Тамара

А наказание, муки ада?
Демон

Так что ж? Ты будешь там со мной!]
Тамара

Кто б ни был ты, мой друг случайный, –
Покой навеки погубя,
Невольню я с отрадой тайной,
Страдалец, слушаю тебя.
Но если речь твоя лукава,
Но если ты, обман тая...
О! пощади! Какая слава?
На что душа тебе моя?
Ужели небу я дороже
Всех, не замеченных тобой?
Они, увы! прекрасны тоже;
Как здесь, их девственное ложе
Не смято смертною рукой...
Нет! дай мне клятву роковую...
Скажи, – ты видишь: я тоскую;
Ты видишь женские мечты!
Невольню страх в душе ласкаешь...
Но ты всё понял, ты всё знаешь –
И сжалишься, конечно, ты!
Клянися мне... от злых стяжаний
Отречься ныне дай обет.

Ужель ни клятв, ни обещаний
Ненарушимых больше нет?..
Демон

Клянусь я первым днем творенья,
Клянусь его последним днем,
Клянусь позором преступленья
И вечной правды торжеством.
Клянусь паденья горькой мукой,
Победы краткою мечтой;
Клянусь свиданием с тобой
И вновь грозящею разлукой.
Клянуся сонмищем духов,
Судьбою братий мне подвластных,
Мечами ангелов бесстрастных,
Моих недремлющих врагов;
Клянуся небом я и адом,
Земной святыней и тобой,
Клянусь твоим последним взглядом,
Твоею первою слезой,
Незлобных уст твоих дыханьем,
Волною шелковых кудрей,
Клянусь блаженством и страданьем,
Клянусь любовью моей:
Я отрекся от старой мести,
Я отрекся от гордых дум;
Отныне яд коварной лести
Ничей уж не встревожит ум;
Хочу я с небом примириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я веровать добру.
Слезой раскаянья сотру
я на челе, тебя достойном,
Следы небесного огня –
И мир в неведеньи спокойном
Пусть доцветает без меня!
О! верь мне: я один поныне
Тебя постиг и оценил:
Избрав тебя моей святыней,
я власть у ног твоих сложил.
Твоей любви я жду, как дара,
и вечность дам тебе за миг;
В любви, как в злобе, верь, Тамара,
я неизменен и велик.
Тебя я, вольный сын эфира,
возьму в надзвездные края;
и будешь ты царицей мира,
Подруга первая моя;
Без сожаленья, без участия
Смотреть на землю станешь ты,
Где нет ни истинного счастья,
ни долговечной красоты,
Где преступленья лишь да казни,
Где страсти мелкой только жить;
Где не умеют без боязни
ни ненавидеть, ни любить.
Иль ты не знаешь, что такое
людей минутная любовь?
Волненье крови молодое, –
но дни бегут и стынет кровь!
Кто устоит против разлуки,
Соблазна новой красоты,
Против усталости и скуки
и своенравия мечты?
Нет! не тебе, моей подруге,
Узнай, назначено судьбой
увянуть молча в тесном круге
ревнивой грубости рабой,

Средь малодушных и холодных,
Друзей притворных и врагов,
Боязней и надежд бесплодных,
Пустых и тягостных трудов!
Печально за стеной высокой
Ты не угаснешь без страстей,
Среди молитв, равно далеко
От божества и от людей.
О нет, прекрасное созданье,
К иному ты присуждена;
Тебя иное ждёт страданье,
Иных восторгов глубина;
Оставь же прежние желанья
И жалкий свет его судьбе:
Пучину гордого познания
Взамен открою я тебе.
Толпу духов моих служебных
Я приведу к твоим стопам;
Прислужниц легких и волшебных
Тебе, красавица, я дам;
И для тебя с звезды восточной
Сорву венец я золотой;
Возьму с цветов росы полночной;
Его усыплю той росой;
Лучом румяного заката
Твой стан, как лентой, обовью,
Дыханьем чистым аромата
Окрестный воздух напою;
Всечасно дивною игрою
Твой слух лелеять буду я;
Чертоги пышные построю
Из бирюзы и янтаря;
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
Я дам тебе всё, всё земное –
Люби меня!..

XI

□□□□□□И он слегка
Коснулся жаркими устами
Ее трепещущим губам;
Соблазна полными речами
Он отвечал ее мольбам.
Могучий взор смотрел ей в очи!
Он жег ее. Во мраке ночи
Над нею прямо он сверкал,
Неотразимый, как кинжал.
Увы! злой дух торжествовал!
Смертельный яд его лобзанья
Мгновенно в грудь ее проник.
Мучительный, ужасный крик
Ночное возмутил молчанье.
В нем было всё: любовь, страданье,
Упрек с последнею мольбой
И безнадежное прощанье –
Прощанье с жизнью молодой.

XII

В то время сторож полуночный,
Один вокруг стены крутой
Свершая тихо путь урочный,
Бродил с чугуною доской,
И возле кельи девы юной
Он шаг свой мерный укротил
И руку над доской чугуной,
Смутясь душой, остановил.
И сквозь окрестное молчанье,
Ему казалось, слышал он
Двух уст согласное лобзанье,
Минутный крик и слабый стон.

И нечестивое сомненье
Проникло в сердце старика...
Но пронеслось еще мгновенье,
И стихло всё; издалика
Лишь дуновенье ветерка
Роптанье листьев приносило,
Да с темным берегом уныло
Шепталась горная река.
Канон угодника святого
Спешит он в страхе прочитать,
Чтоб наважденье духа злого
От грешной мысли отогнать;
Крестит дрожащими перстами
Мечтой взволнованную грудь
И молча скорыми шагами
Обычный продолжает путь.

. . .
XIII

Как пери спящая мила,
Она в гробу своем лежала,
Белей и чище покрывала
Был томный цвет ее чела.
Навек опущены ресницы...
Но кто б, о небо! не сказал,
Что взор под ними лишь дремал
И, чудный, только ожидал
Иль поцелуя иль денницы?
Но бесполезно луч дневной
Скользил по ним струей златой,
Напрасно их в немой печали
Уста родные целовали...
Нет! смерти вечную печать
Ничто не в силах уж сорвать!

XIV

Ни разу не был в дни веселья
Так разноцветен и богат
Тамары праздничный наряд.
Цветы родимого ущелья
(Так древний требует обряд)
Над нею льют свой аромат
И сжаты мертвою рукою
Как бы прощаются с землею!
И ничего в ее лице
Не намекало о конце
В пылу страстей и упоенья;
И были все ее черты
Исполнены той красоты,
Как мрамор, чуждой выраженья,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной, как смерть сама.
Улыбка странная застыла,
Мелькнувши по ее устам.
О многом грустном говорила
Она внимательным глазам:
В ней было хладное презренье
Души, готовой отцвести,
Последней мысли выраженья,
Земле беззвучное прости.
Напрасный отблеск жизни прежней,
Она была еще мертвей,
Еще для сердца безнадежней
Навек угаснувших очей.
Так в час торжественный заката,
Когда, растаяв в море злата,
Уж скрылась колесница дня,
Снега Кавказа, на мгновенье
Отлив румяный сохраняя,
Сияют в темном отдаленье.

Но этот луч полуживой
В пустыне отблеска не встретит;
И путь ничей он не осветит
С своей вершины ледяной!..

XV

Толпой соседи и родные
Уж собрались в печальный путь.
Терзая локоны седые,
Безмолвно поражая грудь,
В последний раз Гудал садится
На белогривого коня,
И поезд тронулся. Три дня,
Три ночи путь их будет длиться:
Меж старых дедовских костей
Приют покойный вырыт ей.
Один из праотцев Гудала,
Грабитель странников и сёл,
Когда болезнь его сковала
И час раскаянья пришел,
Грехов минувших в искупленье
Построить церковь обещал
На высоте гранитных скал,
Где только вьюги слышно пенье,
Куда лишь коршун залетал.
И скоро меж снегов Казбека
Поднялся одинокий храм,
И кости злого человека
Вновь успокоились там;
И превратилась в кладбище
Скала, родная облакам:
Как будто ближе к небесам
Теплей посмертное жилище?..
Как будто дальше от людей
Последний сон не возмутится..
Напрасно! мертвым не приснится
Ни грусть, ни радость прошлых дней.

XVI

В пространстве синего эфира
Один из ангелов святых
Летел на крыльях золотых,
И душу грешную от мира
Он нес в объятиях своих.
И сладкой речью упования
Ее сомненья разгонял,
И след проступка и страданья
С нее слезами он смывал.
Издали уж звуки рая
К ним доносились – как вдруг,
Свободный путь пересекая,
Взвился из бездны адский дух.
Он был могущ, как вихорь шумный,
Блистал, как молнии струя,
И гордо в дерзости безумной
Он говорит: «Она моя!»
К груди хранительной прижалась,
Молитвой ужас заглуша,
Тамары грешная душа.
Судьба грядущего решалась,
Пред нею снова он стоял,
Но, боже! – кто б его узнал?
Каким смотрел он злобным взглядом,
Как полон был смертельным ядом
Вражды, не знающей конца, –
И веяло могильным хладом
От неподвижного лица.
«Исчезни, мрачный дух сомненья! –
Посланник неба отвечал: –
Довольно ты торжествовал;

Но час суда теперь настал –
и благо божие решение!
Дни испытания прошли;
С одеждой брэнною земли
Оковы зла с нее ниспали.
Узнай! давно ее мы ждали!
Ее душа была из тех,
Которых жизнь – одно мгновенье
Невыносимого мученья,
Недостигаемых утех:
Творец из лучшего эфира
Соткал живые струны их,
Они не созданы для мира,
И мир был создан не для них!
Ценой жестокой искупила
Она сомнения свои...
Она страдала и любила –
И рай открылся для любви!»
И Ангел строгими очами
На искусителя взглянул
И, радостно взмахнув крылами,
В сиянье неба потонул.
И проклял Демон побежденный
Мечты безумные свои,
И вновь остался он, надменный,
Один, как прежде, во вселенной
Без упованья и любви!..
* * *

На склоне каменной горы
Над Койшаурскою долиной
Еще стоят до сей поры
Зубцы развалины старинной.
Рассказов, страшных для детей,
О них еще преданья полны..
Как призрак, памятник безмолвный,
Свидетель тех волшебных дней,
Между деревьями чернеет.
Внизу рассыпался аул,
Земля цветет и зеленеет;
И голосов нестройный гул
Теряется, и караваны
Идут звеня издалека,
И, низвергаясь сквозь туманы,
Блестит и пенится река.
И жизнью вечно молодой,
Прохладой, солнцем и весною
Природа тешится шутя,
Как беззаботная дитя.
Но грустен замок, отслуживший
Года во очередь свою,
Как бедный старец, переживший
Друзей и милую семью.
И только ждут луны восхода
Его незримые жильцы:
Тогда им праздник и свобода!
Жужжат, бегут во все концы.
Седой паук, отшельник новый,
Прядет сетей своих основы;
Зеленых ящериц семья
На кровле весело играет;
И осторожная змея
Из темной щели выползает
На плиту старого крыльца,
То вдруг совется в три кольца,
То ляжет длинной полосой
И блещет, как булатный меч,
Забытый в поле давних сеч,
Ненужный падшему герою!..

Всё дико; нет нигде следов
Минувших лет: рука веков
Прилежно, долго их сметала,
И не напомним ничего
О славном имени Гудала,
О милой дочери его!
Но церковь на крутой вершине,
Где взяты кости их землей,
Хранима властию святой,
Видна меж туч еще поныне.
И у ворот ее стоят
На страже черные граниты,
Плащами снежными покрыты;
И на груди их вместо лат
Льды вековечные горят.
Обвалов сонные громады
С уступов, будто водопады,
Морозом схваченные вдруг,
Висят нахмурившись вокруг.
И там метель дозором ходит,
Сдувая пыль со стен седых,
То песню долгую заводит,
То окликает часовых;
Услыша вести в отдаленье
О чудном храме, в той стране,
С востока облака одне
Спешат толпой на поклоненье;
Но над семьей могильных плит
Давно никто уж не грустит.
Скала угрюмого Казбека
Добычу жадно сторожит,
И вечный ропот человека
Их вечный мир не возмутит.

Приложение I

Другие редакции «Демона»

Демон: I редакция, 1829

1. Посвящение

Я буду петь, пока поется,
Пока волненья позабыл,
Пока высоким сердце бьется,
Пока я жизнь не пережил,
В душе горят, хотя безвестней,
Лучи небесного огня,
Но нежных и веселых песней,
Мой друг, не требуй от меня.....
Я умер. Светлых вдохновений
Забыта мною сторона
давно. Как скучен день осенний,
Так жизнь моя была скучна:
Так впечатлений неприятных
душа всегда была полна; –
Поныне о годах развратных
не престаёт скорбеть она.

2. Посвящение

Я буду петь, пока поется,
Пока, друзья, в груди моей
еще высоким сердце бьется
и жалость не погибла в ней.
Но той веселости прекрасной
не требуй от меня напрасно,
и юных гордых дней, поэт,
ты не вернешь: их нет как нет;
как солнце осени суровой,
так пасмурна и жизнь моя; –
среди людей скучаю я: –
мне впечатление не ново...
и вот печальные мечты,
плоды душевной пустоты!..

* * *

Печальный демон, дух изгнания,
Блуждал под сводом голубым,
И лучших дней воспоминанья
Чредой теснились перед ним,
Тех дней, когда он не был злым,
Когда глядел на славу бога,
Не отвращаясь от него;
Когда сердечная тревога
Чуждалась души его,
Как дня боится мрак могилы.
И много, много... и всего

Представить не имел он силы...
(демон узнает, что ангел любит одну смертную, демон узнает и обольщает ее, так
что она покидает ангела, но скоро умирает и делается духом ада. Демон обольстил
ее, рассказывая, что бог несправедлив и проч. свою ист.)

* * *

Любовь забыл он навсегда.
Коварство, ненависть, вражда
Над ним владычествуют ныне...
В нем пусто, пусто: как в пустыне.
Смертельный след напечатлен
На том, к чему он прикоснется,
И говорят, что даже он
Своим злодеяниям не смеется,
Что груды гибнущих людей
Не веселят его очей...
Зачем же демон отверженья
Роняет посреди мученья
Свинцовы слезы иногда,
И им забыты на мгновенья
Коварство, зависть и вражда?....

* * *

Демон влюбляется в смертную (монахиню), и она его наконец любит, но демон видит
ее ангела хранителя и от зависти и ненависти решается погубить ее. Она умирает,
душа ее улетает в ад, и демон, встречая ангела, который плачет с высот неба,
упрекает его язвительной улыбкой.

* * *

Угрюмо жизнь его текла,
Как жизнь развалин. Бесконечность
Его тревожить не могла,
Он хладнокровно видел вечность,
Не зная ни добра, ни зла,
Губя людей без всякой нужды.
Ему желанья были чужды,
Он жег печатью роковой
Того, к кому он прикасался,
Но часто демон молодой
Своим злодеяниям не смеялся.
Таков осеннею порой
Среди долины опустелой
Один чернеет пень горелый.
Сражен стрелою громовой
Он прямо высится главой
И презирает бурь порывы,
Пустыни сторож молчаливый.

* * *

Боясь лучей, бежал он тьму,
Душой измученною болен.
Ничем не мог он быть доволен:
Все горько сделалось ему,
И все на свете презирая,
Он жил, не веря ничему
И ничего не принимая.
В полночь между высоких скал,
Однажды над волнами моря,

Один, без радости, без горя
Беглец эдема пролетал,
И грешным взором созерцал
Земли пустынные равнины,
И зрит, чернеет над горой
Стена обители святой
И башен странные вершины.
Меж низких келий тишина,
Садится поздняя луна,
И в усыпленную обитель
Вступает мрачный искуситель.
Вот тихий и прекрасный звук,
Подобный звуку лютни, внемлет...
И чей-то голос... Жадный слух
Он напрягает. Хлад объемлет
Чело... он хочет прочь тотчас.
Его крыло не шевелится,
И странно – из потухших глаз
Слеза свинцовая катится.....
Как много значил этот звук:
Мечты забытых упоений,
Века страдания и мук,
Века бесплодных размышлений,
Всё оживилось в нем, и вновь
Погибший ведает любовь.
М.

О чем ты близ меня вздыхаешь.
Чего ты хочешь получить?
Я поклялась давно, ты знаешь,
Земные страсти позабыть.
Кто ты? – мольба моя напрасна,
Чего ты хочешь?...
Д.

Ты прекрасна.
М.

Кто ты?
Д.

Я демон. Не страшись...
Святыни здешней не нарушу...
И о спасеньи не молись,
Не искусить пришел я душу;
Сгорая жаждою любви,
Несу к ногам твоим моления,
Земные первые мученья
И слезы первые мои.
Демон: II редакция, 1830

1
Печальный Демон, дух изгнанья,
Блуждал под сводом голубым,
И лучших дней воспоминанья
Чредой теснились перед ним.
Тех дней, когда он не был злым,
Когда глядел на славу бога,
Не отвращаясь от него;
Когда заботы и тревога
Чуждались ума его,
Как дня боится мрак могилы...
И много, много... и всего
Представить не имел он силы.
В изгнаньи жизнь его текла,
Как жизнь развалин. Бесконечность
Его тревожить не могла.
<Он равнодушно видел вечность,>
Не зная ни добра, ни зла,

Губя людей без всякой нужды.
Ему желанья были чужды.
Он жег печатью роковой
Всё то, к чему он прикасался;
И часто Демон молодой
Своим злодействам не смеялся.
Боясь лучей, бежал он тьму.
Душой измученною болен,
Ничем не мог он быть доволен.
Всё горько сделалось ему,
И, всё на свете презирая,
Он жил, не веря ничему
И ничего не признавая.

2

В полночь, между холодных скал,
Однажды над волнами моря
Один, без радости, без горя,
Беглец Эдема пролетал
И грешным взором созерцал
Земли пустынные равнины,
И зрит: белеют под горой
Стена обители святой
И башен странные вершины.
Меж бедных келий тишина.
Садится поздняя луна;
И в усыпленную обитель
Вступает мрачный искуситель.
<Вдруг> тихий и прекрасный звук,
<Подобный> звуку лютни, внемлет,
И чей-то голос. Жадный слух
Он напрягает. Хлад объемлет
Чело... Он хочет прочь тотчас –
Его крыло не шевелится.
И – чудо! – из померкших глаз
Слеза свинцовая катится.

3

Как много значит этот звук!
Века минувших упоений,
Века изгнания и мук,
Века бесплодных размышлений,
Всё оживилось в нем, но вновь
Ужель узнает он любовь?
Тому не быть: так если мчится
Сын ливня в поле мутный ключ,
И солнца полумертвый луч
На нем случайно отразится,
Он лишь мгновенно озарит,
А мутных вод не просветит.
Влетает в келью дух смущенный.
Украдкою, как некий вор,
Минует образ позлащенный,
Со страхом отвращает взор,
Он зрит божественные книги,
Лампаду, четки и вериги.
Но где же звуки? где же та,
К которой сильная мечта
Его влечет?.. Облокотившись,
С испанской лютнею она
Сидела молча у окна,
И кудри черные, скатившись
На веки нежные очей,
Служили покрывалом ей.
Исполнена какой-то думой,
Младая волновалась грудь.
Вот поднялась. На свод угрюмый
Она задумала взглянуть.
Как звезды омраченной дали,
Глаза монахини сияли,

Как неба утра облака,
Ее лилейная рука
Была пленительна; и струны
Согласно вздрогнули под ней.
Угрюм, как ночи мрак безлунный,
Потупя взгляд своих очей,
Окованный ее игрою,
Стоял злой дух. Ему любить
Не должно сердца допустить.
Он связан клятвой роковою.
(И эту клятву молвил он,
Когда блистающий Сион
Оставил с гордым сатаню).

. . .

Он искушить хотел – не мог,
Не находил в себе искусства;
Забыть – забвенья не дал бог,
Любить – недоставало чувства;
Хотя он для любви готов
Оставить полк своих духов
И без могущества, без силы
Скитаться посреди миров,
Как труп вампира, из могилы
Исторгшись, бродит меж людей
Страшилищем немых ночей...
Легок, как падающий снег
По ветру среди зимы холодной,
Мой Демон, волею свободный,
Летучий направляет бег –
Прочь-прочь от места, где впервые
Земные слезы уронил,
Нарушил клятвы роковые
И князя бездны раздражил,
Но прелесть звуков и виденья
Остались на душе его,
И в памяти сего мгновенья
Уж не загладит ничего.

4

Но кто ж она? Зачем сокрыта
В пустыне, меж высоких стен?
Иль это добровольный плен,
И ею радость позабыта?
Иль краска черная одежд
С ее душой была согласна?
Ее история ужасна,
Как вспоминанье без надежд.
Она отца и мать не знала,
И люльку детскую ее
Старушка чуждая качала...
Но это ль бедное житье,
Любовь ли сердце испугала,
Опасность ли – о том узнать
Никто не думал испытать.

. . .

Как часто дева у окошка
Взирала на берег морской.
Печаль ее хотя немножко
В то время делалась живой.
На море вихри бушевали
И волны синие вставали;
В расселинах стены крутой
Протяжный раздавался вой;
А дева – взор ясней лазури –
При шуме капель дождевых
Согласовала с воем бури
Игру печальных струн своих.
Но с той минуты, как нечистый

К ней приходил в ночи тенистой,
Она молиться уж нейдет
И не играет, не поет,
Ей колокола звон противен,
В ней кроется холодный яд,
Ни моря шум, ни ветер, ни ливень
Мечты как было не родят.

5

И бедный Демон удалился
От силы адской с этих пор,
Он на хребет далеких гор
В ледяный грот переселился,
Где под снегами хрустали
Корой огнистою легли,
Природы дивные творенья.
Ее причудливой игры
Он наблюдает измененья.
Составя светлые шары,
Он их по ветру посылает,
Велит им путнику блеснуть
И над болотом освещает
Заглохший, неезжанный путь.
Когда метель гудет и свищет,
Он охраняет прошлеца,
Сдувает снег с его лица
И для него защиту ищет...
И часто прежней пустоты
Он слышит муки. Красоты
Волшебной стан пред ним летает;
И пламя новое мечты
Его крылами обнимает.
Изгнанник помнит свет небес,
Огни потерянного рая;
Тоской неистойвой сгорая,
Он зажигает темный лес,
Любуясь на пожар трескучий.
Скалы на корне вековом
Срывая, как нежданный гром,
Свергает вниз рукой могучей –
И гул подымлетя кругом.
Но уж не то его тревожит,
Что прежде; тот железный сон
Прошел – любить он может – может –
И в самом деле любит он.
И хочет в путь опять пускаться,
Чтоб с милой девой повидаться,
Чтоб раз ей в очи поглядеть
И невозвратно улететь...

6

Едва блестящее светило
На небо юное взошло
И моря синее стекло
Лучами утра озарило,
Как Демон видел пред собой
Стену обители святой,
Где полразрушенная келья
Так много милого хранит.
Полетом он туда спешит.
Но нет в душе его веселья.
Какой-то непонятный страх
В ледяных светится глазах.
Вот дверь простая перед ними.
Томяся муками живыми,
Он долго медлил; он не мог
Переступить через порог,
Как будто бы он там погубит,
Что на минуту отдал рок...

. . .

Теперь лишь видно, что он любит!
Теперь лишь признаки любви:
Волнение надежд несмелых
И пламень неземной крови
Видны в чертах окаменелых!..

7

Он в келье. Но зачем же он
Не привлечет ее вниманья?
Зачем не пьет ее дыханья?
Не вздох любви – могильный стон,
Как эхо, из груди разбитой
Протяжно вышел наконец.
И сердце кровию облито
Отяжелело, как свинец.
Его рука остановилась
На воздухе. Сведенный перст
Оледенел. Хоть взор отверзт:
В нем ничего не отразилось
Кроме презренья – но к чему?
Что показалось ему?

8

Посланник рая, ангел нежный,
В одежде дымной, белоснежной,
Стоял с блистающим челом
Вблизи монахини прекрасной
И от врага с улыбкой ясной
Приосенил ее крылом.
Они счастливы, святы оба!
И – мщенье, ненависть и злоба
Взыграли демонской душой.
Он вышел твердою стопой.
Он вышел. Сколько чувств различных,
С давнишних лет ему привычных,
В душе теснятся! Сколько дум
Меняет беспокойный ум!..
Красавице погибнуть надо.
Ее не пощадит он вновь,
Погибнет – прежняя любовь
Не будет для нее оградой!..

9

Как жалко! Он уже хотел
На путь спасенья возвратиться,
Забыть толпу недобрых дел,
Позволить сердцу оживиться.
Творцу природы, может быть,
Внушил бы Демон сожаленье,
И благодатное прощенье
Ему б случилось получить.
Но поздно! Сын безгрешный рая
Вдруг разбудил мятежный ум.
Кипит он, ревностью пылая,
Явилась снова воля злая
И яд преступных, черных дум.
И вот, облекшись в образ томный,
Обманчивый он принял вид,
Он юноша печальный, скромный,
Какой-то тенью взор облит.
Его опущенные крылья
Объяты участью бессилья.
На голове венец златой
Померкнул и покрылся мглой.
Он ждет, у стен святых блуждая,
Когда останется одна
Его монахиня младая;
Когда нескромная луна
Взойдет, пустыню озаряя.
Он ожидает час глухой,
Текущий под ночью мглой,

Час тайных встреч и наслаждений
и незаметных преступлений.
Он к ней прокрадется туда,
Среди обители уснувшей;
и там погубит навсегда
Предмет любви своей минувшей!

10

Лампада в келье чуть горит.
Лукавый с девою сидит.
И дрожь и страх ее объемлет,
Она, как смерть бледнея, внемлет.
Она

Земные страсти позабыть
я поклялась давно, ты знаешь.
К чему ж теперь меня смущаешь?
Чего ты хочешь получить?
О! кто ты? – речь твоя опасна!
Чего ты хочешь?..
Дух

Ты прекрасна!
Она

Кто ты?
Дух

Я демон, не страшись:
Святыни здешней не нарушу.
И о спасеньи не молись,
Не искусить пришел я душу.
К твоим ногам, томясь в любви,
Несу покорные моления,
Земные первые мученья
И слезы первые мои!
Не расставляя я людям сети
С толпою грозной злых духов:
Брожу один среди миров
Несметное число столетий.
Не выжимай из груди стон,
Не отгоняй меня укором:
Несправедливым приговором
Я на изгнание осужден.
Не зная радости минутной,
Живу над морем и меж гор,
Как перелетный метеор,
Оставлен всеми, бесприютный...
И слишком горд я, чтоб просить
У бога вашего прощенья.
Я полюбил мои мученья
И не могу их разлюбить.
Но ты, ты можешь оживить
Своей любовью непритворной
Мую томительную лень
И жизни скучной и позорной
Непролетающую тень!..

11

В часы суровой непогоды
В осенний день, когда меж скал
Пенясь, крутясь, шумели воды,
Восточный ветер бушевал,
И тучи серыми рядами
Перебегали небесами;
Зловещий колокола звон,
Как умирающего стон,
Раздался глухо над волнами.
К чему манит отшельниц он?..
Не на молитву поспешали

В обширный и высокий храм,
Не двум счастливым женихам
Свечи дрожащие пылали:
В середине церкви мех звучал,
И катафалк блеснул прекрасный,
На нем богатый гроб стоял,
В гробу мертвец лежал безгласный;
Зачем не слышен плач родных
И не видать во храме их?
И кто мертвец? Едва приметный
Остаток прежней красоты
Являют мертвые черты.
Уста закрытые бесцветны.
И в сердце томной страсти яд
Ее глаза не поселят,
Хотя еще весьма недавно
Они владели над душой,
Неугомонной, своенравной,
В борьбе безумной и неравной
Не знавшей власти над собой.
За час до горестной кончины
Духовника на миг единый
Младая дева призвала:
Желанья, добрые дела
И запрещенные деянья
Открыть с слезами покаянья.
Пришел исповедник. Но вдруг
Его безумный хохот встретил.
Он на лице ее заметил
Боренье последних мук,
Припадки судорог ужасных.
Он разобрал в речах неясных:
«Ты!.. Демон!.. о!.. коварный друг!..
Своими сладкими речами...
Ты... бедную... заморозил...
Ты был любим и не любил,
Ты б мог спастись, а погубил...
Проклятье сверху, мрак под нами!»
Но кто безжалостный злодей,
Тогда не понял старец честный,
И жизнь монахини моей
Осталась людям неизвестной.

12

С тех пор промчалось много лет.
Пустела тихая обитель,
И время, общий разрушитель,
Смывало постепенно след
Высоких стен. И храм священный
Добычей бури и дождей
Соделался. Между дверей
Вздыхая ходит ветер не пленный.
Внутри на ликах расписных,
На утвари позолоченной
И средь расселин стен седых
Большой паук, пустынный новый,
Кладет нитей своих основы.
Сбегаючи со скал крутых,
Ища приют от непогоды,
Случалось, лань, дитя свободы,
Входила в кельи; – и – порой
Стола нескромное паденье
Среди развалины глухой
Вдруг приводило в удивленье
Ее – но нынче ничему
Нельзя встревожить тишину.
Что может падать, то упало,
Что мрет, то умерло давно;
Что живо, то бессмертно стало;

Но время вживе удержало
Воспоминание одно...
И море пенится и злится,
И сильно плещет и шумит,
Когда волнами устремится
Обнять береговой гранит;
Он вдался в море одиноко;
На нем чернеет крест высокой;
Всегда скалой отражены,
Струи белятся пеной вольной,
Волна теснится у волны,
И слышен ропот своевольный,
И удаляются толпой,
Другим предоставляя бой.

13

Над тем крестом, над той скалою
Однажды утренней порою
С глубокой думою стоял
Дитя Эдема, ангел мирный;
И слезы молча утирал
Своей одеждою сапфирной.
И кудри мягкие как лен
С главы венчанной упали,
И крылья легкие как сон
За белыми плечьями сияли;
Стан тонкий свеж и прям: таков
Зеленый кипарис садов.

. . .
. . .

Вот тихо над крестом склонился.
Казалось, будто он молился
За душу девы молодой.
Увы! Напрасные моления,
Ее страстям уж нет прощенья...
Тогда над синей глубиной
Дух гордости и отверженья
Летел с вершины диких гор,
Как будто прелести творенья
Непозволительный укор.
Как свод безлучный в день осенний,
Был мрачен искуситель гений.
Он близ могилы промелькнул
И, тусклый, мертвый взор кидая,
Посла потерянного рая
Улыбкой горькой упрекнул...
Демон: III редакция, 1831

Посвящение

Прими мой дар, моя мадона!
С тех пор как мне явилась ты,
Моя любовь мне оборона
От порицаний клеветы.
Такой любви нельзя не верить,
А взор не скроет ничего:
Ты не способна лицемерить,
Ты слишком ангел для того!
Скажу ли? – предан самовластью
Страстей печальных и судьбе,
Я счастьем не обязан счастью,
Но всем обязан я – тебе.
Как демон, хладный и суровый,
Я в мире веселился злом,
Обманы были мне не новы,
И яд был на сердце моем;
Теперь, как мрачный этот Гений,
Я близ тебя опять воскрес
Для непорочных наслаждений,
И для надежд, и для небес.

* * *

Cain. Who art thou?
Lucifer. Master of spirits.
Cain. And being so, canst thou
Leave them, and walk with dust?
Lucifer. I know the thoughts
Of dust, and feel for it, and with you.

L. Byron. Cain.[17]
Печальный демон, дух изгнания,
Блуждал под сводом голубым,
И лучших дней воспоминанья
Чредой теснились перед ним;
Тех дней, когда он не был злым,
Когда глядел на славу бога,
Не отвращаясь от него,
Когда заботы и тревога
Чуждались ума его,
Как дня боится мрак могилы;
И много, много... и всего
Припомнить не имел он силы.
Уныло жизнь его текла
В пустыне Мира. Бесконечность
Жилище для него была.
Он равнодушно видел вечность,
Не зная ни добра, ни зла,
Губя людей без всякой нужды.
Ему желанья были чужды.
Он жег печатью роковой
Всё то, к чему ни прикасался!..
И часто демон молодой
Своим злодействам не смеялся.
Страшась лучей, бежал он тьму;
Душой измученною болен,
Ничем не мог он быть доволен,
Всё горько сделалось ему;
И, всё на свете презирая,
Он жил, не веря ничему
И ничего не признавая.

. . .
Однажды, вечером, меж скал
И над седой равниной моря,
Без дум, без радости, без горя,
Беглец Эдема пролетал
И грешным взором созерцал
Земли пустынные равнины,
И зрит: белеет под горой
Стена обители святой
И башен странные вершины.
Меж бедных келий тишина;
Встает багровая луна;
И в усыпленную обитель
Вступает мрачный искуситель.
Вдруг тихий и прекрасный звук,
Подобный звуку лютни, внемлет,
И чей-то голос. Жадный слух
Он напрягает: хлад объемлет
Чело. Он хочет прочь тотчас:
Его крыло не шевелится;
И – чудо! – из померкших глаз
Слеза свинцовая катится.
Поныне возле кельи той
Насквозь прожженный виден камень
Слезой жаркою, как пламень,
Нечеловеческой слезой.
Как много значил этот звук!
Века минувших упоений,
Века изгнания и мук,
Века бесплодных размышлений,
Всё оживилось в нем опять.

Но что ж? Ему не воскресать
Для нежных чувств. Так, если мчится
По небу летнему порой
Отрывок тучи громовой,
И луч случайно отразится
На сумрачных краях, она
Тот блеск мгновенный презирает
И путь неверный продолжает
Хладна, как прежде, и темна.
Проникнул в келью дух смущенный.
Со страхом отвращает взор,
Минуя образ позлащенный,
Как будто видя в нем укор.
Он зрит божественные книги,
Лампаду, четки и вериги;
Но где же звуки? где же та,
К которой сильная мечта
Его влечет?

□□□□□□Она сидела
На ложе, с лютнею в руках,
И песню гор играя пела.
И, мнилось, всё в ее чертах
Земной беспечностью дышало;
И кольца русые кудрей
Сбегали, будто покрывало,
На веки нежные очей.
Исполнена какой-то думой
Младая волновалась грудь...
Вот поднялась; на свод угрюмый
Она задумала взглянуть:
Как звезды омраченной дали,
Глаза монахини сияли;
Ее лилейная рука,
Бела, как утром облака,
На черном платье отделялась,
И струны отвечали ей
Что дальше, то сильнее, сильнее.
Тоской раскаянья, казалось,
Была та песня сложена!
Меж тем, как путник любопытный,
В окно, участием полна,
На деву, жертву грусти скрытной,
Смотрела ясная луна!..
Окован сладостной игрою
Стоял злой дух. Ему любить
Не должно сердца допустить:
Он связан клятвой роковою;
(И эту клятву молвил он,
Когда блистающий Сион
Оставил с гордым сатаною).
Он искушать хотел, – не мог,
Не находил в себе искусства;
Забывать? – забвенья не дал бог;
Любить? – недоставало чувства!
Что делать? – новые мечты
И чуждые поныне муки!
Так, демон, слыша эти звуки,
Чудесно изменился ты.
Ты плакал горькими слезами,
Глядя на милый свой предмет,
О том, что цепь лежит меж вами,
Что пламя в мертвом сердце нет;
Когда ты знал, что не принудит
Его минута полюбить,
Что даже скоро, может быть,
Она твоею жертвой будет.
И удалиться он спешил
От этой кельи, где впервые

Нарушил клятвы неземные
И князя бездны раздражил;
Но прелесть звуков и виденья
Осталась на душе его,
И в памяти сего мгновенья
Уж не изгладит ничего.

. . .

Спустя сто лет пергамент пыльный
Между развалин отыскал
Какой-то странник. Он узнал,
Что это памятник могильный;
И с любопытством прочитал
Он монастырские преданья
О жизни девы молодой,
И им поверил, и порой
Жалел об ней в часы мечтанья.
Он перевел на свой язык
Рассказ таинственный, но свету
Не передам я повесть эту:
Ценить он чувства не привык!

. . .

Печальный демон удалился
От силы адской с этих пор.
Он на хребет далеких гор
В ледяный грот переселился,
Где под снегами хрустали
Корой огнистою легли –
Природы дивные творенья!
Ее причудливой игры
Он наблюдает измененья.
Составя светлые шары,
Он их по ветру посылает,
Велит им путнику блеснуть
И над болотом освещает
Опасный и заглохший путь.
Когда метель гудет и свищет,
Он охраняет прошлеца;
Сдувает снег с его лица
И для него защиту ищет.
И часто подымая прах
В борьбе с летучим ураганом,
Одетый молнией и туманом
Он дико мчится в облаках,
Чтобы в толпе стихий мятежной
Сердечный ропот заглушить,
Спастись от думы неизбежной
И незабвенное – забыть!
Но всё не то его тревожит,
Что прежде. Тот железный сон
Прошел. Любить он может, может,
И в самом деле любит он;
И хочет в путь опять пускаться,
Чтоб с милой девой повидаться,
Чтоб раз ей в очи посмотреть
И невозвратно улететь!

. . .

. . .

Едва блестящее светило
На небо юное взошло
И моря синее стекло
Лучами утра озарило,
Как демон видел пред собой
Стену обители святой,
И башни белые, и келью,
И под решетчатым окном
Цветущий садик. И кругом
Обходит демон; но веселью
Он недоступен. Тайный страх

В ледяных светится глазах.
Вот дверь простая перед ними.
Томяся муками живыми,
Он долго медлил, он не мог
Переступить через порог,
Как будто бы он там погубит
Всё, что еще не отнял рок.
О! как приметно, что он любит!
Всё тихо – вдруг услышал он
Давно знакомой лютни звон;
Слова певицы вдохновенной
Лились, как светлые струи;
Но не понравились они
Тому, кто с думой дерзновенной
Искал надежды и любви.

Песнь монахини

1

Как парус над бездной морской,
Как под вечер золотая звезда,
Явился мне ангел святой –
Не забуду его никогда.

2

К другой он летел или ко мне,
Я напрасно бы старалась узнать.
Быть может, то было во сне...
О! зачем должен сон исчезать?

3

Тебя лишь любила, творец,
Я поныне с младенческих дней,
Но видит душа наконец,
Что другое готовилось ей.

4

Виновна я быть не должна:
Я горю не любовью земной;
Чиста как мой ангел она,
Мысль об нем неразлучна с тобой!

5

Он отблеск величий твоих,
Ты украсил чело его сам.
Явился он мне лишь на миг, –
Но за вечность тот миг не отдам!
Умолкла. Ветер моря хладный
Последний звук унес с собой.
Непобедимую судьбой
Гонимый, демон безотрадный
Проникнул в келью. Что же он
Не привлечет ее вниманье?
Зачем не пьет ее дыханье?
Не вздох любви – могильный стон,
Как эхо, из груди разбитой
Протяжно вышел наконец;
И сердце яростью облитое
Отяжелело, как свинец.
Его рука остановилась
На воздухе. Сведенный перст
Оледенел. Хоть взор отверст,
В нем ничего не отразилось
Кроме презренья. Но к кому?
Что показалось ему?
Посланник рая, ангел нежный,
В одежде дымной, белоснежной,
Стоял с блистающим челом
Вблизи монахини прекрасной
И от врага с улыбкой ясной
Приосенил ее крылом.
Они счастливы, святы оба!
И – зависть, мщение и злоба
Взыграли демонской душой.

Он вышел твердою ногой;
Он вышел – сколько чувств различных,
С давнишних лет ему привычных,
В душе теснится! сколько дум
меняет беспокойный ум!
Красавице погибнуть надо,
Ее не пощадит он вновь.
Погибнет: прежняя любовь
не будет для нее оградой!
Как жалко! он уже хотел
на путь спасенья возвратиться,
забыть толпу преступных дел,
позволить сердцу оживиться!
Творцу природы, может быть,
внушил бы демон сожаленье
и благодатное прощенье
ему б случилось получить.
Но поздно! сын безгрешный рая
вдруг разбудил мятежный ум:
кипит он, ревностью пылая,
явилась снова воля злая
и яд коварных, черных дум.
Но впрочем, он перемениться
не мог бы: это был лишь сон.
и рано ль, поздно ль, пробудиться
навек должен был бы он.
успело зло укорениться
в его душе с давнишних дней:
добро не ужилось бы в ней;
его присвоить, им гордиться
не мог бы демон никогда;
оно в нем было бы чужое,
и стал бы он несчастней вдвое.
взгляните на волну, когда
в ней отражается звезда;
как рассыпаются чудесно
вокруг серебристые струи!
но что же? блеск тот – блеск небесный,
не завладеют им они.
их луч звезды той не согреет;
он гаснет – и волна темнеет!
злой дух недолго размышлял:
он не впервые отомщал!
он образ смертный принимает,
венец чело его ласкает,
и очи черные горят,
и этот самый пламень – яд!
он ждет, у стен святых блуждая,
когда останется одна
его монахиня молодая,
когда нескромная луна
взойдет, пустыню озаряя;
он ожидает час глухой,
текущий под ночью мглой,
час тайных встреч и наслаждений
и незаметных преступлений.
он к ней прокрадется туда,
под сень обители уснувшей,
и там погубит навсегда
предмет любви своей минувшей!
. . .
лампада в келье чуть горит.
лукавый с девою сидит;
и чудный страх ее объемлет.
она, как смерть бледнея, внемлет.
она

Страстей волненья позабыть

Я поклялась давно, ты знаешь!
К чему ж теперь меня смущаешь?
Чего ты хочешь получить?
О, кто ты? – речь твоя опасна!
Чего ты хочешь?
Незнакомец

Ты прекрасна!
Она

Кто ты?
Незнакомец

Я демон! – не страшись:
Святыни здешней не нарушу!
И о спасеньи не молись –
Не искушать пришел я душу.
К твоим ногам, томясь в любви,
Несу покорные моления,
Земные первые мученья
И слезы первые мои!
Не расставлял я людям сети
С толпою грозной злых духов;
Брожу один среди миров
Несметное число столетий!
Не выжимай из груди стон,
Не отгоняй меня укором:
Несправедливым приговором
Я на изгнание осужден.
Не зная радости минутной,
Живу над морем и меж гор,
Как перелетный метеор,
Как степи ветер бесприютный!
И слишком горд я, чтоб просить
У бога вашего прощенья:
Я полюбил мои мученья
И не могу их разлюбить.
Но ты, ты можешь оживить
Своей любовью непритворной
Мою томительную лень
И жизни скучной и позорной
Непролетающую тень!
Она

На что мне знать твои печали,
Зачем ты жалуешься мне?
Ты виноват...
Незнакомец

Против тебя ли?
Она

Нас могут слышать...
Незнакомец

Мы одне!
Она

А бог?
Незнакомец

На нас не кинет взгляда!
Он небом занят, не землей.
Она

А наказанье, муки ада?
Незнакомец

Так что ж? – ты будешь там со мной!

Мы станем жить любя, страдая,
И ад нам будет стоить рая;
Мне рай – везде, где я с тобой!
Так говорил он; и рукою
Он трепетную руку жал
И поцелуями порою
Плечо девицы покрывал.
Она противиться не смела,
Слабела, таяла, горела
От неизвестного огня,
Как белый снег от взоров дня!

. . .

В часы суровой непогоды,
В осенний день, когда меж скал
Пенясь, крутясь шумели воды,
Восточный ветер бушевал,
И темносерыми рядами
Неслися тучи небесами,
Зловещий колокола звон,
Как умирающего стон,
Раздался глухо над волнами.
К чему зовет отшельниц он?
Не на молитву поспешали
В обширный и высокий храм,
Не двум счастливым женихам
Свечи дрожащие пылали:
В середине церкви гроб стоял,
В гробу мертвец лежал безгласный,
И ряд монахинь окружал
Тот гроб с недвижностью бесстрастной.
Зачем не слышен плач родных
И не видать во храме их?
И кто мертвец? Едва приметный
Остаток прежней красоты
Являют бледные черты;
Уста закрытые бесцветны,
И в сердце пылкой страсти яд
Сии глаза не поселят,
Хотя еще весьма недавно
Владели бурною душой,
Неизъяснимой, своенравной,
В борьбе безумной и неравной
Не знавшей власти над собой.
За час до горестной кончины,
Когда сырая ночи мгла
На усыпленные долины
Прозрачной дымкою легла,
Духовника на миг единый
Младая дева призвала,
Чтоб жизни грешные деянья
Открыть с слезами покаянья.
И он приходит к ней; но вдруг
Его безумный хохот встретил.
Старик в лице ее заметил
Борение последних мук.
На предстоящих не взирая,
Шептала дева молодая:
«О, демон! о, коварный друг!
Своими сладкими речами
Ты бедную заморозил...
Ты был любим, а не любил...
Ты мог спастись, а погубил,
Проклятье сверху, мрак под нами!»
Но кто безжалостный злодей,
Тогда не понял старец честный,
И жизнь монахини моей
Осталась людям неизвестной.

С тех пор промчалось много лет,
Пустела древняя обитель,
И время, общий разрушитель,
Смывало постепенно след
Высоких стен; и храм священный
Стал жертва бури и дождей.
Из двери в дверь во мгле ночей
Блуждает ветер освобожденный.
Внутри, на ликах расписных
И на окладах золотых,
Большой паук, пустынный новый,
Кладет сетей своих основы.
Не раз, сбежав со скал крутых,
Сайгак или серна, дочь свободы,
Приют от зимней непогоды
Искали в кельях. И порой
Забытой утвари паденье
Среди развалины глухой
Их приводило в удивленье!
Но в наше время ничему
Нельзя нарушить тишину:
Что может падать, то упало,
Что мрет, то умерло давно,
Что живо, то бессмертно стало;
Но время вживе удержало
Воспоминание одно!
И море пенится и злится
И сильно плещет и шумит,
Когда волнами устремится
Обнять береговой гранит:
Он вдался в море одиноко,
На нем чернеет крест высокой.
Всегда скалой отражена,
Покрыта пылью белоснежной,
Теснится у волны волна,
И слышен ропот их мятежный,
И удаляются толпой,
Другим предоставляя бой.
Над тем крестом, над той скалою
Однажды утренней порою
С глубокой думою стоял
Дитя Эдема, ангел мирный;
И слезы молча утирал
Своей одеждою сапфирной.
И кудри мягкие как лен
С главы венчанной упали,
И крылья легкие как сон
За белыми плечьями сияли.
И был небесный свод над ним
Украшен радугой цветистой,
И воды с пеной серебристой
С каким-то трепетом живым
К скалам теснились вековым.
Всё было тихо. Взор унылый
На небо поднял ангел милый,
И с непонятною тоской
За душу грешницы молодой
Творцу молился он. И, мнилось,
Природа вместе с ним молилась.
Тогда над синей глубиной
Дух гордости и отверженья
Без цели мчался с быстротой;
Но ни раскаянья, ни мщенья
Не изъяслял суровый лик:
Он побеждать себя привык!
Не для других его мученья!
Он близ могилы промелькнул
И, взор пронзительный кидая,

Посла потерянного рая
Улыбкой горькой упрекнул!..
Демон: IV редакция, 1831
По голубому небу пролетал
Однажды Демон. С злобою немой
Он в беспредельность грустный взор кидал,
И вспоминая перед ним толпой
Теснились. Это небо, где творец
Внимал его хвалам и наконец
Проклятьям, эти звезды.. всё кругом
Прекрасно в блеске вечно-молодом;
Как было в тот святой, великий час,
Когда от мрака отделился свет,
И, ангел радостный, он в первый раз
Взглянул на будущность. И сколько лет,
И сколько тысяч лет с тех пор прошло!
И он уже не тот. Его чело
Померкло... он один, один... один..
Враг счастья и порока властелин.
Изгнанник, для чего тоскуешь ты
О том, что невозвратно? – но пускай!
Не воскресив душевной чистоты,
Ты не найдешь потерянный свой рай!
Напрасно обращен преступный взор
На небеса: их свет – тебе укор.
Будь горд. Старайся мстить, живи, губя.
Но что ж? – и зло не радует тебя?
И часто, очень часто людям он
Завидовал. У них надежда есть
На искупленье, на могильный сон.
Все их несчастья легче перенести
Одной палящей капли адских мук.
И вечность (это слово, этот звук,
Который значит всё) им не страшна.
Нет! вечность для рабов не создана!
Так мыслил Демон. Медленно крылом,
Спускаясь на землю, рассекал
Он воздух. Всё цвело в краю земном.
Весенний день краснея догорал.
Растения и волны, ветерком
Колеблемы, негреющим лучом
Казались зажжены. Туман сырой
Ревниво подымался над землей.
И только крест пустынный, наконец,
Стоящий на горе, едва в дали
Блестел. И гаснет! Звездный свой венец
Надела ночь. В молчании текли
Светила неба в этот мирный час,
Но в их молчаньи есть понятный глас,
О будущем пророчествует он.
Вот встала и луна. Повсюду сон.
Свети! свети, прекрасная луна!
Природа любит шар твой золотой,
В его сияньи нежится она,
Одетая полупрозрачной мглой.
Но человека любишь ты дразнить
Несбыточной мечтой. Как не грустить,
Когда на нас ты льешь свой бледный свет, –
Ты – памятник всего, чего уж нет!

* * *

Я хотел писать эту поэму в стихах: но нет. – В прозе лучше.

Демон: V редакция, 1833–1834

1

Печальный Демон, дух изгнанья,
Блуждал под сводом голубым,
И лучших дней воспоминанья
Чредой теснились перед ним;

Тех дней, когда он не был злым,
Когда глядел на славу бога,
Не отвращаясь от него,
Когда заботы и тревога
Чуждались ума его,
Как дня боится мрак могилы,
И много, много... и всего
Представить не имел он силы.
Уныло жизнь его текла
В пустыне мира – и на вечность
Он пригляделся – но была
Мучительна его беспечность.
Путем, назначенным судьбой,
Он равнодушно подвигался;
Он жег печатью роковой
Всё то, к чему ни прикасался.
Смеясь над злом и над добром,
Стыдясь надежд, стыдясь боязни,
Он с гордым встретил бы челом
Прощенья глас, как слово казни;
Он жил забыт и одинок,
Грозой оторванный листок,
Угрюм и волен, избегая
И свет небес, и ада тьму,
Он жил, не веря ничему
И ничего не признавая.
Как черный саван на земле
Лежала ночь... вились туманы
По гребням гор; на их челе,
Сторожевые великаны,
Гнездились стаи облаков,
И вечно ропщущее море
Гуляло мирно на просторе,
Сверкая пеною валов.
Между прибрежных диких скал
Беглец Эдема пролетал.
Он взор, исполненный презренья,
Вперил на грешный мир земной
И зрит в тумане отдаленья
Верхи обители святой.
У стен ее, прохлады полны,
Однообразно шепчут волны.
Кругом ее густых дерев
Сплелись кудрявые вершины,
И кое-где из их середины,
Стремясь достать до облаков,
Встает, белея, остов длинный
Зубчатой башни, и над ней,
Символ спасения забвенный,
Чернеет ржавый крест, нагбенный
Усиьем бури и дождей.
Меж бедных келий храм огромный.
Едва сквозь длинное окно
Глядит лампы луч нескромный.
Внутри всё спит давным-давно.
Всё вокруг таинственно и темно.
Вот одинока и красна
Встает двурогая луна,
И в усыпленную обитель
Вступает мрачный искуситель.
Вдруг тихий и прекрасный звук,
Подобно звуку лютни, внемлет;
И чей-то голос. Жадный слух
Он напрягает. Хлад объемлет
Чело. Он хочет прочь тотчас:
Его крыло не шевелится,
И – чудо! – из померкших глаз
Слеза свинцовая катится.

Понине возле кельи той,
Насквозь прожженный, виден камень
Слезю жаркою, как пламень,
Нечеловеческой слезой.
Как много значил этот звук!
Века минувших упоений,
Века изгнания и мук,
Века бесплодных размышлений
О настоящем и былом –
Всё разом отразилось в нем.
Проникнул в келью дух смущенный,
Минувя образ позлащенный,
Как будто видя в нем укор,
Со страхом отвращает взор;
В углу из мрамора мадона,
Лампада медная над ней,
На голове ее корона
Из роз душистых и лилей.
У стенки девственное ложе,
Луна, смеясь, в окно глядит,
А у окна... всесильный боже!
Что с ним? – он млеет! он дрожит!
По струнам лютни ударяя,
Пред ним озарена луной
В одежде черной власяной
Была монахиня младая;
Она сидела перед ним
Объята жаром вдохновенья,
Мила как первый херувим,
Как первые звезды творенья.
В больших глазах ее порой
Невнятно говорило что-то
Невыразимую тоской,
Неизъяснимую заботой.
Полураскрытые уста
Живые изливали звуки;
В них было всё: моленья, муки,
Слова надежд, слова разлуки
И детских мыслей простота.
И грудь высоко воздымалась.
И обнаженная рука,
Белей, чем утром облака,
К струнам, как ветер, прикасалась.
Клянусь святыней гробовой,
Лучом заката и востока,
Властитель Персии златой
И ни единый царь земной
Не целовал такого ока!
Гаремов брызжащий фонтан
Ни разу летнею порою
Своей алмазною росой
Не омывал подобный стан...
Ни разу гордый сын порока
Не осквернял руки такой...
Клянусь святыней гробовой,
Лучом заката и востока.
Дух отвержения и зла
Стоял недвижим у порога;
Не смел он приподнять чела,
Страшася в ней увидеть бога!
Увы, в душе его была
Давно забытая тревога!
Он искушать хотел – не мог,
Не находил в себе искусства;
забыть? – забвенья не дал бог;
любить? – недоставало чувства.
И удалиться он спешил
От этой кельи, где впервые

Нарушил клятвы роковые,
Земной святыне уступил.
Но прелесть звуков и виденья
Остались на душе его,
И в памяти сего мгновенья
Уж не изгладит ничего!

2

Скажу ль? сначала думал он,
Хотел во что бы то ни стало
Исторгнуть из груди, как жало,
Мгновенный светлый этот сон.
И, победив свое презренье,
Он замешался меж людей,
Чтоб ядом пагубных речей
Убить в них веру в провиденье..
Но до него, как и при нем,
Уж веры не было ни в ком;
И полон скуки непонятной,
Он скоро кинул мир развратный
И на хребет пустынных гор
Переселился с этих пор.
Там над жемчужным водопадом
Себе пещеру отыскал,
В природу вник глубоким взглядом,
Душою жизнь ее объял.
Как часто на вершине льдистой
Один меж небом и землей
Под кровом радуги огнистой
Сидел он мрачный и немой,
И белогривые метели,
Как львы, у ног его ревели.
Как часто, подымая прах
В борьбе с летучим ураганом,
Одетый молнией и туманом
Он дико мчался в облаках,
Чтобы в толпе стихий мятежной
Сердечный ропот заглушить,
Спасти от думы неизбежной
И незабвенное – забыть!
Но уж не то его тревожит,
Что прежде, тот железный сон
Прошел. Любить он может – может,
И в самом деле любит он!
И хочет в путь опять пускаться,
Чтоб с милой девой повидаться,
Чтоб раз ей в очи поглядеть
И невозвратно улететь.
Востока ясное светило
На небо юное взшло
И моря синее стекло
Лучами утра озарило.
Вот милый берег! вот она,
Обетованная страна..
Вот испещренная цветами
Густой лимонной рощи сень,
Вот пред святыми воротами
Часовня... южный теплый день
Играет яркими лучами
По белым башням и стенам.
Безмолвны мраморные плиты,
От стен ведущие во храм.
Плющом душистым перевиты,
Вокруг него ряды крестов,
Немые сторожи гробов,
Как стадо летом пред грозой,
Пестрея жмутся меж собою..
Страшась надеждам волю дать,
К знакомой келье он подходит,

Кругом нее задумчив бродит.
Жива ль она? одна ль, как знать?
К дверям прильнул он жадным ухом.
Ни струн, ни песен не слышать!
Невольно он смутился духом,
Невольно, как в пещеру змей,
Закралось в ум его сомненье,
И вещей луч грядущих дней
Сверкнул в его воображеньи!
Он в келью светлую проник...
Взошел, взглянул... ужасный крик,
Как бури свист порой ночью,
Раздался в воздухе пустом,
И ярость адскою волною
Как лава разлилась по нем.
Простите, краткие надежды
Любви, блаженства и добра;
Открыл дремавшие он вежды:
И то сказать – давно пора!
Посланник рая, ангел нежный,
В одежде дымной, белоснежной,
Стоял с блистающим челом
Перед монахиней прекрасной
И от врага с улыбкой ясной
Приосенял ее крылом.
Они счастливы, святы оба!
Довольно – ненависть и злоба
Взыграли демонской душой.
Он вышел твердою стопой.
Он вышел – сколько чувств различных,
С давнишних лет ему привычных,
В душе теснятся – сколько дум
Меняет недовольный ум!
Красавице погибнуть надо,
Ее не пощадит он вновь.
Погибнет: прежняя любовь
Не будет для нее оградой!
Свершилось! он опять таков,
Каким явился меж рабов
Великому царю вселенной
В часы той битвы незабвенной,
Где на преступное чело
Проклятье вечное легло.
Он ждет, у стен святых блуждая,
Когда останется одна
Его монахиня младая,
Когда нескромная луна
Взойдет, пустыню озаряя.
Он ожидает час глухой,
Текущий под ночью мглой,
Час тайных встреч и наслаждений
И незаметных преступлений,
Он к ней прокрадется туда,
Под сень обители уснувшей,
И там погубит навсегда
Предмет любви своей минувшей...
Лампада в келье чуть горит.
Лукавый с девою сидит,
И чудный страх ее объемлет.
Она, как смерть, бледнея внемлет.
Монахиня

Забить волнение страстей
Я поклялась давно, ты знаешь;
К чему ж теперь меня смущаешь
Мольбою странною своей?
О, кто ты? – речь твоя опасна!
Чего ты хочешь?

Ты прекрасна!
Монахиня

Кто ты?
Незнакомец

Я демон! – не страшись:
Святыни здешней не нарушу;
И о спасеньи не молись.
Не искушать пришел я душу.
К твоим ногам, томясь в любви,
Несу покорные моления,
Земные первые мученья
И слезы первые мои.
Не отгоняй меня укором,
Не выжимай из груди стон:
Несправедливым приговором
Я на изгнание осужден.
Не зная радости минутной,
Живу над морем и меж гор,
Как перелетный метеор,
Как степи ветер неприютный.
И слишком горд я, чтоб просить
У бога вашего прощенья:
Я полюбил мои мученья
И не могу их разлюбить.
Но ты, ты можешь оживить
Своей любовью непритворной
Мую томительную лень
И жизни скучной и позорной
Непролетающую тень!
Монахиня

К чему мне знать твои печали?
Зачем ты жалуешься мне!
Ты виноват...
Незнакомец

Против тебя ли?
Монахиня

Нас могут слышать.
Незнакомец

Мы одне.
Монахиня

А бог?
Незнакомец

На нас не кинет взгляда,
Он занят небом, не землей.
Монахиня

А наказанье, муки ада?
Незнакомец

Так что ж? ты будешь там со мной.
Мы станем жить любя, страдая,
И ад нам будет стоить рая;
Оставь сомнения свои;
И что такое жизнь святая
Перед минутою любви?
Моя бессменная подруга,
Ты будешь разделять со мной
Века бессмертного досуга

И власть над бедною землей,
Где носит всё печать презренья,
Где меж людей, с давнишних лет,
Ни настоящего мученья,
Ни счастья без обмана нет.
Благословишь ты нашу долю,
Не будешь на меня роптать
И не захочешь грусть и волю
За рабство тихое отдать.
Монахиня

Оставь меня, о дух лукавый,
Оставь... не верю я врагу.
Творец... увы, я не могу
Молиться... тайною отравой
Мой ум слабеющий объят...
Но слушай, ты меня погубишь,
Твои слова огонь и яд,
Скажи, зачем меня ты любишь...
Незнакомец

Зачем, красавица? – увы,
Не знаю... Полон жизнью новой,
С своей преступной головы
Я гордо снял венец терновый.
Я всё бывшее бросил в прах;
Мой рай, мой ад в твоих очах;
Я проклял прежнюю беспечность;
С тобою розно мир и вечность
Пустые звучные слова,
Прекрасный храм – без божества.
Люблю тебя нездешней страстью,
Как полюбить не можешь ты,
Всем упоением, всей властью
Бессмертной мысли и мечты;
Люблю блаженством и страданьем,
Надеждою, воспоминаньем,
Всей роскошью души моей...
О, не страшись... но пожалей!..
Толпу духов моих служебных
Я приведу к твоим стопам,
Прислужниц чудных и волшебных
Тебе, красавица, я дам;
И для тебя с звезды восточной
Сниму венец я золотой,
Возьму с цветов росы полночной,
Его усыплю той росой;
Лучом румяного заката
Твой стан, как лентой, обовью
И яркий перстень из агата
Надену на руку твою.
Всечасно дивною игрою
Твой слух лелеять буду я.
Чертоги светлые построю
Из бирюзы и янтаря...
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
И дам тебе всё, всё земное,
Люби меня!..
□□□□□□□□И он слегка
Прижался страстными устами
К ее пылающим устам;
Тоской, угрозами, слезами
Он отвечал ее мольбам.
Она противиться не смела,
Слабела, таяла, горела
От неизвестного огня,
Как белый воск от взоров дня.

В то время сторож полуночный
Один, вокруг стены крутой,
Когда ударил час урочный,
Бродил с чугунною доской.
Но возле кельи девы юной
Он шаг свой мерный укротил
И руку над доской чугунной,
Смутясь душой, остановил.
И сквозь окрестное молчанье,
Ему казалось, слышал он
Двух уст согласное лобзанье,
Невнятный крик и слабый стон..
И нечестивое сомненье
Проникло в сердце старика.
«То не отшельницы моленье!»
Подумал он, и до замка
Уже коснулся... тихо снова!
Ни слов, ни шума не слышать..
Канун угодника святого
Спешит он в страхе прочитать..
Крестит дрожащими перстами
Мечтой взволнованную грудь
И молча скорыми шагами
Свой прежний продолжает путь.
За час до солнечного восхода,
Еще высокий берег спал,
Вдруг зашумела непогода,
И океан забушевал;
И вместе с бурей и громами,
Как умирающего стон,
Раздался глухо над волнами
Зловещий колокола звон.
Не для молитвы призывали
Святых монахинь в тихий храм,
Не двум счастливым женихам
Свечи дрожащие пылали:
В середине церкви гроб стоял,
Досками черными обитый,
И в том гробу мертвец лежал,
Холодным саваном увитый.
Зачем не слышен плач родных
И не видать во храме их?
И кто мертвец? Едва приметный
Остаток прежней красоты
Являют бледные черты;
Уста закрытые бесцветны,
И в сердце пылкой страсти яд
Сии глаза не поселят,
Хотя еще весьма недавно
Владели пылкою душой,
Неизъяснимой, своенравной,
В борьбе безумной и неравной
Не знавшей власти над собой.
И нет тебя, младая дева!..
Как злак потопленных полей,
Добыча ревности и гнева,
Ты вдруг увяла в цвете дней!..
Напрасно будет солнце юга
Играть приветно над тобой,
Напрасно будет дождь и вьюга
Реветь над плитой гробовой.
Лобзанье юноши живое
Твои уста не разомкнет;
Земля взяла свое земное,
Она назад не отдает.

3

С тех пор промчалось много лет,
Пустела древняя обитель,

И время, вечный разрушитель,
Смывало постепенно след
Высоких стен; и храм священный,
Добыча бури и дождей,
Стал молчалив, как мавзолей,
Умерших памятник надменный.
Из двери в дверь во мгле ночей
Блуждает ветер освобожденный.
Внутри, на ликах расписных
И на окладах золотых,
Большой паук, отшельник новый,
Кладет сетей своих основы.
Не раз, сбежав со скал крутых,
Сайгак иль серна, дочь свободы,
Приют от зимней непогоды
Искала в кельях. И порой
Забывшей утвари паденье
Среди развалины глухой
Их приводило в изумленье.
Но в наше время ничему
Нельзя нарушить тишину:
Что может падать, то упало,
Что мрет, то умерло давно,
Что живо, то бессмертно стало,
Но время вживе удержало
Воспоминание одно.
И море пенится и злится
И сильно плещет и шумит,
Когда волнами устремится
Обнять береговой гранит.
Он вдался в море одиноко,
Над ним чернеет крест высокой.
Всегда скалой отражена,
Покрыта пылью белоснежной,
Теснится у волны волна,
И слышен ропот их мятежный,
И удаляются толпой,
Другим предоставляя бой.
Над тем крестом, над той скалою,
Однажды утренней порою
С глубокой думою стоял
Дитя Эдема, ангел мирный,
И слезы молча утирал
Своей одеждою сапфирной,
И кудри мягкие как лен
С главы венчанной упали,
И крылья легкие как сон
За белыми плечьями сияли.
И был небесный свод над ним
Украшен радугой цветистой,
И волны с пеною сребристой
С каким-то трепетом живым
К скалам теснились вековым.
Всё было тихо. Взор унылый
На небо поднял ангел милый,
И с непонятною тоской
За душу грешницы молодой
Творцу молился он, и, мнилось,
Природа вместе с ним молилась.
Тогда над синей глубиной
Дух отверженья и порока
Без цели мчался с быстротой
Новорожденного потока.
Страданий мрачная семья
В чертах недвижимых таилась;
По следу крыл его тащилась
Багровой молнии струя.
Когда ж он пред собой увидел

Всё, что любил и ненавидел,
То шумно мимо промелькнуло
И, взор пронзительный кидая,
Посла потерянного рая
Улыбкой горькой упрекнуло.
Демон: VI редакция, 1838
Часть I-я
Печальный Демон, дух изгнания,
Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснились толпой;
Тех дней, когда в жилище света
Блистал он, чистый херувим;
Когда бегущая комета
Улыбкой ласковой привета
Любила поменяться с ним;
Когда сквозь вечные туманы,
Познания жадный, он следил
Кочующие караваны
В пространстве брошенных светил;
Когда он верил и любил,
Счастливый первенец творенья!
Не знал ни страха, ни сомненья,
И не грозил душе его
Веков бесплодных ряд унылый;
И много, много – и всего
Припомнить не имел он силы!
С тех пор отверженный блуждал
В пустыне мира без приюта.
Вослед за веком век бежал,
Как за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Он сеял зло без наслажденья.
Нигде искусству своему
Он не встречал сопротивленья –
И зло наскучило ему!
И над вершинами Кавказа
Изгнанник рая пролетал:
Под ним Казбек, как грань алмаза,
Снегами вечными сиял;
И, глубоко внизу чернея,
Как трещина, жилище змея,
Вился излучистый Дарьял;
И Терек, прыгая, как львица
С косматой гривой на хребте,
Ревел – и хищный зверь, и птица,
Кружась в лазурной высоте,
Глаголу вод его внимали;
И(золотые облака
Из южных стран, издалека
Его на север провожали;
И скалы тесною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Над ним склонялись головой,
Следя мелькающие волны;
И башни замков на скалах
Смотрели грозно сквозь туманы –
У врат Кавказа на часах
Сторожевые великаны!
И дик, и чуден был вокруг
Весь божий мир; но гордый дух
Презрительным окинул оком
Творенье бога своего,
И на челе его высоком
Не отразилось ничего.
И перед ним иной картины
Красы живые расцвели;

Роскошной Грузии долины
Ковром раскинулись вдали.
Счастливым, пышный край земли!
Столпообразные раины,
Звонко-бегущие ручьи
По дну из камней разноцветных,
И кущи роз, где соловьи
Поют красавиц, безответных
На сладкий голос их любви;
Чинар развесистые сени,
Густым венчанные плющом;
Ущелья, где палящим днем
Таятся робкие олени;
И блеск и жизнь и шум листов,
Стозвучный говор голосов,
Дыханье тысячи растений;
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлажненные ночи;
И звезды яркие, как очи,
Как взор грузинки молодой!
Но, кроме зависти холодной,
Природы блеск не возбудил
В груди изгнанника бесплодной
Ни новых чувств, ни новых сил:
И всё, что пред собой он видел,
Он презирал иль ненавидел.
Высокий дом, широкий двор
Седой Гудал себе построил;
Трудов и слез он много стоил
Рабам, послушным с давних пор.
С утра на скат соседних гор
От стен его ложатся тени;
В скале нарублены ступени,
Они от башни угловой
Ведут к реке; по ним мелькая,
Покрыта белою чадрой, [18]
Княжна Тамара молодая
К Арагве ходит за водой.
Всегда безмолвно на долины
Глядел с утеса мрачный дом:
Но пир большой сегодня в нем,
Звучит зурна, [19] и льются вины!
Гудал сосватал дочь свою,
На пир он созвал всю семью.
На кровле, устланной коврами,
Сидит невеста меж подруг.
Средь игр и песен их досуг
Проходит; дальними горами
Уж спрятан солнца полукруг.
И вот Тамара молодая
Берет свой бубен расписной;
В ладони мерно ударяя,
Запели все, – одной рукой
Кружа его над головой,
Увлечена летучей пляской,
Она забыла мир земной;
Ее узорною повязкой
Играет ветер; как волна,
Нескромной думою полна,
Грудь подымается высоко;
Уста бледнеют и дрожат,
И жадной страсти полон взгляд,
Как страсть палящий и глубокой!
Клянусь полночною звездой,
Лучом заката и востока,
Властитель Персии златой
И ни единый царь земной

Не целовал такого ока!
Гарема брызжащий фонтан
Ни разу жаркою порою
Своей алмазною росой
Не омывал подобный стан!
Еще ничья рука земная,
По милому челу блуждая,
Таких волос не расплела;
С тех пор, как мир лишен был рая,
Клянусь, красавица такая
Под солнцем юга не цвела!..
В последний раз она плясала.
Увы! завтра ожидала
Ее, наследницу Гудала,
Свободы резвую дитя,
Судьба печальная рабыни,
Отчизна, чуждая поныне,
И незнакомая семья.
И часто грустное сомненье
Темнило светлые черты;
Но были все ее движенья
Так стройны, полны выраженья,
Так полны чудной простоты,
Что если б враг небес и рая
В то время на нее взглянул,
То, прежних братьев вспоминая,
Он отвернулся б и вздохнул.
И демон видел... На мгновенье
Неизъяснимое волненье
В себе почувствовал он вдруг;
Немой души его пустыню
Наполнил благодатный звук;
И вновь постигнул он святыню
Любви, добра и красоты!
И долго сладостной картиной
Он любовался; и мечты
О прошлом счастья цепью длинной,
Как будто за звездой звезда,
Пред ним катились тогда.
Прикованный незримой силой,
Он с новой думой стал знаком,
В нем чувство вдруг заговорило
Родным, понятным языком.
То был ли признак возрожденья?..
Он подойти хотел – не мог!
Забывать? – Забвенья не дал бог –
Да он и не взял бы забвенья!
На брачный пир к закату дня,
Измучив доброго коня,
Спешил жених нетерпеливый;
Арагвы светлой он счастливо
Достиг зеленых берегов.
Под тяжелой ношею даров
Едва, едва переступая,
За ним верблюдов длинный ряд
Дорогой тянется, мелькая:
Их колокольчики звонят.
Он сам, властитель Синодала,
Ведет богатый караван;
Ремнем затянут стройный стан,
Оправа сабли и кинжала
Блестит на солнце; за спиной
Ружье с насечкой вырезной.
Играет ветер рукавами
Его чухи, [20] – кругом она
Вся галуном обведена.
Цветными вышито шелками
Его седло, узда с кистями.

Под ним весь в мыле конь лихой
Бесценной масти золотой;
Питомец резвый Карабаха
Прядет ушами и, полный страха,
Храпя косится с крутизны
На пену скачущей волны.
Опасен, узок путь прибрежный:
Утесы с левой стороны,
Направо глубь реки мятежной.
Уж поздно. На вершине снежной
Румянец гаснет; встал туман;
Прибавил шагу караван.
И вот часовня на дороге...
Тут с давних лет почивает в боге
Какой-то князь, теперь святой,
Убитый мстительной рукой.
С тех пор на праздник иль на битву,
Куда бы путник ни спешил,
Всегда усердную молитву
Он у часовни приносил,
И та молитва сберегала
От мусульманского кинжала;
Но презрел молодой жених
Обычай прадедов своих;
Его коварною мечтою
Лукавый Демон возмущал;
Он, в мыслях, под ночью тьмою
Уста невесты целовал!
Вдруг впереди мелькнули двое,
И больше – выстрел! Что такое?
Привстав на звонких стременах,
Надвинув на брови папах, [21]
Отважный князь не молвил слова;
В руке сверкнул турецкий ствол,
Нагайка щелк! и как орел
Он кинулся... и выстрел снова!
И дикий крик, и стон глухой
Промчался в тишине долины!
Недолго продолжался бой,
Бежали робкие грузины.
И стихло всё. Теснясь толпой,
Верблюды с ужасом смотрели
На трупы всадников: порой
Их колокольчики звенели.
Разграблен пышный караван,
И над телами христиан
Чертит круги ночная птица.
Не ждет их мирная гробница
Под слоем монастырских плит,
Где прах отцов их был зарыт.
Не придут сестры с матерями,
Покрыты белыми чадрами,
С тоской, рыданьем и мольбами
На гроб их из далеких мест!
Зато усердною рукою
Здесь у дороги над скалою
На память водрузится крест,
И плющ, разросшийся весною,
Его, ласкаясь, обовьет
Своею сеткой изумрудной;
И, своротив с дороги трудной,
Порой усталый пешеход
Под божьей тенью отдохнет.
Несется конь быстрее лани,
Храпит и рвется будто к брани,
То вдруг осадит на скаку,
Прислушается к ветерку,
Широко ноздри раздувая,

То, разом в землю ударя
Шипами звонкими копыт,
Взмахнув растрепанною гривой,
Вперед без памяти летит.
На нем есть всадник молчаливый:
Он бьется на седле порой,
Припав на гриву головой.
Уж он не правит поводами,
Задвинул ноги в стремяна,
И кровь широкими струями
На чепраке его видна.
Скакун надежный господина
Из боя вынес как стрела,
Но злая пуля осетина
Его во мраке догнала.
В семье Гудала плач и стоны,
Толпится на дворе народ:
Чей конь примчался запаленный?
Кто бледный всадник у ворот?
Недолго жениха младого,
Невеста, взор твой ожидал.
Сдержал он княжеское слово,
На брачный пир он прискакал;
Увы! Но никогда уж снова
Не сядет на коня лихого.
На беззаботную семью,
Как гром, слетела божья кара!
Упала на постель свою,
Рыдает бедная Тамара;
Слеза катится за слезой,
Грудь высоко и трудно дышит;
И вот она как будто слышит
Волшебный голос над собой:
«Не плачь, дитя! не плачь напрасно!
Твоя слеза на труп безгласный
Живой росой не упадет;
Она лишь взор туманит ясный,
Ланиты девственные жжет.
Он далеко; он не узнает,
Не оценит тоски твоей;
Небесный свет теперь ласкает
Бесплотный взор его очей;
Он слышит райские напевы...
Что жизни мелочные сны
И стон и слезы бедной девы
Для гостя райской стороны?
Нет, жребий смертного творенья,
Поверь мне, ангел мой земной,
Не стоит одного мгновенья
Твоей печали дорогой.
«На воздушном океане,
Без руля и без ветрил,
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил;
Средь полей необозримых
В небе ходят без следа
Облаков неуловимых
Волокнистые стада;
Час разлуки, час свиданья –
Им ни радость, ни печаль;
Им в грядущем нет желанья
И прошедшего не жаль.
В день томительный несчастья
Ты об них лишь вспомяни;
Будь к земному без участия
И беспечна, как они.
«Лишь только ночь своим покровом
Долины ваши осенит,

Лишь только мир, волшебным словом
Завороженный, замолчит,
Лишь только ветер над скалою
Увядшей шевельнет травую,
И птичка, спрятанная в ней,
Порхнет во мраке веселей,
И под лозою виноградной,
Росу небес глотая жадно,
Цветок распустится ночной,
Лишь только месяц золотой
Из-за горы тихонько встанет
И на тебя украдкой взглянет,
К тебе я стану прилетать!
Гостить я буду до денницы
И на шелковые ресницы
Сны золотые навевать...»
Слова умолкли. В отдаленье
Вослед за звуком умер звук.
Она, вскочив, глядит вокруг;
Невыразимое смятенье
В ее груди: печаль, испуг,
Восторга пыл – ничто в сравненье!
Все чувства в ней кипели вдруг,
Душа рвала свои оковы,
Огонь по жилам пробегал,
И этот голос чудно-новый,
Ей мнилось, всё еще звучал.
И перед утром сон желанный
Глаза усталые смежил,
Но мысль ее он возмутил
Мечтой пророческой и странной.
Пришлец туманный и немой,
Красой блистая неземной,
К ее склонился изголовью;
И взор его с такой любовью,
Так грустно на нее смотрел,
Как будто он об ней жалел.
То не был ангел небожитель,
Ее божественный хранитель:
Венец из радужных лучей
Не украшал его кудрей.
То не был ада дух ужасный,
Порочный мученик – о нет!
Он был похож на вечер ясный –
Ни день, ни ночь, – ни мрак, ни свет!
Часть II-я
«Отец, отец! оставь угрозы,
Свою Тамару не брани;
Я плачу, – видишь эти слезы, –
Уже не первые они!
Не буду я ничьей женою,
Скажи моим ты женихам;
Супруг мой взят сырой землею,
Другому сердца не отдам.
С тех пор как труп его кровавый
Мы схоронили под горой,
Меня тревожит дух лукавый
Неотразимую мечтой.
В тиши ночной меня тревожит
Толпа печальных, странных снов;
Молиться днем душа не может:
Мысль далеко от звука слов!
Огонь по жилам пробегает,
Я сохну, вяну день от дня.
Отец! душа моя страдает,
Отец мой, пощади меня!
Отдай в священную обитель
Дочь безрассудную свою,

Там защитит меня Спаситель,
Пред ним тоску мою пролью;
На свете нет уж мне веселья...
Святыни миром осеня,
Пусть примет сумрачная келья
Как гроб заранее меня».
И в монастырь уединенный
Ее родные отвезли,
И власяницу смиренной
Грудь молодую облекли.
Но и в монашеской одежде,
Как под узорною парчой,
Всё беззаконною мечтой
В ней сердце билось, как прежде.
Пред алтарем, при блеске свеч,
В часы божественного пенья,
Знакомая среди моленья
Ей часто слышалась речь;
Под сводом сумрачного храма
Знакомый образ иногда
Скользил без звука и следа
В тумане легком фимиама:
Он так смотрел! он так манил!
Он, мнилось, так несчастлив был!
В прохладе меж двумя холмами
Таился монастырь святой:
Чинар и тополей рядами
Он окружен был, и порой,
Когда ложилась ночь в ущельи,
Сквозь них мерцала в окнах кельи
Лампада грешницы молодой.
Кругом, в тени дерев миндальных,
Где ряд стоит крестов печальных,
Безмолвных сторожей гробниц,
Спевались хоры легких птиц.
По камням прыгали, шумели
Ключи студеною волной
И, под нависшею скалой
Сливаясь дружески в ущельи,
Катились дале меж кустов,
Покрытых инеем цветов.
На север видны были горы.
При блеске утренней Авроры,
Когда синеющий дымок
Курится в глубине долины
И, обращаясь на восток,
Зовут к молитве муэцины,
И звучный колокола глас
Дрожит, обитель пробуждая;
В торжественный и мирный час,
Когда грузинка молодая
С кувшином длинным за водой
С горы спускается крутой,
Вершины цепи снеговой
Светлолиловую стеной
На чистом небе рисовались;
А в час заката одевались
Они румяной пеленой.
И между них, прорезав тучи,
Стоял, всех выше головой,
Казбек, Кавказа царь могучий,
В чалме и ризе парчевой.
Но Демон огненным дыханьем
Тамары душу запятнал,
И божий мир своим блистаньем
Восторга в ней не пробуждал.
Страсть безотчетная как тенью
Жизнь осенила перед ней;

И стало всё предлог мученью,
И утра луч и мрак ночей.
Бывало только ночи сонной
Прохлада землю обоймет,
Перед божественной иконой
Она в безумьи упадет
И плачет, и в ночном молчаньи
Ее тяжелое рыданье
Тревожит путника вниманье,
Сквозь шум далекого ручья
И трель живую соловья.
Бывало разбросав на плечи
Волну кудрей своих, она
Стоит без мысли, холодна, –
И странные лепечут речи
Ее дрожащие уста;
И грудь желание волнует,
И чудный призрак всё рисует
Пред нею в сумраке мечта.
Утомлена борьбой всегдашней
Склонится ли на ложе сна –
Подушка жжет, ей душно, страшно,
И вся, вскочив, дрожит она.

. . .

Вечерней мглы покров воздушный
Уж холмы Грузии одел;
Привычке сладостной послушный,
В обитель Демон прилетел;
Но долго, долго он не смел
Святыню мирного приюта
Нарушить. И была минута,
Когда казался он готов
Оставить умысел жестокой.
Задумчив у стены высокой
Он бродит. От его шагов
Без ветра лист в тени трепещет.
Он поднял взор: ее окно
Озарено лампадой блещет:
Кого-то ждет она давно!
И вот среди общего молчанья
Чингуры[22] стройное бряцанье
И звуки песни раздались.
И звуки те лились, лились,
Как слезы, мерно друг за другом;
И эта песнь была нежна,
Как будто для земли она
Была на небе сложена.
Не ангел ли с забытым другом
Вновь повидаться захотел,
Сюда украдкою слетел
И о былом ему пропел,
Чтоб усладить его мученье?..
Тоску любви, ее волненье
Постигнул Демон в первый раз.
Он хочет в страхе удалиться –
Его крыло не шевелится!
И чудо! Из померкших глаз
Слеза тяжелая катится..
Поныне возле кельи той
Насквозь прожженный виден камень
Слезой жаркою, как пламень,
Нечеловеческой слезой.
И входит он, любить готовый,
С душой, открытой для добра;
И мыслит он, что жизни новой
Пришла желанная пора.
Неясный трепет ожиданья,

Страх неизвестности немой,
Как будто в первое свиданье
Спознались с гордою душой.
То было злое предвещанье!
Он входит, смотрит – перед ним
Посланник рая, херувим,
Хранитель грешницы прекрасной,
Стоит с блистающим челом
И от врага с улыбкой ясной
Приосенил ее крылом.
И луч божественного света
Вдруг ослепил нечистый взор,
И вместо сладкого привета
Раздался тягостный укор.
«Дух беспокойный, дух порочный,
Кто звал тебя во тьме полночной?
Твоих поклонников здесь нет.
Зло не дышало здесь поныне;
К моей любви, к моей святыне
Не пролагай преступный след.
Кто звал тебя?»

Ему в ответ

Злой дух коварно усмехнулся,
Зарделся ревностию взгляд,
И вновь в душе его проснулся
Старинной ненависти яд.
«Она моя, – сказал он грозно, –
Оставь ее, она моя;
Отныне жить нельзя нам розно,
И ей, как мне, ты не судья.
На сердце, полное гордыни,
Я наложил печать мою;
Здесь больше нет твоей святыни,
Здесь я владею и люблю!..»
И ангел грустными глазами
На жертву бедную взглянул
И медленно, взмахнув крылами,
В эфире неба потонул.

Тамара

О! кто ты? речь твоя опасна!
Тебя послал мне ад иль рай?
Чего ты хочешь?
Демон

Ты прекрасна.
Тамара

Но молви! кто ж ты? Отвечай..
Демон

Я тот, которому внимала
Ты в полуночной тишине,
Чья мысль душе твоей шептала,
Чью грусть ты смутно отгадала,
Чей образ видела во сне.
Я тот, чей взор надежду губит,
Едва надежда расцветет,
Я тот, кого никто не любит
И всё живущее клянет;
Ничто пространство мне и годы,
Я бич рабов моих земных,
Я враг небес, я зло природы, –
И, видишь, я у ног твоих.
Тебе принес я в умиление
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье

И слезы первые мои;
О, выслушай, из сожаленья!
Меня добру и небесам
Ты возратить могла бы словом.
Твоей любви святым покровом
Одетый, я предстал бы там,
Как новый ангел в блеске новом;
О! только выслушай, молю;
Я раб твой, я тебя люблю!
Когда я в первый раз увидел
Твой чудный, твой волшебный взор,
Я тайно вдруг возненавидел
Мою свободу, как позор.
Своею властью недовольный,
Я позавидовал неволью
Неполным радостям людей;
В бескровном сердце луч нежданный
Опять затеплился живей,
И грусть на дне старинной раны
Вдруг шевельнулась, как змей.
Что без тебя теперь мне вечность,
Моих владений бесконечность?
Пустые, звучные слова;
Обширный храм – без божества!
Тамара

Оставь меня, о дух лукавый!
Молчи, не верю я врагу!
Творец – увы! я не могу
Молиться; тайною отравой
Мой ум слабеющий объят.
Послушай, ты меня погубишь!
Твои слова – огонь и яд...
Скажи, зачем меня ты любишь?
Демон

Зачем, красавица? Увы,
Не знаю. Полон жизни новой,
С моей преступной головы
Я гордо снял венец терновый,
Я всё бывшее бросил в прах:
Мой рай, мой ад в твоих очах.
Люблю тебя нездешней страстью,
Как полюбить не можешь ты:
Всем упоением, всей властью
Бессмертной мысли и мечты!
В душе моей с начала мира
Твой образ был напечатлён;
Передо мной носился он
В пустынях вечного эфира.
Давно, тревожа мысль мою,
Мне имя сладкое звучало –
Во дни блаженства мне в раю
Одной тебя недоставало!
О! Если б ты могла понять,
Какое горькое томленье
Всю жизнь, века, без разделенья
И наслаждаться и страдать,
За зло похвал не ожидать
Ни за добро вознагражденья!
Жить для себя, скучать собой,
И этой долгою борьбой
Без торжества, без примиренья;
Всегда жалеть – и не желать;
Всё знать, всё чувствовать, всё видеть;
Стараться всё возненавидеть –
И всё на свете презирать!
Лишь только божие проклятье

Исполнилось, с того же дня
Природы жаркие объятья
Навек остыли для меня;
Синело предо мной пространство,
Я видел брачное убранство
Светил, знакомых мне давно:
Они текли в венцах из злата!
Но что же? прежнего собрата
Не узнавало ни одно.
Изгнанников, себе подобных,
Я звать в отчаянии стал,
Но слов и лиц и взоров злобных,
Увы, я сам не узнавал.
И в страхе я, взмахнув крылами,
Помчался – но куда? зачем?
Не знаю – прежними друзьями
Я был отвергнут; как Эдем,
Мир для меня стал глух и нем:
По вольной прихоти теченья
Так поврежденная ладья
Без парусов и без руля
Плывет, не зная назначенья;
Так ранней утренней порой
Отрывок тучи громовой,
В лазурной вышине чернея,
Один, нигде пристать не смея,
Летит без цели и следа,
Бог весть откуда и куда!
Как часто на вершине льдистой,
Один меж небом и землей,
Под кровом радуги огнистой
Сидел я мрачный и немой,
И белогривые метели
Как львы у ног моих ревели;
Как часто, подымая прах,
В борьбе с могучим ураганом,
Одетый молнией и туманом,
Я шумно мчался в облаках,
Чтобы в толпе стихий мятежной
Сердечный ропот заглушить,
Спасти от думы неизбежной
И незабвенное забыть!
Что повесть тягостных лишений,
Трудов и бед толпы людской,
Грядущих, прошлых поколений,
Перед минутою одной
Моих непризнанных мучений?
Что люди? что их жизнь и труд?
Они прошли, они пройдут –
Надежда есть, – ждет правый суд:
Простить он может, хоть осудит!
Моя ж печаль бессменно тут,
И ей конца, как мне, не будет;
И не вздремнуть в могиле ей!
Она то ластится, как змей,
То жжет и плещет, будто пламень,
То давит мысль мою, как камень, –
Мечтаний прежних и страстей
Несокрушимый мавзолей!
Тамара

Зачем мне знать твои печали?
Зачем ты жалуешься мне?
Ты согрешил...
Демон

Против тебя ли?
Тамара

Нас могут слышать!..
Демон

Мы одне.
Тамара

А бог?
Демон

На нас не кинет взгляда;
Он занят небом – не землей!
Тамара

А наказанье – муки ада?
Демон

Так что ж? ты будешь там со мной.
Мы, дети вольные эфира,
Тебя возьмем в свои края;
И будешь ты царицей мира,
Подруга вечная моя.
Без сожаленья, без участия
Смотреть на землю станешь ты,
Где нет ни истинного счастья,
Ни долговечной красоты;
Где преступленья лишь да казни,
Где страсти мелкой только жить,
Где не умеют без боязни
Ни ненавидеть, ни любить.
Иль ты не знаешь, что такое
Людей минутная любовь?
Волненье крови молодое, –
Но дни бегут и стынет кровь.
Кто устоит против разлуки,
Соблазна новой красоты,
Против усталости и скуки
И своенравия мечты?
И пусть другие б утешались
Ничтожным жребием своим:
Их думы неба не касались,
Мир лучший недоступен им.
Но ты, прекрасное созданье,
Не в жертву им обречена;
Тебя иное ждет страданье,
Иных восторгов глубина.
Оставь же прежние желанья
И жалкий свет его судьбе;
Пучину гордого познания
Взамен открою я тебе.
О! верь мне! Я один поныне
Тебя постиг и оценил:
Избрав тебя моей святыней,
Я власть у ног твоих сложил.
Твоей любви я жду, как дара,
И вечность дам тебе за миг:
В любви, как в злобе, верь, Тамара,
Я неизменен и велик!
Толпу духов моих служебных
Я приведу к твоим стопам,
Прислужниц легких и волшебных
Тебе, красавица, я дам;
И для тебя с звезды восточной
Сорву венец я золотой;
Возьму с цветов росы полночной,
Его усыплю той росой.
Лучом румяного заката
Твой стан, как лентой, обовью,

Дыханьем чистым аромата
Окрестный воздух напою.
Всечасно дивною игрою
Твой слух лелеять буду я;
Чертоги пышные построю
Из бирюзы и янтаря.
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
Я дам тебе всё, всё земное –
Люби меня!

И он слегка
Коснулся жаркими устами
Ее трепещущим губам,
И лести сладкими речами
Он отвечал ее мольбам.
Могучий взор смотрел ей в очи;
Он жег ее; во мраке ночи
Над нею прямо он сверкал,
Неотразимый, как кинжал.
Увы! злой дух торжествовал...
Смертельный яд его лобзанья
Мгновенно кровь ее проник;
Мучительный, но слабый крик
Ночное возмутил молчанье.
В нем было всё: любовь, страданье,
Упрек с последнею мольбой
И безнадежное прощанье –
Прощанье с жизнью молодой! . .
В то время сторож полуночный
Один вокруг стены крутой,
Когда ударил час урочный,
Бродил с чугуною доской;
И под окошком девы юной
Он шаг свой мерный укротил
И руку над доской чугуновой,
Смутясь душой, остановил;
И сквозь окрестное молчанье,
Ему казалось, слышал он
Двух уст согласное лобзанье,
Чуть внятный крик и слабый стон.
И нечестивое сомненье
Проникло в сердце старика;
Но пронеслось еще мгновенье,
И смолкло всё. Издалека
Лишь дуновенье ветерка
Роптанье листьев приносило,
Да с темным берегом уныло
Шепталась горная река.
Канон угодника святого
Спешит он в страхе прочитать,
Чтоб наважденье духа злого
От грешной мысли отогнать;
Крестит дрожащими перстами
Мечтой взволнованную грудь
И молча скорыми шагами
Обычный продолжает путь.

. . .
Как пери спящая мила,
Она в гробу своем лежала.
Белей и чище покрывала
Был томный цвет ее чела.
Навек опущены ресницы –
Но кто б взглянувши не сказал,
Что взор под ними лишь дремал
И, чудный, только ожидал
Иль поцелуя иль денницы?
Но бесполезно луч дневной
Скользил по ним струей златой,

Напрасно их в немой печали
Уста родные целовали –
Нет, смерти вечную печать
Ничто не в силах уж сорвать!
И всё, где пылкой жизни сила
Так внятно чувствам говорила,
Теперь один ничтожный прах;
Улыбка странная застыла
Едва мелькнувши на устах;
Но темен, как сама могила,
Печальный смысл улыбки той:
Что в ней? Насмешка ль над судьбой,
Непобедимое ль сомненье?
Иль к жизни хладное презренье?
Иль с небом гордая вражда?
Как знать? для света навсегда
Утрачено ее значенье!
Она невольно манит взор,
Как древней надписи узор,
Где, может быть, под буквой странной
Таится повесть прежних лет,
Символ премудрости туманной,
Глубоких дум забытый след.
И долго бедной жертвы тленья
Не трогал ангел разрушенья;
И были все ее черты
Исполнены той красоты,
Как мрамор, чуждой выраженья,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной, как смерть сама!
Ни разу не был в дни веселья
Так разноцветен и богат
Тамары праздничный наряд:
Цветы родимого ущелья
(Так древний требует обряд)
Над нею льют свой аромат
И сжаты мертвою рукою
Как бы прощаются с землею..
Уж собрались в печальный путь
Друзья, соседи и родные.
Терзая локоны седые,
Безмолвно поражая грудь,
В последний раз Гудал садится
На белогривого коня –
И поезд двинулся. Три дня,
Три ночи путь их будет длиться:
Меж старых дедовских костей
Приют покойный вырыт ей.
Один из праотцев Гудала,
Грабитель путников и сёл,
Когда болезнь его сковала
И час раскаянья пришел,
Грехов минувших в искупленье
Построить церковь обещал
На высоте гранитных скал,
Где только вьюги слышно пенье,
Куда лишь коршун залетал.
И скоро меж снегов Казбека
Поднялся одинокий храм,
И кости злого человека
Вновь успокоились там.
И превратилась в кладбище
Скала, родная облакам,
Как будто ближе к небесам
Теплей последнее жилище!
Едва на жесткую постель
Тамару с пеньем опустили,
Вдруг тучи гору обложили,

И разыгралася метель;
И громче хищного шакала
Она завывала в небесах
И белым прахом заметала
Недавно вверенный ей прах.
И только за скалой соседней
Утих моленья звук последний,
Последний шум людских шагов,
Сквозь дымку серых облаков
Спустился ангел легкокрылый
И над покинутой могилой
Приник с усердною мольбой
За душу грешницы молодой.
И в то же время царь порока
Туда примчался с быстротой
В снегах рожденного потока.
Страданий мрачная семья
В чертах недвижимых таилась;
По следу крыл его тащилась
Багровой молнии струя.
Когда ж он пред собой увидел
Всё, что любил и ненавидел,
То шумно мимо промелькнул
И, взор пронзительный кидая,
Посла потерянного рая
Улыбкой горькой упрекнул...

* * *

На склоне каменной горы
Над Койшаурскою долиной
Еще стоят до сей поры
Зубцы развалины старинной.
Рассказов, страшных для детей,
О них еще преданья полны..
Как призрак, памятник безмолвный,
Свидетель тех волшебных дней,
Между деревьями чернеет.
Внизу рассыпался аул,
Земля цветет и зеленеет,
И голосов нестройный гул
Теряется; и караваны
Идут гремя издалека,
И, низвергаясь сквозь туманы,
Блестит и пенится река;
И жизнью вечно молодою,
Прохладой, солнцем и весною
Природа тешится шутя,
Как беззаботное дитя.
Но грустен замок, отслуживший
Когда-то в очередь свою,
Как бедный старец, переживший
Друзей и милую семью.
И только ждут луны восхода
Его незримые жильцы;
Тогда им праздник и свобода!
Жужжат, бегут во все концы:
Седой паук, отшельник новый,
Прядет сетей своих основы;
Зеленых ящериц семья
На кровле весело играет,
И осторожная змея
Из темной щели выползает
На плиту старого крыльца;
То вдруг сошьется в три кольца,
То ляжет длинной полосой
И блещет, как булатный меч,
Забытый в поле грозных сеч,
Ненужный падшему герою..
Всё дико. Нет нигде следов

Минувших лет: рука веков
Прилежно, долго их сметала...
И не напомним ничего
О славном имени Гудала,
О милой дочери его!
И там, где кости их истлели,
На рубеже зубчатых льдов,
Гуляют ныне лишь метели
Да стаи вольных облаков;
Скала угрюмого Казбека
Добычу жадно сторожит,
И вечный ропот человека
Их вечный мир не возмутит.

Посвящение
Я кончил – и в груди невольное сомненье!
Займет ли вновь тебя давно знакомый звук,
Стихов неведомых задумчивое пенье,
Тебя, забывчивый, но незабвенный друг?
Пробудится ль в тебе о прошлом сожаленье?
Иль, быстро пробежав докучную тетрадь,
Ты только мертвого, пустого одобренья
Наложить на нее холодную печать;
И не узнаешь здесь простого выраженья
Тоски, мой бедный ум томившей столько лет;
И примешь за игру иль сон воображенья
Больной души тяжелый бред...

Приложение II. Монго
Монго*

Садится солнце за горой,
Туман дымится над болотом,
И вот дорогой столбовой
Летят, склонившись над лукой,
Два всадника лихим полетом.
Один – высок и худощав,
Кобылу серую собрав,
То горячит нетерпеливо,
То сдержит вдруг одной рукой.
Мал и широк в плечах другой.
Храпя мотает длинной гривой
Под ним саврасый скакунок,
Степей башкирских сын счастливый.
Устали всадники. До ног
От головы покрыты прахом.
Коней приезженных размахом
Они любят порой
И речь ведут между собой.
– Монго, послушай – тут направо!
Осталось только три версты.
– Постой! уж эти мне мосты!
Дрожат и смотрят так лукаво.
– Вперед, Маёшка! только нас
Измучит это приключенье,
Ведь завтра в шесть часов ученье!
– Нет, в семь! я сам читал приказ!
Но прежде нужно вам, читатель,
Героев показать портрет:
Монго – повеса и корнет,
Актрис коварных обожатель,
Был молод сердцем и душой,
Беспечно женским ласкам верил
И на аршин предлинный свой
Людскую честь и совесть мерил.
Породы английской он был –
Флегматик с бурыми усами,
Собак и портер он любил,
Не занимался он чинами,
Ходил немывтый целый день,
Носил фуражку на-бекрень;

Имел он гадкую посадку:
Неловко гнулся наперед
И не тянул ноги он в пятку,
Как должен каждый патриот.
Но если, милый, вы езжали
Смотреть российский наш балет,
То верно в креслах замечали
Его внимательный лорнет.
Одна из дев ему сначала
Дней девять сряду отвечала,
В десятый день он был забыт, –
С толпою смешан волокит.
Все жесты, вздохи, объясненья
Не помогали ничего...
И зародился пламень мщенья
В душе озлобленной его.
Маёшка был таких же правил:
Он лень в закон себе поставил,
Домой с дежурства уезжал,
Хотя и дома был без дела;
Порою рассуждал он смело,
Но чаще он не рассуждал.
Разгульной жизни отпечаток
Иные замечали в нем;
Печалей будущих задаток
Хранил он в сердце молодом;
Его покоя не смущало, –
Что не касалось до него;
Насмешек гибельное жало
Броню железную встречало
Над самолюбием его.
Слова он весил осторожно
И опрометчив был в делах;
Порою: трезвый – врал безбожно,
И молчалив был – на пирах.
Характер вовсе бесполезный
И для друзей и для врагов...
Увы! читатель мой любезный,
Что делать мне – он был таков!
Теперь он следует за другом
На подвиг славный, роковой,
Терзаем пьяницы недугом, –
Изгагой мучим огневой.
Приюты неги и прохлады
Вдоль по дороге в Петергоф,
Мелькают в ряд из-за ограды
Разнообразные фасады
И кровли мирные домов,
В тени таинственных садов.
Там есть трактир... и он от века
Зовется Красным Кабачком,
И там – для блага человека
Построен сумасшедших дом,
И там приют себе смиренный
Танцорка юная нашла.
Краса и честь балетной сцены,
На содержании была:
N.N., помещик из Казани,
Богатый волжский старожил,
Без волокитства, без признаний
Ее невинности лишил.
– Мой друг! ему я говорил:
Ты не в свои садишься сани,
Танцоркой вздумал управлять!
Ну где тебе <...>
Но обратится поскорее
Мы к нашим буйным молодцам.
Они стоят в пустой аллее,

Коней привязывают там,
И вот, тропинкой потаенной,
Они к калитке отдаленной
Спешат, подобно двум ворам.
На землю сумрак ниспадает,
Сквозь ветви брежжит лунный свет
И переливами играет
На гладкой меди эполет.
Вперед отправился Маёшка;
В кустах прополз он, как черкес,
И осторожно, точно кошка,
Через забор он перелез.
За ним Монго наш долговязый,
Довольный этою проказой,
Перевалился кое-как.
Ну, лихо! сделан первый шаг!
Теперь душа моя в покое, –
Судьба окончит остальное!
Облокотившись у окна,
Меж тем танцорка молодая
Сидела дома и одна.
Ей было скучно и зевая
Так тихо думала она:
«Чудна судьба! о том ни слова, –
На матушке моей чепец
Фасона самого дурного,
И мой отец – простой кузнец!..
А я – на шелковом диване
Ем мармелад, пью шоколад;
На сцене – знаю уж заране, –
Мне будет хлопать третий ряд.
Теперь со мной плохие шутки:
Меня сударыней зовут,
И за меня три раза в сутки
Каналью повара дерут,
Мой Pierre не слишком интересен,
Ревнив, упрям, что ни толкуй,
Не любит смеху он, ни песен,
Зато богат и глуп, <...>
Теперь не то, что было в школе:
Ем за троих, порой и боле,
И за обедом пью люнель.
А в школе... Боже! вот мученье!
Днем – танцы, выправка, ученье,
А ночью – жесткая постель.
Встаешь, бывало, утром рано,
Бренчит уж в зале фортепьяно,
Поют все врозь, трещит в ушах;
А тут сама, поднявши ногу,
Стоишь, как аист, на часах.
Флёри хлопочет, бьет тревогу...
Но вот одиннадцатый час,
В кареты всех сажают нас.
Тут у подъезда офицеры,
Стоят все в ряд, порою в два...
Какие милые манеры
И всё отборные слова!
Иных улыбкой ободряешь,
Других бранишь и отгоняешь,
Зато – вернулись лишь домой –
Директор порет на убой:
Ни взгляд не думай кинуть лишней,
Ни слова ты сказать не смей...
А сам, прости ему всевышний,
Ведь уж какой прелюбодей!..»
Но тут в окно она взглянула,
И чуть не брякнулась со стула.
Пред ней, как призрак роковой,

С нагайкой, освещен луной,
Готовый влезть почти в окошко,
Стоит Монго, за ним Маёшка.
«Что это значит, господа?
И кто вас звал притти сюда?
Ворваться к девушке – бесчестно!..»
– Нам право это очень лестно!
«Я вас прошу: подите прочь!»
– Но где же проведем мы ночь?
Мы мчались, выбились из силы..
«Вы неучи!» – Вы очень милы!..
«Чего хотите вы теперь?
Ей-богу, я не понимаю!»
– Мы просим только чашку чаю!
«Панфишка! отвори им дверь!»
Поклон отвесивши пренизко,
Монго ей бросил нежный взор,
Потом садится очень близко
И продолжает разговор.
Сначала колкие намеки,
Воспоминания, упреки,
Ну, словом, весь любовный вздор..
И нежный вздох прилично-томный
Порхнул из груди молодой..
Вот ножку нежную порой
Он жмет коленкою нескромной,
И говоря о том, о сем,
Копаясь, будто бы случайно
Под юбку лезет, жмет корсет,
И ловит то, что было тайной,
Увы, для нас в шестнадцать лет!

Маёшка, друг великодушный,
Засел поодаль на диван,
Угрюм, безмолвен, как султан.
Чужое счастье нам скучно,
Как добродетельный роман.
Друзья! ужасное мученье
Быть на пиру <...>
Иль адъютантом на сраженьи
При генералишке пустом;
Быть на параде жалонёром,
Или на бале быть танцором,
Но хуже, хуже во сто раз
Встречать огонь прелестных глаз
И думать: это не для нас!
Меж тем Монго горит и тает..
Вдруг самый пламенный пассаж
Зловещим стуком прерывает
На двор влетевший экипаж:
Девятиместная коляска
И в ней пятнадцать седоков..
Увы! печальная развязка,
Неотразимый гнев богов!..
То был N. N. с своею свитой:
Степаном, Федором, Никитой,
Тарасом, Сидором, Петром,
Идут, гремят, орут, содом!
Все пьяны... прямо из трактира,
И на устах – <...>
Но нет, постой! умолкни лира!
Тебе ль, поклоннице мундира,
Поганых фрачных воспевать?..
В истерике младая дева..
Как защититься ей от гнева,
Куда гостей своих девать?..
Под стол, в комод иль под кровать?
В комоду места нет и платью,

Урыльник полон под кроватью..
Им остается лишь одно:
Перекрестясь, прыгнуть в окно..
Опасен подвиг дерзновенный,
И не сносить им головы!
Но вмиг проснулся дух военный –
Прыг, прыг!.. и были таковы..
. . . .

Уж ночь была, ни зги не видно,
Когда свершив побег обидный
Для самолюбья и любви,
Повесы на коней вскочили
И думы мрачные свои
Друг другу вздохом сообщили.
Деля печаль своих господ,
Их кони с рыси не сбивались,
Упрямо убавляя ход,
Они <...> спотыкались,
И леность их преодолеть
Ни шпоры не могли, ни плеть.
Когда же в комнате дежурной
Они сошлись поутру,
Воспоминанья ночи бурной
Прогнали краткую хандру.
Тут было шуток, смеху было!
И право, Пушкин наш не врет,
Сказав, что день беды пройдет,
А что пройдет, то будет мило..
Так повесть кончена моя,
И я прощаюсь со стихами,
А вы не можете ль, друзья,
Нравоученье сделать сами?..

Комментарии

Тексты поэм М. Ю. Лермонтова, публикуемых в настоящем томе, воспроизводятся по следующим источникам.

1. Автографы и авторизованные копии.
2. Наиболее авторитетные копии, сделанные при жизни поэта.
3. «Современник», 1838, т. XI, № 3.
4. «Стихотворения М. Лермонтова», СПб., 1840.
5. М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений в пяти томах. Редакция текста и комментарии Б. М. Эйхенбаума, «Academia», т. 3, М.-Л., 1935.

Из девяти находящихся в данном томе поэм при жизни Лермонтова были напечатаны только три поэмы: «Песня про царя Ивана Васильевича...», «Тамбовская казначейша», «Мцыри». Остальные шесть поэм – «Боярин Орша», «Сашка», «Беглец», «Сказка для детей», «Демон» и «Монго» – опубликованы в разное время уже после смерти поэта.

Сохранившиеся автографы и копии поэм находятся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР («Боярин Орша», «Мцыри», «Сказка для детей», «Монго»), Государственном Историческом музее («Тамбовская казначейша», «Беглец») и Центральном Государственном историческом архиве в Ленинграде («Демон»).

За исключением поэмы «Мцыри», где на заглавном листе автографа стоит дата «5 августа 1839 года», все поэмы датируются предположительно: по положению автографа или копии среди других, более точно датированных произведений, по времени первой публикации, по содержащимся в тексте намекам на время написания, по свидетельствам современников и т. д.

Как правило, текст каждой поэмы дается по одному источнику, однако в случаях, когда установлено, что в основном источнике допущены ошибки или изменения, связанные с цензурой («Боярин Орша», «Сашка», «Песня про царя Ивана

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Поэмы 1835–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов (Lermontovmikhail.r Васильевича...», «Мцыри», «Демон»), отдельные стихи печатаются по другому, не менее авторитетному источнику.

Все примечания редакции в тексте выделяются курсивом в круглых скобках. Например: (Франц.). – Ред.; (Примечание Лермонтова).

В вариантах примечания редакции набраны курсивом без скобок; слова текста, подчеркнутые автором, – разрядкой.

[]. В квадратные скобки заключаются слова, зачеркнутые автором и ничем не замененные. В тексте они приводятся только в том случае, если их отсутствие нарушает смысл или стихотворный размер.

< >. В угловые скобки заключаются слова, пропущенные в автографе, и части недописанных слов, легко восстанавливаемые по смыслу. Например: «М<онахиня>», «Д<емон>» и т. д.

<Не дописано>. В тех случаях, когда незаконченное слово восстановить по смыслу невозможно, в угловые скобки заключаются слова: <недописано>.

<?> В тех случаях, когда чтение неразборчивого слова вызывает сомнение, в угловые скобки заключаются слова: <недописано>.

<2нрзб.>. Когда в автографе остаются неразборчивые слова, в угловые скобки заключаются цифра, обозначающая количество неразобранных слов и сокращенное слово: нрзб.

<...> Слова, неудобные для печати, обозначаются тремя точками.

* В тех случаях, когда в вариантах последнее чтение данной строки в черновом автографе или в копии не совпадает с основным текстом, в конце строки ставится звездочка, свидетельствующая о том, что окончательное чтение данной строки установлено Лермонтовым в другой, позднейшей рукописи.

Варианты даются в случае сложных автографов (при наличии черновых и белых с поправками) – по каждому документу в отдельности.

Сноска в вариантах применяется, когда наличествует несколько сложных редакций текста. В сноску выносятся разночтения отдельных слов и стихов, предшествовавшие чтению последнего текста вариантов.

Список сокращений
Архивохранилища

ГИМ – Государственный Исторический музей (Москва).

ГПБ – Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР (Ленинград).

ЛБ – Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).

ЦГИАЛ – Центральный Государственный исторический архив (Ленинград).

Книги

Белинский – В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, под редакцией С. А. Венгерова (тт. 1–11, СПб., 1900–1917) и В. С. Спиридонова (тт. 12 и 13, М.–Л., 1926 и 1948).

Письма – Белинский, Письма, три тома, редакция и примечания Е. А. Ляцкого, СПб., 1914.

Соч. изд. Академической библиотеки – Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова в пяти томах, под редакцией Д. И. Абрамовича, Академическая библиотека русских

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Поэмы 1835–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов *Lermontovmikhail.r*.
писателей, изд. Разряда изящной словесности Академии Наук, СПб., 1910–1913.
Второе издание вышло в 1916 году без изменений.

Соч. изд. «Academia» – М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений в пяти томах.
Редакция текста и комментарии Б. М. Эйхенбаума, «Academia», М.-Л., 1935–1937.

Соч. изд. библиотеки «Огонек» – М. Лермонтов, Полное собрание сочинений, тт.
1–4. Библиотека «Огонек». М., 1953.

Соч. под ред. Болдакова – Сочинения М. Ю. Лермонтова, проверенные по рукописям,
под редакцией и с примечаниями И. М. Болдакова, тт. 1–5, М., 1891.

Соч. под ред. Введенского – Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова, под
редакцией Арс. И. Введенского, в четырех томах, СПб., 1891.

Соч. под ред. Висковатова – Сочинения М. Ю. Лермонтова, первое полное издание
под редакцией П. А. Висковатова, в шести томах, М., 1889–1891.

Соч. под ред. Дудышкина – Сочинения Лермонтова, приведенные в порядок и
дополненные С. С. Дудышкиным. В двух томах, СПб., 1860. Издание второе,
сверенное с рукописями, исправленное и дополненное, вышло в 1862 году и без
изменений повторилось в 1863 году.

Соч. под ред. Ефремова – Сочинения Лермонтова с портретом его, двумя снимками с
почерка и статьей о Лермонтове А. Н. Пыпина, в двух томах, изд. 3-е, вновь
сверенное с рукописями, исправленное и дополненное под редакцией П. А. Ефремова,
СПб., 1873. Издание с изменениями и дополнениями повторялось в 1880, 1882, 1887,
1889 годах.

Соч. под ред. Эйхенбаума – М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений, под
редакцией Б. М. Эйхенбаума, тт. 1–4, М.-Л., Гослитиздат, 1947–1948. Издание
повторено в 1948 году

ПОЭМЫ

КНИГИ

Боярин Орша (стр. 7, 321)

Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 12 (тетрадь XII), лл. 1–14.
Стихи 444–449, по цензурным соображениям не включенные Лермонтовым в
авторизованную копию, по видимому предназначавшуюся для печати, восстанавливаются
по автографу (ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 1, лл. 2–12 об.), где на
л. 6 эти стихи перечеркнуты одной чертой, а на полях рукою Лермонтова сделана
помета: «вымарать». По этому же автографу даются стихи 218, 323, 532, 988, в
которых переписчик сделал ошибки. Имеются также автограф (набросок II главы,
стихи 420–433) – ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь автографов Чертковской
библиотеки), л. 61 об. и черновой автограф (набросок III главы, стихи 747–815 и
следующий за ними отрывок, не вошедший в окончательный текст) – ИРЛИ, оп. 1, №
45, лл. 10–10 об.

Эпиграф к I главе – стихи 347–349 поэмы Байрона «Паризина»; у Байрона несколько
иной текст:

Then burst her voice in one long shriek,
And to the earth she fell like stone
Or statue from its base o'erthrown.
Тогда голос ее внезапно перешел в протяжный крик,
И на землю она упала как камень,
Или статуя, сброшенная с своего подножия.

Эпиграфы ко II и III главам – стихи 1200–1202 и 610–611 поэмы Байрона «Гяур».
Все три эпиграфа взяты из автографа ГПБ (в авторизованной копии ИРЛИ есть
эпиграф только к I главе, написанный с ошибками; эпиграфы к остальным главам
отсутствуют).

Поэма впервые была опубликована в «Отеч. записках», 1842, т. 23, № 7, отд. I,
стр. 1–24 (с цензурными пропусками стихов 17–18, 145–152, 214–218, 333–335,
444–466, 484, 510–519, 530–533, 572–573, 578, 612–617, 1044–1057; стихи 332, 574
были напечатаны не полностью).

Поэма датируется 1835–1836 годами. А. А. Краевский в примечании к первой

Обращение сочинений в шести томах. Том 4. Поэмы 1835–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.r
публикации писал: «Эта поэма принадлежит к числу первых опытов Лермонтова. Она написана была еще в 1835–м году, когда Лермонтов только что начинал выступать на литературное поприще. Впоследствии, строгий судья собственных произведений, он оставил намерение печатать ее и даже, взяв из нее целые тирады, преимущественно из II–й главы, включил их в новую свою поэму „Мцыри“... Рукопись поэмы, данная мне автором еще в 1837–м году и едва-ли не единственная, хранилась у меня до сих пор вместе с другими оставленными им пьесами» («Отеч. записки», 1842, т. 23, № 7, отд. I, стр. 1–2). В авторизованной копии на последнем листе обозначена дата: «1836», написанная позднее карандашом, рукою Краевского.

В поэму вошел ряд стихов из «Исповеди», впоследствии некоторые стихи были включены в текст «Мцыри». См. примечания к поэме «Мцыри» (настоящий том, стр. 408).

В «Боярине Орше» изображены события эпохи Литовской войны (1563–1582), которую вел Иван Грозный.

История отношений Арсения и дочери боярина Орши обрисована в духе народных песен и сказок о любви «холопа» к боярской дочери. Мотивами народного творчества проникнута также сказка, которую рассказывает Орше Сокол. (Близкие по содержанию песни см. в кн.: А. И. Соболевский. Великоорусские народные песни, т. 1. СПб., 1895, стр. 34–49).

В. Г. Белинский, читавший поэму Лермонтова в рукописи, 7 ноября 1842 года писал Н. А. Бакунину: «Читали ли вы „Боярина Оршу“ Лермонтова? Какое страшно могучее произведение! Привезу его к вам вполне, без выпусков» (Письма, т. 2, стр. 318). В «Библиографических и журнальных известиях» Белинский, указывая, что «пафос поэзии Лермонтова заключается в нравственных вопросах о судьбе и правах человеческой личности», писал далее: «Для кого доступна великая мысль лучшей поэмы его „Боярин Орша“, и особенно мысль сцены суда монахов над Арсением, те поймут нас и согласятся с нами» (Белинский, т. 8, стр. 200).

Стихи 628–629 ср. со стихами 3–4 стихотворения «Челнок», 1832 (см. настоящее издание, т. II, стр. 58). Образ березы, растущей «среди развалин» (стихи 49–50), см. также в стихах 101–102 стихотворения «1831–го июня 11 дня» (см. настоящее издание, т. I, стр. 180) и в стихах 17–18 посвящения к драме «Испанцы» (см. настоящее издание, т. V, стр. 9).

Сашка (стр. 41, 327)

Печатается по Соч. изд. «Academia» (т. 3, 1935, стр. 364–418). Стихи 898, 942, 992, 994, 1032 исправлены по черновому автографу первоначальной редакции (ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 34, тетрадь «Лекции из географии», лл. 57 об., 60–64 об.), стих 703 печатается по выписке В. Х. Хохрякова в его тетради «Материалы для биографии М. Ю. Лермонтова» (ИРЛИ, оп. 4, № 85, л. 2), стихи 222, 510, 541, 720, 970, 1056, 1306, 1415, 1432, 1446, 1654 – по журналу «Русск. мысль» (1882, кн. 1, стр. 68–120).

Беловой автограф поэмы не сохранился. Имеются лишь отрывки чернового автографа (ГПБ): строфы 62, 75–87, 90–95. Отрывки утраченной части чернового автографа, соответствующие строфам 1–3, 6, 12–24, 27–28, 32, 45, а также содержащие четыре строфы, не вошедшие в окончательный текст, были опубликованы П. А. Ефремовым с дополнениями и поправками А. Н. Афанасьева в «Библиогр. записках» (1861, № 18, стлб. 557–563). Стихи 23–27 и 38–44, ошибочно принятые П. А. Ефремовым и А. Н. Афанасьевым за вариант стихотворения «Памяти А. И. Одоевского», были ими опубликованы в «Библиогр. записках» (1859, № 12, стлб. 383). Текст «Библиогр. записок» напечатан по списку с утраченной ныне «Черновой тетради Лермонтова», заключающей, кроме перечисленных выше строф, стихотворения: «Молитва» («Я, мать божия...»), «Ах! ныне я не тот совсем», «Он был в краю святом».

Сохранившийся автограф и текст, опубликованный в «Библиогр. записках», являются фрагментами ранней черновой редакции, в целом до нас не дошедшей.

Автограф последней редакции поэмы находился в Пензе у И. А. Панафутина. Он был известен В. Х. Хохрякову, который в 1857 году взял из него несколько строк (стихи 698–704) в качестве эпитафии к своему труду «Материалы для биографии М. Ю. Лермонтова» (ИРЛИ, оп. 4, № 85, л. 2). В 1870 году И. А. Панафутин отослал автограф в Петербург для продажи в Публичную библиотеку (см. письмо В. Х. Хохрякова в Публичную библиотеку от 27 декабря 1870 г. Архив ГПБ, Дело

Обращение сочинений в шести томах. Том 4. Поэмы 1835–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.r
управления, 1869, № 46, л. 16. Ср. И. Л. Андроников. Лермонтов. Обл. изд.,
Пенза, 1952, стр. 265). Однако покупка не состоялась, так как в канцелярии
библиотеки объявили, что это произведение не Лермонтова, а Полежаева («Русск.
мысль», 1882, кн. 1, стр. 67). Остается невыясненным, вернулся ли в 1870 году
автограф к И. А. Панафутину или у него остался лишь список с автографа.

П. А. Висковатов узнал от В. Х. Хохрякова о местонахождении рукописи поэмы и,
находясь в Пензе, в 1881 году снял копию с рукописи Панафутина (автографа или
списка, не известно) и опубликовал поэму в «Русск. мысли» (1882, кн. 1, стр.
68–120). Ср. отдельный оттиск: Сашка. Поэма М. Ю. Лермонтова. М., тип.
Кушнерева, 1882, 56 стр. с приложением печатного листа, восполняющего купюры,
сделанные в тексте журнала. Имеется также копия (ИРЛИ, оп. 2, № 163),
совпадающая по тексту с названным выше изданием поэмы, включая приложение и
подстрочные примечания П. А. Висковатова. В двух местах (стихи 61 и 370) текст
рукописи поправлен; эти поправки («грязна» вместо «грозна», «блески» вместо
«блестки») приняты в настоящем издании (впервые в Соч. изд. библиотеки «Огонек»,
т. 2, стр. 486).

В настоящее время утрачен не только автограф последней редакции поэмы, но также
список И. А. Панафутина и копия П. А. Висковатова.

Во второй половине 1880-х годов Н. Н. Буковский, собирая рукописи для
Лермонтовского музея Николаевского кавалерийского училища, сверил напечатанный
Висковатовым текст со списком И. А. Панафутина. Копия поэмы, выправленная Н. Н.
Буковским, послужила источником текста для Соч. изд. Академической библиотеки и
для последующих изданий, вплоть до Соч. изд. «Academia». Но и эта копия,
находившаяся сначала в Лермонтовском музее, а затем в частных руках, в настоящее
время утрачена.

Несмотря на то, что текст, опубликованный в 1882 году, и текст, выправленный Н.
Н. Буковским, восходят к автографу, находившемуся у И. А. Панафутина, между
этими двумя текстами существует целый ряд весьма существенных расхождений.

Публикация 1882 года, как это отмечал впоследствии П. А. Висковатов, изобилует
множеством типографских погрешностей. Кроме того, ряд мест автографа оказался
неправильно прочитанным: вместо «от зноя» – «незнаемы» (стих 781), вместо
«мамзель Alіne» – «Мишель Abіne» (стих 1400), вместо «И ты забыт» – «И зябнешь
ты» (стих 1511), вместо «И всё ль» – «И весел ли» (стих 1517) и др. В местах,
трудно поддающихся прочтению, иногда произведена замена отдельных слов, а порою
и целых строк в целях сохранения стихотворного размера (стихи 225–226, 942, 1008
и др.). Но наиболее значительная доля разночтений объясняется изменениями,
которые П. А. Висковатов вносил в текст, произвольно заменяя отдельные слова,
выражения и целые строки. Сопоставление публикации 1882 года с черновыми
набросками к поэме и текстом, выправленным Н. Н. Буковским, доказывает, что П.
А. Висковатов устранял обороты, с его точки зрения неудобные для печати (стихи
600, 966–968, 981–983, 1133, 1142), и строки, противоречащие его собственным
политическим взглядам (стихи 858, 888–891, 1616–1617). Есть и прямое
свидетельство, обнаруживающее приемы работы П. А. Висковатова. На стр. 38
отдельного оттиска поэмы, подаренного Висковатовым А. Ф. Бычкову, имеется сноска
к стиху 1133 («Чтоб поскорее осушить ей глазки»), написанная рукою П. А.
Висковатова, карандашом: «Изменено мною, что я впрочем писал в редакцию. Было:
„Чтоб поскорей добраться до развязки“» (ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, №
78).

В 1889 году в Соч. под ред. Висковатова (т. 2, стр. 175–229) текст поэмы
появился с некоторыми изменениями по сравнению с публикацией 1882 года. Здесь
частично устранены опечатки и исправлены отдельные неверно прочитанные места
(очевидно по копии, выправленной Н. Н. Буковским, а возможно, что и по
автографу, о местонахождении которого глухо сказано в примечании – Соч., под
ред. Висковатова, т. 2, стр. 347). В сноске к стихам 22–25 приведен вариант,
отсутствующий в остальных списках:

Он прострелил мне руку на дуэли
И ровно месяц от моей постели
Не отходил.

Однако и издание 1889 года не дает исправного текста последней редакции поэмы. В
ряде случаев Висковатов сохраняет в основном тексте фальсифицированные им места,
а подлинный лермонтовский текст приводит в сносках как вариант (см. Соч. под

собрание сочинений в шести томах. Том 4. Поэмы 1835–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов *Termontovmikhail.r*
ред. Висковатова, т. 2, стр. 210, стих 1133, а также сноски на стр. 194, 204,
205, 206, 225).

Не свободна от некоторых погрешностей и копия поэмы, выправленная Н. Н. Буковским по списку И. А. Панафутина, положенная в основу текста Соч. изд. «Academia».

В настоящее издание по источникам, указанным в начале примечания (см. стр. 396), введены некоторые уточнения, устраняющие смысловые и ритмические искажения текста: по черновому автографу (условное обозначение Ч), тетради Хохрякова «Материалы для биографии М. Ю. Лермонтова» 1857 г. (X), публикации Ефремова с поправкой Афанасьева в «Библиогр. записках» 1861 г. (A), публикации Висковатова в «Русск. мысли» 1882 г. (B1), Соч. под ред. Висковатова, т. 2, 1889 г. (B2).

При подготовке текста для настоящего издания редакция обращалась к работе Э. Э. Найдича «О тексте поэмы М. Ю. Лермонтова „Сашка“».

Прямых данных о времени написания поэмы не имеется. Однако есть основания предполагать, что Лермонтов работал над поэмой с 1835 до конца 1839 года.

П. А. Ефремов, впервые публикуя отрывки поэмы, датирует их 1839 или 1840 годом – на том основании, что в стихах 23–27 и 38–44 говорится, по его мнению, о смерти А. И. Одоевского.

Развернутая аргументация в пользу 1839 года как наиболее возможной даты написания поэмы содержится в Соч. изд. «Academia» (т. 3, 1935, стр. 602).

Датируя поэму 1839 годом, Б. М. Эйхенбаум опирался главным образом на содержание стихов 338–341, из которых следует, что Лермонтов писал эти строки в Петербурге (на «севере») и что речь идет в них о весне того года, когда Нева вскрылась особенно поздно, а на юге были морозы. В 1839 году Нева вскрылась 2 мая, и Лермонтов в это время был в Петербурге. Таким образом, этот год был признан Б. М. Эйхенбаумом наиболее возможной датой написания поэмы.

Существует и другая гипотеза, по которой поэма создавалась Лермонтовым в 1835–1836 годах. Впервые она была высказана П. Висковатовым, ссылавшимся на свидетельство А. П. Шан-Гирея о том, что Лермонтов писал поэму во время пребывания в Тарханах (см. Соч. под ред. Висковатова, т. 2, 1889, стр. 344). 1835–1836 годами датирует поэму и И. Л. Андроников в Соч. изд. библиотеки «Огонек» (т. 2, 1953, стр. 487–489).

М. Ф. Николева в неопубликованной работе о поэме «Сашка» сообщила ряд фактов, подтверждающих предположение о том, что поэма создавалась в 1835 году. Основываясь на сведениях, содержащихся в тех же стихах 338–341, она приходит к выводу, что с наибольшей вероятностью эти сведения могут относиться не к 1839, а к 1835 году, так как и в этом году Лермонтов был в Петербурге и Нева вскрылась той весной со значительным опозданием – 28 апреля. Кроме того, газеты сообщали в 1835 году о сильных и поздних морозах на юге, в частности в Италии («Санкт-Петербургские ведомости», 1835, № 113).

Однако сообщенные М. Ф. Николевой факты позволяют датировать лишь те строфы, на которые она ссылается, т. е. начальный этап работы Лермонтова над поэмой.

Нахождение черновых отрывков в тетради «Лекции из географии», грубовато-фривольный тон некоторых стихов, отсутствующий в более зрелых произведениях Лермонтова, также свидетельствуют о том, что поэма могла быть начата в период, близкий к годам учения поэта в юнкерской школе.

В то же время есть основания предполагать, что работа Лермонтова над поэмой продолжалась и в следующие годы. В этом прежде всего убеждает наличие значительно отличающихся друг от друга стадий работы первоначальной редакции, заключенной в черновых набросках тетради «Лекции из географии», а также в отрывках, опубликованных Ефремовым в «Библиогр. записках», и последней редакции поэмы, отраженной в рукописи И. А. Панафутина.

Хронологически различные периоды отразились и в самом содержании поэмы. Так, в начале главы II (строфы 2–6) рассказывается о Москве накануне 1812 года с указанием на то, что события происходили «тому назад лет двадцать пять и боле»,

Обращение сочинений в шести томах. Том 4. Поэмы 1835–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.r
т. е. писалось это около 1837 года.

В других местах поэмы можно усмотреть косвенные отклики и на события более поздние. Вслед за воспоминаниями интимными, связанными с его юношеским чувством к В. А. Лопухиной (стихи 254–260), Лермонтов обращается мыслью к последующим годам, насыщенным «муками иными» (стихи 270–277). В лирических отступлениях появляются стихи, адресованные друзьям, которых «буря в даль умчала» – «сынам свободы», посвятившим юность благородной цели. В стихах 354–356 говорится о трагической судьбе А. И. Полежаева.

Поэт Александр Иванович Полежаев (1804–1838), будучи студентом Московского университета, приобрел широкую известность как автор поэмы «Сашка» – о жизни студенческой молодежи с ее «жаждой вольности строптивой» и «необузданностью страстей» (1825). Поэма во множестве списков разошлась по Москве и в обстановке реакции после восстания декабристов прозвучала как новый вызов правительству. За создание этой поэмы Полежаев подвергся гонениям, долгое время находился в изгнании и, сломленный жестокими репрессиями, 34-х лет умер в военном госпитале от чахотки.

Лирическое обращение к погибшему другу в строфах 137–138 содержит ряд биографических сведений (смерть вдали от родных краев, упоминание о военной одежде, о большом человеческом обаянии погибшего певца), совпадающих с фактами биографии друга Лермонтова, поэта-декабриста А. И. Одоевского, умершего в ссылке на Кавказе 15 августа 1839 года. Таким образом, возможные сроки создания поэмы отодвигаются до этого времени. Стихи 24–37 и 1496–1500 с небольшими изменениями впоследствии вошли в стихотворение «Памяти А. И. Одоевского», написанное в конце 1839 года (см. настоящее издание, т. II, стр. 132, стихи 24–37 и 44–48).

Поэма «Сашка» в отдельных моментах автобиографична. Она отражает наблюдения и впечатления поэта, связанные с реальными фактами его жизни. Таковы строфы, повествующие о домашнем воспитании героя, о студенческих годах его жизни, о быте московского барства. Однако центральное действующее лицо поэмы, «друг» поэта – Сашка, не имеет определенного прообраза. Он не является портретом ни Александра Одоевского, ни Александра Полежаева, ни самого автора. Сашка – образ собирательный, наделенный чертами, типичными для многих современников поэта. В основе произведения Лермонтова лежит повествование о бесплодной жизни одного из «героев» современной поэту действительности. Следуя за Пушкиным, Лермонтов в форме непринужденных поэтических записок, лирических размышлений, иногда средствами иронического повествования и сатиры ставил в своей поэме те же вопросы, которые определили идейный замысел «Евгения Онегина», а в его собственном творчестве – «Думы» и «Героя нашего времени». Несомненное влияние на литературный стиль поэмы Лермонтова оказал также пушкинский «Домик в Коломне» (ср., например, стихи 93–95 со стихами 65–66 «Домика в Коломне»). Поэтический размер поэмы «Сашка», как и вся структура одиннадцатистроичной строфы, повторен Лермонтовым в другом его произведении – поэме «Сказка для детей» (настоящий том, стр. 172–182), писавшейся в 1839–1841 годах. Повторяются в «Сказке для детей» и отдельные стихи из поэмы «Сашка» (ср. стихи 1693–1694 со стихами 296–297 «Сказки»).

В Соч. под ред. Эйхенбаума (т. 2, стр. 504–505) высказано предположение, основанное на содержании стихов 1634–1639, о том, что поэма «Сашка» – законченное произведение, состоящее из 149 строф. Вторая глава по этой гипотезе рассматривается как начало новой поэмы. Однако документальные данные, подтверждающие это предположение, отсутствуют. В дошедших до нас источниках текста в состав поэмы входят первая и начало второй главы.

Стихи 254–260 посвящены Варваре Александровне Лопухиной (1814–1851); подробнее о ней см. т. I настоящего издания, стр. 421.

Стих 699. Слова «Урчит и свищет» ср. с третьей строкой стихотворения Пушкина «Соловей и кукушка» (1825 г.): «Урчит и свищет, и гремит».

Стихи 724–725 – цитата из трагедии Шекспира «Гамлет» (конец первого акта, пятая сцена, слова Гамлета в диалоге с Горацио). «Гамлет» в переводе на русский язык М. Вронченка был издан в Петербурге в 1828 году и в переводе Н. Полевого в

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Поэмы 1835–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов *termontovmikhail.r*.
Москва в 1837 году. Перевод Лермонтова не совпадает с названными изданиями и, очевидно, принадлежит самому поэту. У Шекспира буквально:

There are more things in heaven and earth, Horatio,
Than are dreamt of in your philosophy.
Есть больше вещей на небе и на земле, Горацио,
Чем снилось вашей философии.

Стихи 815–837. Существует предположение, что в облике маркиза де Тесс Лермонтов запечатлел черты своего гувернера Жана Пьера Келлета Жандро, французского эмигранта, роялиста по убеждениям (см. Соч. под ред. Висковатова, т. 6, 1891, стр. 36–37. Ср. Н. Л. Бродский. М. Ю. Лермонтов. Биография, т. I, Гослитиздат, М., 1945, стр. 53).

Строфы 76–80. Речь идет о событиях французской революции 1789–1793 годов, о казни короля Людовика XVI (стихи 839–840) и его жены Марии Антуанетты (стихи 848–858).

Стихи 861–869 посвящены французскому поэту и публицисту Андре Шенье (1762–1794), который в 1794 году был казнен за приверженность к королю и за деятельность, направленную против якобинского правительства. Пушкин в стихотворении «Андрей Шенье» (1825) и Лермонтов в стихотворении «Из Андрея Шенье» (1830–1831) переосмыслили историческую роль поэта и представили его как певца свободы, проявившего высокое гражданское мужество в борьбе против тирании.

Стих 952. Фоблаз – герой французского романа «Aventures du chevalier de Faublas» («Приключения кавалера Фобласа»), принадлежащего перу Жана Батиста Луве де Кувре (1760–1797). В романе описываются развращенные нравы дворянской молодежи во Франции во второй половине XVIII века. Произведение это частями издавалось в Лондоне в 1787–1790 годах; в России появилось под заглавием «Приключения Шевалье де Фобласа» в переводе А. И. Леванды (СПб., 1792–1796). Второе русское издание под заглавием «Жизнь и приключения кавалера Фоблаза» вышло в 1805–1806 годах в Москве. Ср. у Пушкина «Фобласа давний ученик» («Евгений Онегин», глава I, строфа XII).

Стихи 1292–1298 содержат сведения, сходные с воспоминаниями о студенческой жизни А. И. Герцена, учившегося в Московском университете в те же годы, что и Лермонтов. В «Былом и думах» (т. I, гл. VII) Герцен пишет: «... наука не отвлекала от вмешательства в жизнь, страдавшую вокруг. Это сочувствие с нею необыкновенно поднимало гражданскую нравственность студентов. Мы и наши товарищи говорили в аудитории открыто всё, что приходило в голову; тетрадки запрещенных стихов ходили из рук в руки, запрещенные книги читались с комментариями, и при всем том я не помню ни одного доноса из аудитории, ни одного предательства».

Стихи 1303–1307. Возможно, что в этих стихах содержится глухой намек на так называемую «маловскую историю», в которой участвовал Лермонтов: 16 марта 1831 года студенты нравственно-политического отделения Московского университета выгнали из аудитории невежественного профессора М. Я. Малова (см. примечание к стихотворению «Послушай, вспомни обо мне», настоящее издание, т. I, стр. 416).

К стиху 1423 в первых изданиях поэмы есть сноска П. Висковатова: «Арап этот был слугою в доме Лопухиных, близких друзей Лермонтова. Он его очень любил и в одном из писем упоминает о нем, как о друге своем». («Русск. мысль», 1882, кн. 1, стр. 111).

Песня про царя Ивана Васильевича... (стр. 101, 352)
Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова», СПб., 1840, стр. 1–31.

Стихи 41–44, ошибочно пропущенные при наборе, восстановлены по «Литературным прибавлениям к Русскому инвалиду» (1838, № 18, 30 апреля, стр. 344–347), где поэма была впервые опубликована за подписью «–въ» (в общем оглавлении «М. Ю. Лермонтов»).

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Поэмы 1835–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов termontovmikhail.ru.
В издании «Стихотворений М. Лермонтова» имеются искажения, исправленные по тексту «Лит. прибавл. к Русск. инвалиду».

Автограф не известен.

Текст «Стихотворений» 1840 г. отличается от первопечатного некоторой нивелировкой орфографии: «разделят» вместо «разделют» (стих 124), «ходят» вместо «хodyт» (стих 159), «смотрят» вместо «смотрют» (стих 208), «нонече» вместо «нониче» (стих 235), «выйду» вместо «выду» (стих 305) и т. д. Эти разночтения в раздел вариантов не включены.

В «Стихотворениях М. Лермонтова» 1840 года поэма датирована 1837 годом. А. Н. Пыпин, со слов А. А. Краевского, писал: «„Песня“ была первое стихотворение, присланное Лермонтовым с Кавказа в 1837 г. Краевскому, издававшему тогда „Литературные прибавления“» (Соч. под ред. Ефремова, т. 1, 1873, стр. LI–LII). Возможно, что замысел «Песни» возник несколько раньше, так как А. П. Шан-Гирей в своих воспоминаниях относит создание этой поэмы к периоду «до 1837 г.» («Русск. обозрение», 1890, т. IV, стр. 738).

Опубликование поэмы встретило серьезные препятствия. Содержание произведения провозглашало право личности на свободу и независимость; под пером опального поэта эта идея звучала особенно остро. В начале 1838 года Лермонтов был возвращен из ссылки и переведен с Кавказа в Гродненский гусарский полк, стоявший в Новгороде. Краевский рассказывал Пыпину, что когда «Песня» была направлена в цензуру, то «цензор нашел совершенно невозможным делом напечатать стихотворение человека, только что сосланного на Кавказ за свой либерализм. Издатель „Прибавлений“ выручил стихотворение только тем, что обратился к Жуковскому, который был в великом восторге от стихотворения Лермонтова, находил, что его непременно надо печатать, и дал г. Краевскому письмо к министру народного просвещения. Уваров нашел, что цензор был прав в своих опасениях, но разрешил печатание на своей ответственности, не позволив, однако, ставить имени Лермонтова, которое было заменено случайными буквами» (Соч. под ред. Ефремова, т. 1, 1873, стр. LII).

Имеется обширная литература о происхождении сюжета, фольклорных источниках и художественных особенностях «Песни» (см. исследование М. Штокмара, подводящее итоги изучения этого произведения. – «Лит. наследство», т. 43–44, 1941, стр. 263–352). Сюжет и форма «Песни про царя Ивана Васильевича...» не восходят к какому-либо одному или нескольким определенным произведениям народного творчества и не повторяют их. Белинский высоко оценил поэму, с появлением которой «поэт вошел в царство народности как ее полный властелин и, проникнувшись ее духом, слившись с нею, он показал только свое родство с нею, а не тождество» (Белинский, т. 6, стр. 35). Стиль поэмы свидетельствует о близком знакомстве Лермонтова с фольклорным материалом. Самый образ Грозного Лермонтов воссоздает таким, как он сохранился в народно-поэтической традиции. В работах современных исследователей указывается на то, что созданию «Песни» много содействовала дружба Лермонтова с С. А. Раевским, который был «не только горячим поклонником народной поэзии, ценителем ее эстетических качеств, но и энтузиастом – собирателем памятников фольклора» («Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 316). На этот факт указывал и В. Х. Хохряков, записавший в своих тетрадях, что «по внушению Св. Аф. (т. е. Раевского, – Ред.), втягивавшего Лермонтова в нашу народность, Лермонтов написал, может быть, Песнь про купца Калашникова» (ИРЛИ, оп. 4, № 26, тетрадь 2, л. 8).

Белинский подчеркивал, что политический смысл поэмы «свидетельствует о состоянии духа поэта, недовольного современною действительностью и перенесшегося от нее в далекое прошедшее, чтоб там искать жизни, которой он не видит в настоящем» (там же, стр. 36).

«Песня про царя Ивана Васильевича» с ее противопоставлением проснувшейся чести горожанина «царской силе самовластия» содержала в себе для современников, по выражению А. В. Луначарского в статье «М. Ю. Лермонтов», «заряд гигантского мятежа» (А. В. Луначарский. Классики русской литературы, Гослитиздат, М., 1937, стр. 187).

Тамбовская казначейша (стр. 118, 352)

Печатается по «Современнику» (1838, т. XI, № 3, отд. VIII, стр. 149–178), где появилась впервые под заглавием «Казначейша» и без подписи.

Автограф поэмы не сохранился; имеются лишь черновые наброски посвящения и двух строф (LI–LII) – ГИМ, ф. 445, 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), лл. 43 и 63 об.

Поэма датируется по времени напечатания не позднее января 1838 года. Начало работы над ней относится к более раннему периоду – ко второй половине 1837 года. На это указывают слова:

О, скоро ль мне придется снова
Сидеть среди кружка родного
С бокалом влаги золотой
При звуках песни полковой!
И скоро ль ментиков червонных
Приветный блеск увижу я...
(Строфа XXIX).

Эти стихи могли быть написаны только до возвращения Лермонтова из ссылки с Кавказа, где он служил в драгунском полку («червонные ментики» были принадлежностью гусарских полков). В Петербург Лермонтов приехал в январе 1838 года. А. П. Шан-Гирей относит создание поэмы к еще более раннему периоду – «до 1837 года» (см. «Русск. обозрение», 1890, т. IV, стр. 738), что мало вероятно. Можно лишь предположить, что в поэме отразились впечатления Лермонтова от его посещения Тамбова в 1836 г., когда он заезжал туда, направляясь в Тарханы.

В письме к М. А. Лопухиной от 15 февраля 1838 года Лермонтов писал: «Я был у Жуковского и по его просьбе отнес ему „Тамбовскую казначейшу“; он понес ее к Вяземскому, чтобы прочесть вместе; им очень понравилось, напечатано будет в ближайшем номере „Современника“» (см. настоящее издание, т. VI).

Однако в «Современнике», где по цензурным соображениям в тексте всюду слово «Тамбов» было заменено буквой «Т...», из заглавия было изъято и слово «Тамбовская».

Поэма появилась в журнале с рядом цензурных пропусков. Восстановить пропущенные стихи, замененные в тексте «Современника» черточками, невозможно ввиду отсутствия рукописей поэмы.

В 1880 году П. А. Ефремов впервые восполнил стих 236, предложив следующее чтение: «Иль стал душою заговора» (см. Соч. под ред. Ефремова, т. 2, стр. 592; в предыдущих изданиях, редактировавшихся Ефремовым, этот стих не воспроизводился). Отсутствие какого-либо примечания и ссылки на источник, откуда взято это чтение, не дает возможности удостовериться в его подлинности и делает невозможным введение этого стиха в основной текст.

П. А. Висковатов предложил иное чтение стиха 236 и, кроме того, вставил еще несколько пропущенных стихов, ссылаясь на то, что эти вставки были якобы продиктованы ему А. П. Шан-Гиреем по памяти (см. Соч. под ред. Висковатова, т. 2, стр. 230). Это указание Висковатова нельзя считать вполне достоверным, и потому приводимые им вставки также не могут быть введены в основной текст. Ниже приводим вставленные Висковатовым стихи: 27. Там зданье лучшее острог... 180–182. У них! – О том причины скрыты; Но есть в Тамбове две кумы, У них, пожалуй, спросим мы. 227–228. И не смущен бы был и раем, когда б попался и туда. 236. Чтоб от кнута избавить вора, 467. Увы! молясь иной святыне, 623–624. За злато совесть и закон Готов продать охотно он.

Кроме того, стих 215 Висковатов исправил следующим образом:

Он, спать ложась, привык не ведать –
Возможно, что в тексте «Современника» действительно в этом стихе была допущена опечатка.

Текст поэмы, видимо, пострадал не только от вмешательства цензуры, но и от редакторской правки Жуковского, который, как передает П. А. Висковатов со слов А. А. Краевского, «некоторые стихи переделал и дал им другое значение, а кое-что выпустил» (Соч. под ред. Висковатова, т. 6, стр. 294).

Вероятно эти изменения были вызваны стремлением Жуковского приспособить поэму к цензурным требованиям.

Искажение текста поэмы возмутило Лермонтова. И. И. Панаев вспоминает, что однажды, после выхода в свет «Тамбовской казначейши», он застал у Краевского Лермонтова, который «держал тоненькую розовую книжечку „Современника“ в руке и покушался было разодрать ее, но г. Краевский не допустил его до этого. „Это чорт знает, что такое! позволительно ли делать такие вещи! – говорил Лермонтов, размахивая книжечкою.. – Это ни на что не похоже!“. Он подсел к столу, взял толстый красный карандаш и на обертке „Современника“, где была напечатана его „Казначейша“, набросал какую-то карикатуру» (И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Гослитиздат, 1950, стр. 135).

В «Тамбовской казначейше» Лермонтов продолжил традицию пушкинской повести в стихах. В «Посвящении» Лермонтов сам подчеркнул связь поэмы с «Евгением Онегиным», с которым «Тамбовскую казначейшу» роднит не только 14-строчная строфа, но и наличие лирических отступлений и реалистического изображения нравов провинциального дворянства.

Стих 17. «Он прежде город был опальный...» – по местным преданиям Тамбов когда-то был «ссылочным местом, своего рода Сибирью» («Ист. вестник», 1884, № 10, стр. 119).

Стих 60. Цна – река, на которой стоит Тамбов.

Стих 70. «Марш из Двух слепых»... – «Два слепых из Толедо», популярная в то время опера французского композитора Этьена Мегюля (1763–1817).

Стих 379. Амфитрион – мифический греческий царь, имя которого стало синонимом гостеприимного хозяина.

Стихи 584–588 являются переосмыслением I строфы стихотворения Пушкина «Узник».

Беглец (стр. 143, 353)

Печатается по автографу – ГИМ, ф. 445, 227-а (тетрадь Чертковской библиотеки), лл. 57–58 об.

Впервые с некоторыми искажениями поэма опубликована в литературном сборнике «Вчера и сегодня» (ч. II, 1846, стр. 154–158).

Датируется концом 30-х годов. Поэма могла быть написана лишь после 1837 года, когда Лермонтов побывал на Кавказе, узнал быт и нравы горцев, познакомился с черкесскими легендами и сказаниями. Как раз в 1837 году в VII томе «Современника» появилась и неоконченная поэма Пушкина «Тазит» (напечатанная под заглавием «Галуб»), знакомство с которой сказалось на разработке сюжета «Беглеца». П. А. Висковатов, ссылаясь на А. П. Шан-Гирея, утверждает, что поэма была написана «не позднее 1838 г.» (см. Соч. под ред. Висковатова, т. 2, стр. 302). Видимо, песню или легенду на сходный сюжет Лермонтов слышал на Кавказе. В книге путешественника Тетбу де Мариньи «Путешествие в Черкесию» (Брюссель, 1821) есть упоминание о черкесской песне, содержащей «жалобу юноши, которого хотели изгнать из страны, потому что он вернулся один из экспедиции против русских, где все его товарищи погибли».

Песня «Месяц плывет...» в несколько измененном виде перенесена в эту поэму из «Измаил-Бея» (см. настоящее издание, т. III, стр. 209).

Мцыри (стр. 148, 355)

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова», СПб., 1840, стр. 121–159, где поэма была опубликована впервые. Стихи 227–229, 716–722 (цензурные пропуски) восстанавливаются по рукописи, часть которой – авторизованная копия, часть – автограф (заглавный лист, эпиграф и стихи 13–41, 78–81, 90–105, 338 – до конца) – ирли, оп. 1, № 13 (тетрадь XIII), лл. 1–14 об.

На обложке тетради XIII имеется помета Лермонтова: «1839 года Августа 5». Эта помета и является основанием для датировки поэмы. Указанная в издании «Стихотворений» 1840 года дата «1840» не точна. Отличия текста «Стихотворений» 1840 года от рукописи незначительны: изменено название поэмы (первоначально поэма была озаглавлена «Бэри») и сделано несколько авторских поправок.

Поэма «Мцыри» связана с более ранними «Исповедью» (1829–1830) и «Боярином Оршей»

собрание сочинений в шести томах. Том 4. Поэмы 1835–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.r (1835–1836). Из «Исповеди» в «Боярина Оршу» перенесен ряд стихов. С другой стороны, многие стихи «Боярина Орши» впоследствии были включены в текст «Мцыри». Почти совпадают стихи 67–82 «Исповеди» и 434–449 «Боярина Орши»; 125–139 «Исповеди» и 450–466 «Боярина Орши»; 483–494 «Боярина Орши» и 106–117 «Мцыри»; 512–533 «Боярина Орши» и 225–240 «Мцыри»; 84, 86 «Исповеди» и 548–549 «Боярина Орши»; 552–554 «Боярина Орши» и 443–445 «Мцыри»; 27–44 «Исповеди» и 578–595 «Боярина Орши»; 45–66 «Исповеди», 596–617 «Боярина Орши» и 128–149 «Мцыри»; 144–151, 153–155, 156–160 «Исповеди» и 1042–1049, 1055–1057, 1050–1054 «Боярина Орши».

Существует рассказ П. А. Висковатова о возникновении замысла поэмы, основанный на свидетельствах А. П. Шан-Гирея и А. А. Хастатова. Поэт, странствуя в 1837 году по старой Военно-грузинской дороге, «наткнулся в Мцхете... на одинокого монаха или, вернее старого монастырского служку „Бэри“ по-грузински. Сторож был последний из братии упраздненного близлежащего монастыря. Лермонтов с ним разговорился и узнал от него, что родом он горец, плененный ребенком генералом Ермоловым во время экспедиции. Генерал его вез с собою и оставил заболевшего мальчика монастырской братии. Тут он и вырос; долго не мог свыкнуться с монастырем, тосковал и делал попытки к бегству в горы. Последствием одной такой попытки была долгая болезнь, приведшая его на край могилы. Излечившись, дикарь угомонился и остался в монастыре, где особенно привязался к старику монаху. Любопытный и живой рассказ „Бэри“ произвел на Лермонтова впечатление... и вот он решился воспользоваться тем, что было подходящего в „Исповеди“ и „Боярине Орше“, и перенес всё действие из Испании и потом Литовской границы – в Грузию. Теперь в герое поэмы он мог отразить симпатичную ему удачу непреклонных свободных сынов Кавказа, а в самой поэме изобразить красоты кавказской природы» («Русск. старина», 1887, № 10, стр. 124–125).

В литературе о Лермонтове указывалось на некоторые неточности в приведенном рассказе Висковатова (см.: Ираклий Андроников. Лермонтов. Изд. «Советский писатель», М., 1951, стр. 150–154).

«Мцыри» состоит из 26 небольших глав и почти целиком представляет собой монолог героя.

В начале поэмы Лермонтов описал древний Мцхетский собор и могилы последних грузинских царей Ираклия II и Георгия XII, при котором состоялось в 1801 году присоединение Грузии к России.

Центральный эпизод «Мцыри» – битва героя с барсом – основан на мотивах грузинской народной поэзии, в частности хевсурской песни о тигре и юноше, тема которой нашла отражение и в поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» (см.: Ираклий Андроников. Лермонтов. Изд. «Советский писатель», М., 1951, стр. 144–150). Известны 14 вариантов древней грузинской песни «Юноша и тигр», опубликованные А. Г. Шанидзе (см.: Л. П. Семенов. Лермонтов и фольклор Кавказа. Пятигорск, 1941, стр. 60–62).

Революционным демократом был близок бунтарский пафос поэмы «Мцыри». «Что за огненная душа, что за могучий дух, что за исполинская натура у этого Мцыри! Это любимый идеал нашего поэта, это отражение в поэзии тени его собственной личности. Во всем, что ни говорит Мцыри, веет его собственным духом, поражает его собственной мощью», – писал В. Г. Белинский (Белинский, т. 6, стр. 54).

По мысли Н. П. Огарева, Мцыри у Лермонтова – «его самый ясный, или единственный идеал» (Н. Огарев. Предисловие к сб. «Русская потаенная литература XIX столетия», ч. I, Лондон, 1861, стр. LXVI).

Сказка для детей (стр. 172, 364)
Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 30 (отдельные листы).
Существует черновой автограф того же текста без заглавия – ИРЛИ, оп. 1, № 14 (отдельные листы).

Опубликована впервые в «Отеч. записках» (1842, т. 20, отд. I, стр. 116–123).

В тексте первой публикации отсутствуют стихи 33 и 115–116, очевидно исключенные цензурой. Под текстом дата: «1841 год». На этом основании 1841 годом датируют поэму П. А. Ефремов (Соч. под ред. Ефремова, т. I, стр. 148) и Арс. И. Введенский (Соч. под ред. Введенского, т. 2, ч. I, стр. 94). Однако указанную

собрание сочинений в шести томах. Том 4. Поэмы 1835–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.r
дату нельзя считать достоверной. В Соч. под ред. Висковатова (т. 2, стр. 348) высказывается предположение, что поэма писалась не позже 1840 года, так как, отправляясь в 1840 году в ссылку на Кавказ, Лермонтов передал все свои рукописи А. А. Краевскому. Между ними находилась и «Сказка для детей». В Соч. под ред. Болдакова (т. 2, стр. 430–433) поэма датируется второй половиной 1839 года.

Наиболее существенным основанием для датировки поэмы по содержанию являются строки в черновом тексте, заключающие отклик на международные события, злободневность которых поэт подчеркивает:

Меж тем о благе мира чуждых стран
Заботимся, хлопочем мы не в меру,
С Египтом новый сладил ли султан?
Что Тьер сказал – и что сказали Тьеру?

Лермонтов имеет здесь в виду турецко-египетский конфликт 1839–1841 годов и особую заинтересованность, которую проявляла Франция по отношению к Турции в это время. В июле 1839 года на турецкий престол вступил новый султан Абдул-Меджид. Отсюда можно заключить, что поэма написана не ранее середины 1839 года (Соч. под ред. Болдакова, т. 2, стр. 432). Высказывалось предположение, что поэма не могла быть написана ранее марта 1840 года, так как министр Адольф Тьер, о котором говорится в приведенном тексте, возглавил новый французский кабинет только первого марта этого года («Ученые записки Лен. Гос. университета», № 87), Серия гуманитарных наук, Саратов, 1943, стр. 169–171; ср. Соч. изд. библиотеки «Огонек», т. 2, стр. 495). Однако уже летом и осенью 1839 года возникали слухи об образовании нового французского кабинета с Тьером во главе. В это время газеты усиленно писали о том, «что Тьер сказал и что сказали Тьеру» (см.: «Сев. пчела», 1839, 9–11 августа, №№ 177–179, и 18 октября, № 235). Таким образом, стих о Тьере мог быть написан и до того, как Тьер стал главой кабинета. В конце апреля 1840 года Лермонтов был сослан на Кавказ. Трудно допустить, что Лермонтов начал работу над поэмой в ссылке. В 1841 году турецко-египетский конфликт был разрешен, и события, связанные с ним, к этому времени утратили свою злободневность. По совокупности всех данных, поэма могла быть написана не ранее августа 1839 и не позднее весны 1840 года.

«Сказка для детей» – незаконченное произведение. Но и по содержанию, и по совершенству поэтического языка она занимает значительное место в творчестве Лермонтова. Поэма представляет собой определенный этап в работе Лермонтова над темой Демона, низведенного здесь с высот романтической абстракции в реальную общественную среду. «Снижение» образа подчеркивается бытовым колоритом повествования о жизни одного из аристократических домов, ироническими и шутивными авторскими отступлениями, декларативным отказом от канонов романтической поэтики. Во всем этом проявилось несомненное поэтическое родство поэмы с «Домиком в Коломне» Пушкина. Но в то же время пародийные интонации в «Сказке для детей», оттененные самим заглавием поэмы, сочетаются с глубоко лирическими мотивами. Лиричен прежде всего образ Нины, лиричен пейзаж, лиричны строки, содержащие намек на трагедию 14-го декабря (стихи 115–116).

В обзоре литературы за 1842 год В. Г. Белинский называет «Сказку для детей» лучшим и самым зрелым из творений поэта (Белинский, т. 8, стр. 20). Это высказывание критика послужило для некоторых исследователей доводом в защиту той точки зрения, что «Сказка для детей» представляет собой произведение законченное, обрывающееся намеренной недоговоренностью (Соч. изд. библиотеки «Огонек», т. 2, стр. 496). Существует и другая гипотеза, по которой сюжет «Сказки для детей» непосредственно связывается с сюжетом «Сашки», а самые поэмы рассматриваются как фрагменты единого, но неосуществленного замысла (Соч. изд. «Academia», т. 3, стр. 619).

Обе эти гипотезы не имеют достаточных фактических подтверждений. О том, что поэт не довел до конца работу над поэмой, говорит прежде всего сам состав произведения: текст появившихся 27 строф не замыкает ни одной из начатых сюжетных линий. Возможно, что «Сказка для детей» является незавершенной попыткой осуществить возникший у поэта еще в 1831 году замысел «написать длинную сатирическую поэму: Приключения Демона» (См.: «Планы и наброски», настоящее издание, т. VI).

Демон (стр. 183, 370)

Печатается по так называемому «придворному» списку – ЦГИАЛ, ф. № 1075 (Философовых), ед. хр. № 1179. Этот список, идущий от Лермонтова, писарской, с

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Поэмы 1835–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов *Lermontovmikhail.r*
поправками рукой А. П. Шан-Гирей, послужил для набора первого издания «Демона» в Карлсруэ в 1856 году. Стихи 742–749, то есть диалог «Зачем мне знать твои печали», вводится из второго карлсруйского издания «Демона», 1857 года. Стихи 36 (в «придворном» списке – «Как трещина, жилища змея»), 77 («Дыханья тысячи растений»), 90 («Седый Гудал себе построил»), 290 («Чей конь примчался запаленый»), 946 («Как мрамор, чуждый выраженья»), 974 («Безмолвно поражая в грудь») исправлены по авторизованному списку – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 4, то есть по тексту VI редакции поэмы (8 сентября 1838 года). Все эти исправления совпадают с текстом карлсруйского издания 1857 года.

Датируется началом 1841 года, когда Лермонтов, по приезде в отпуск с Кавказа, в последний раз переработал свою поэму. По рукописи этой окончательной, VIII, редакции и был изготовлен тогда же «придворный» список для чтения при дворе наследника (см. ниже). А. П. Шан-Гирей, свидетель работы Лермонтова над поэмой и, судя по поправкам в списке, участник в его изготовлении, впоследствии категорически утверждал, что этот список – «единственный экземпляр полный и после которого „Демон“ не переделывался» (А. П. Шан-Гирей. М. Ю. Лермонтов. Приложение к «Запискам» Е. А. Сушковой. Изд. «Academia», л., 1928, стр. 386).

При жизни Лермонтова поэма не была напечатана. По рукам ходили многочисленные списки с резко различавшимися текстами, в разных редакциях, иногда искусственно комбинирувавшихся переписчиками. Печатные тексты «Демона», как и списки, сильно различались друг от друга. Автографа же или авторитетного списка поэмы в последней редакции не сохранилось. Всё это породило ожесточенные споры исследователей-литературоведов на протяжении почти целого столетия по вопросу о том, что же считать последней редакцией поэмы. Было выдвинуто даже предложение обратиться к методу реконструкции текста «Демона» путем сличения ряда списков и составления на их основе редакции, наиболее приближающейся к авторской. Положить конец этим спорам могло нахождение авторитетной рукописи последней редакции «Демона». Такая рукопись («придворный» список) была найдена в 1939 году (в фондах ЦГИАЛ).

По смерти поэта А. А. Краевский хотел опубликовать поэму в «Отеч. записках». Так как подлинника у Краевского не было, то поэма набиралась по неавторитетному списку. Краевский подписал к печати корректуру 9 декабря 1841 года, однако в январском номере журнала, вместо поэмы, появилось извещение: «Поэма Лермонтова „Демон“ не будет напечатана по причинам, не зависящим от редакции» («Отеч. записки», 1842, т. 20, № 1, отд. VI, стр. 42). С большим трудом удалось В. Г. Белинскому и А. А. Краевскому получить цензурное разрешение на публикацию отрывков из «Демона» по списку, собственноручно изготовленному и отредактированному Белинским и являвшемуся контаминацией текстов двух редакций – 8 сентября 1838 года и начала 1841 года, с предпочтением первой из них, ценившейся Белинским выше в идейном отношении (см.: А. Михайлова. Белинский – редактор Лермонтова. «Лит. наследство», т. 57, 1951, стр. 261–272). Эти отрывки появились в «Отеч. записках» (1842, т. 22, № 6, отд. I, стр. 187–201) без заглавия, как «Отрывки из поэмы», и перепечатывались потом без изменений в «Стихотворениях М. Лермонтова», изданных И. Глазуновым (ч. 2, СПб., 1842, стр. 163–197), в «Сочинениях Лермонтова», изданных А. Смирдиным (т. 1, СПб., 1847, стр. 220–242) и позднее – И. Глазуновым (изд. 3-е, т. 1, СПб., 1852, стр. 218–240; изд. 4-е, т. 1, СПб., 1856, стр. 218–240).

Запрещенный в России, «Демон» был впервые издан полностью за границей (в Бадене, в Карлсруэ), [23] в 1856 году, по «придворному» списку, А. И. философским, родственником Лермонтова по жене своей, урожденной Столыпиной (о философских см.: А. Н. Михайлова. Лермонтов и его родня по документам архива А. И. философа. «Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 661–690). В распоряжении философа был также автограф последней редакции поэмы, по которому изготовлялся «придворный» список. Этот автограф, представлявший переработку беловика VII редакции в последнюю (VIII), был прислан ему собственником рукописи, Д. А. Столыпиным. В 1857 году в Карлсруэ было напечатано второе издание «Демона» (с титулом, тождественным изданию 1856 года) при участии И. И. Базарова, несколько отличавшееся от первого. В основу его Базаров положил автограф, содержащий исправления, сделанные поэтом в начале 1841 года, причем некоторые исключенные Лермонтовым стихи попали в основной текст второго издания. В нем, например, был напечатан диалог Тамары с Демоном «Зачем мне звать твои печали», а вместо стихов 396–405 первого издания («Напрасно женихи толпою...») в основном тексте второго издания даны 16 стихов VI редакции поэмы (от слов «Не буду я ничьей женою»), стихи же последней, VIII, редакции помещены в подстрочном примечании, и т. д.

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Поэмы 1835–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов [Lermontovmikhail.r](#)
(см. варианты, стр. 374–375).

Автограф поэмы до сих пор не найден (возможно, остался в типографии). Сохранилось лишь описание его, сообщенное Д. А. Столыпиным П. К. Мартьянову и характеризующее состояние рукописи до позднейших поправок. «Это была тетрадь большого листового формата, сшитая из дести обыкновенной белой писчей бумаги и перегнутая сверху донизу надвое. Текст поэмы написан четко и разборчиво, без малейших поправок и перемарок, на правой стороне листа, а левая оставалась чистой» (П. К. Мартьянов. Дела и люди века, т. 3. СПб., 1896, стр. 86). Этот беловой текст (VII редакции) был переработан Лермонтовым в 1841 году путем зачеркиваний и вставок в восьмую, последнюю редакцию, подобно тому, как беловой текст второй редакции в тетради IV был превращен поэтом после правки в черновик III редакции – см. примечания ко II редакции «Демона», стр. 420. (Разночтения VII редакции с окончательной сообщены в примечаниях карлсруйских изданий и приведены в настоящем томе на стр. 370–374). По словам Д. А. Столыпина, «сделанные в С.-Петербурге в 1841 году последние исправления поэмы писаны также без помарок на левой стороне, против зачеркнутых направо строф и строк правильной, как бы по линейке, диагональной чертой справа налево» (П. К. Мартьянов. Дела и люди века, т. 2. СПб., 1893, стр. 126). Об этом же свидетельствует и надпись, сделанная А. И. Философовым на заглавном листе «придворного» списка (после слов «Демон. Восточная повесть»): «Сочиненная Михайлом Юрьевичем Лермонтовым 4-го декабря 1838 года – переписана с первой своеручной его рукописи, с означением сделанных им на оной перемарок, исправлений и изменений. – Оригинальная рукопись так чиста, что перелистывая оную подумаешь, что она писана под диктовку или списана с другой». Эта надпись и была воспроизведена на титульном листе карлсруйских изданий, за исключением даты. Философов, очевидно, уже в корректуре уничтожил эту дату, так как фактически в Карлсруэ печатался не текст 4 декабря 1838 года (VII редакция), а текст, являвшийся результатом переработки поэмы в 1841 году и ставший теперь черновым, то есть текст последней (VIII) редакции поэмы. Слова Философова «оригинальная рукопись так чиста» относились к первоначальному слою автографа. Вторая дата («Сентября 13-го 1841-го года»), вписанная Философовым на заглавный лист «придворного» списка и напечатанная на титульном листе карлсруйских изданий, взята Философовым тоже с автографа. Это, очевидно, была чья-то помета, обозначавшая время передачи А. П. Шан-Гиреем Д. А. Столыпину автографа «Демона» после смерти Лермонтова (см.: П. К. Мартьянов. Дела и люди века, т. 2. СПб., 1893, стр. 130).

Большой заслугой А. И. Философова является тот факт, что он не только напечатал последнюю редакцию поэмы, но и привел (по автографу) в подстрочных примечаниях варианты предшествовавшей ей VII редакции (4 декабря 1838 года), что дает возможность, несмотря на утерю автографа, восстановить ее.

Подробнее о карлсруйских изданиях см.: А. Н. Михайлова. Последняя редакция «Демона». «Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 11–22.

Одновременно с карлсруйскими появились два берлинских издания «Демона» (1856 и 1857 годов), напечатанные по неудовлетворительным спискам. Текст их близок к VI и VII редакциям (8 сентября и 4 декабря 1838 года).

В 1860 году поэма «Демон» была, наконец, напечатана полностью и в России – в Соч. под ред. Дудышкина (т. 1, стр. 7–50), по списку, в основном дающему последнюю редакцию поэмы, но со строфой XIV второй части из VI редакции (со стихом: «... с небом гордая вражда»). Последующие издания поэмы уже представляли перепечатку карлсруйских изданий, с предпочтением того или другого из них. Как правило, воспроизводился текст первого карлсруйского издания с исправлениями его по второму изданию или же, наоборот, текст второго издания с исправлениями по первому.

Исключение составляют текст «Демона» в Соч. под ред. Висковатова (т. 3, 1891, стр. 4–45), данный редактором по фальсифицированному им списку (см.: «Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 12), и текст поэмы в Соч. изд. Академической библиотеки (т. 2, 1910, стр. 351–383; 1916, стр. 367–400), напечатанный по корректуре А. А. Краевского, несмотря на всю ее неудовлетворительность.

Советские текстологи (Б. М. Эйхенбаум и др.) пошли по правильному пути, печатая «Демона» по первому карлсруйскому изданию. Из второго карлсруйского издания они брали диалог «Зачем мне знать твои печали», удаленный Лермонтовым из последней

собрание сочинений в шести томах. Том 4. Поэмы 1835–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов termontovmikhail.ru.
редакции. Диалог включался (и включается в настоящее издание) вследствие его идейной ценности, несмотря на некоторое противоречие его с новым контекстом.

Поэма «Демон» является плодом многолетней поэтической работы Лермонтова, его философских раздумий. Начав поэму еще мальчиком, в Благородном пансионе при Московском университете, неоднократно перерабатывая ее в зрелом возрасте, поэт окончательно отшлифовал ее лишь за несколько месяцев до смерти, уже будучи автором «Сказки для детей», где он простился с демонизмом, назвав его «безумным, страстным, детским бредом» (стих 27).

I редакция «Демона» (1829 года) состоит из стихотворных набросков и двух прозаических записей сюжета. Несмотря на фрагментарность, в ней уже дается характеристика Демона, начало его диалога с героиней. Первый стих («Печальный Демон, дух изгнания») и стихотворный размер поэмы сохраняются во всех редакциях поэмы, за исключением IV. В том же (1829) году Лермонтов пишет стихотворение «Мой демон», которое позднее, в 1830–1831 годах, перерабатывает (см. настоящее издание, т. I, стр. 57 и 318). Оно возникло под влиянием стихотворения Пушкина «Демон» (1823 г.), напечатанного в «Мнемозине» в 1824 году под заглавием «Мой демон».

Во II редакции (начала 1830 года) делается попытка раскрыть образ героини, сообщаются сведения о ее прошлом, есть намек на место действия (монахиня сидит с испанской лютней в руках – см. стих 73).

Тетрадь XI (ИРЛИ, оп. 1, № 11) на л. 18 об. содержит любопытную запись Лермонтова 1831 года: «Метод: написать длинную сатирическую поэму: приключения демона». Эта запись, предшествующая черновым наброскам третьей редакции «Демона» в той же тетради (на л. 30 об.), свидетельствует, что, приступая к очередной переработке поэмы, поэт хотел дать новую трактовку образа Демона (этот замысел был осуществлен много позднее, в «Сказке для детей», где тема Демона разработана иронически, на основе реального материала петербургской жизни).

В III редакции (1831 года) история героини якобы извлекается из пыльного пергамента, найденного каким-то странником, вводится «Песнь монахини», впервые дается диалог «Зачем мне знать твои печали», исключенный поэтом только из текста последней редакции. Тексту поэмы предшествует посвящение («Прими мой дар, моя мадона!») и эпиграф из драматической мистерии Байрона «Каин».

Одновременно поэт разрабатывает демоническую тему в поэмах «Азраил» и «Ангел смерти».

В том же 1831 году Лермонтов набрасывает семь строф IV редакции «Демона», изменив стихотворный размер (четырёхстопный ямб заменяется пятистопным). Эта редакция остается незавершенной. В приписке к ней поэт выражает чувство неудовлетворенности своими поэтическими пробами: «Я хотел писать эту поэму в стихах: но нет. – В прозе лучше». В конце этого года или же в 1832 году Лермонтов принимается за большой социально-исторический роман в прозе из эпохи пугачевского восстания с демонической личностью главного героя – горбуна Вадима.

К 1832 году относится запись сюжета, не осуществленного, впрочем, Лермонтовым:

«Демон. Сюжет. Во время пленения евреев в Вавилоне (из Библии). Еврейка; отец слепой; он в первый раз видит ее спящую. Потом она поет отцу про старину и про близость ангела; и проч. как прежде. Евреи возвращаются на родину – ее могила остается на чужбине» (см. настоящее издание, т. VI).

В 1833–1834 годах Лермонтов возвращается к III редакции «Демона», отбрасывает эпиграф и посвящение, углубляет характеристику своего героя и дополняет пейзажные зарисовки. Это была V редакция поэмы.

Наиболее основательной, капитальной переработке подверглась поэма по возвращении поэта из первой ссылки. Общение с кавказской природой, знакомство с поэтическим миром кавказских народных преданий помогают ему внести реалистические элементы в старый романтический замысел. Появляется VI редакция поэмы (так называемая первая кавказская редакция), датированная 8 сентября 1838 года. Если в ранних редакциях действие происходит вне определенного места и времени, в нереальной обстановке (можно только догадываться, что где-то на юге, на берегу моря), то теперь события развиваются на Кавказе; яркими красками обрисовываются феодальный

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Поэмы 1835–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов *Lermontovmikhail.r*
быт Грузии, ее природа; бледная фигура безымянной монахини заменяется страстным, мятежным образом грузинской княжны Тамары. Под влиянием грузинской народной легенды о любви горного духа к земной девушке изменяется и сюжет: соперником Демона является не Ангел, а жених Тамары, молодой князь, «властитель Синодала» (см.: Ираклий Андроников. Лермонтов. Изд. «Советский писатель», М., 1951, стр. 122–129, 138–139, 176–179). Поэма сопровождается посвящением («Я кончил – и в груди невольное сомненье...»).

Потерпев неудачу с печатанием драмы «Маскарад», поэт сознавал, насколько трудно будет провести через цензуру его вольнолюбивую поэму. В том же году (вероятно, по совету А. Н. Муравьева) он подвергает ее новой переработке. Так появляется VII редакция (4 декабря 1838 года). Во вторую часть поэмы вводится клятва Демона, знаменующая стремление его к добру, к примирению с небом. Переделке подверглось изображение мертвой Тамары, причем был исключен смелый стих, особенно пленявший Белинского: «... с небом гордая вражда». Однако в этой, VII, редакции Тамара после смерти всё еще остается во власти Демона. Так как поэма готовилась к печати, то посвящение, носившее интимный характер, было снято. Произведение получило подзаголовок: «Восточная повесть».

В этих двух редакциях 1838 года Лермонтов читает свою поэму друзьям. С нею знакомится В. А. Жуковский, отметивший в своем дневнике 24 октября 1839 года: «Поездка в Петербург с Вьельгорским по железной дороге. Дорогою чтение „Демона“» (Дневники В. А. Жуковского. СПб., 1903, стр. 508).

Несмотря на изменения, сделанные по цензурным соображениям, поэт не надеялся добиться напечатания поэмы полностью и хотел ограничиться опубликованием в «Отеч. записках» отрывков из нее. Это видно из письма А. А. Краевского к И. И. Панаеву от 10 октября 1839 года: «Лермонтов отдал бабам читать своего „Демона“, из которого хотел напечатать отрывки, и бабы чорт знает куда дели его; а у него уж разумеется нет чернового; таков мальчик уродился!» (И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Изд. «Academia», М.-Л., 1928, стр. 310).

Дуэль с Барантом и последовавшая затем ссылка помешали Лермонтову осуществить свое намерение. В последний приезд в Петербург в начале 1841 года его надежды на печатание поэмы снова ожили в связи с чтением «Демона» при дворе наследника (см.: «Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 681). Прежде чем изготовить список для этого чтения, поэт еще раз переработал поэму. Был выпущен диалог «Зачем мне знать твои печали», который явился бы камнем преткновения для цензуры, и изменена концовка. В этой редакции поэма завершается спасением души Тамары; побежденный Демон проклинает «мечты безумные свои». Однако Демон попрежнему остается дерзким, мятежным и надменным врагом неба. Это была последняя, по счету VIII, редакция поэмы.

Вследствие неблагоприятных обстоятельств, сложившихся к концу пребывания Лермонтова в Петербурге, он решил отложить печатание «Демона» до более удобного момента. Перед отъездом на Кавказ поэт передал автограф поэмы на хранение А. П. Шан-Гирею, сказав ему: «„Демона“ мы печатать погодим, оставь его пока у себя» (А. П. Шан-Гирей. М. Ю. Лермонтов. Приложение к «Запискам» Е. А. Сушковой. Изд. «Academia», Л., 1928, стр. 388). Этот автограф по смерти Лермонтова был передан Шан-Гирею Д. А. Столыпину, брату А. А. Столыпина-Монго. Так называемый «придворный» список остался в личной библиотеке наследника. В 1856 году обе рукописи оказались в распоряжении первого издателя полного текста «Демона», А. И. Филоsoфова (см. выше, стр. 413).

Лермонтов, несомненно, был хорошо знаком с обработками легенд о дьяволе в творчестве Мильтона, Байрона, Мура, Гёте, А. де-Виньи и других, однако история создания этой поэмы свидетельствует о том, что она возникла как произведение самобытное, связанное самым тесным образом с русской общественной жизнью того времени. В поэме «Демон» Лермонтов выразил не только свои личные настроения, но и протестующие настроения своего поколения, – поколения нарождавшейся русской революционно-демократической интеллигенции, возглавлявшейся Белинским. Поэтому неудивительно, что «драма, развивающаяся в поэме между мифическими существами, имела для Белинского совершенно реальное содержание как биография или мотив из жизни действительного лица» (П. В. Анненков. Литературные воспоминания. Изд. «Academia», Л., 1928, стр. 249).

Еще при жизни Лермонтова, в начале 1841 года (в статье о «Стихотворениях М. Лермонтова»), Белинский дает восторженный отзыв о «Демоне»: «Как жаль, что не

собрание сочинений в шести томах. Том 4. Поэмы 1835–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail. ru
напечатана другая поэма Лермонтова, действие которой совершается тоже на Кавказе и которая в рукописи ходит в публике, как некогда ходило „Горе от ума“: мы говорим о „Демоне“. Мысль этой поэмы глубже и несравненно зрее, чем мысль „Мцыри“, и хотя исполнение ее отзывается некоторою незрелостью, но роскошь картин, богатство поэтического одушевления, превосходные стихи, высота мыслей, обаятельная прелесть образов ставят ее несравненно выше „Мцыри“ и превосходят всё, что можно сказать в ее похвалу» (Белинский, т. 6, стр. 60).

Позднее, в письме к В. П. Боткину от 17 марта 1842 года, Белинский, называя поэму «детским, незрелым» и в то же время «колоссальным созданием», писал, что содержание ее, «добытое со дна глубочайшей и могущественнейшей природы, исполинский взмах, демонский полет – с небом гордая вражда», и в заключение говорил взволнованно: «„Демон“ сделался фактом моей жизни, я твержу его другим, твержу себе, в нем для меня – миры истин, чувств, красот» (Письма, т. 2, стр. 284–285).

И Боткин писал в ответ Белинскому: «Да, пафос его („Демона“, – Ред.), как ты совершенно справедливо говоришь, есть „с небом гордая вражда“. Другими словами, отрицание духа и мирозерцания, выработанного средними веками, или, еще другими словами – пребывающего общественного устройства» (А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка, т. 2, СПб., 1876, стр. 144).

«Демон» был воспринят современниками как истинно великое поэтическое произведение, как призыв к свободе, к борьбе за права человеческой личности, как смелый протест против «пребывающего общественного устройства», против жестокой николаевской действительности, «где преступленья лишь да казни». Поэма в тысячах списков разошлась по России. Вот свидетельство одного из современников Лермонтова об огромном успехе ее, особенно среди молодежи: «Все мы помним, какое громадное, потрясающее впечатление производила эта поэма во время нашей молодости, лет двадцать тому назад. Вся читающая Россия знала ее наизусть...» (В. Р. Зотов. «Демон», поэма Лермонтова. «Северное сияние», т. 2, СПб., 1863, стр. 92).

Исследователи неоднократно указывали на встречающиеся в «Демоне», особенно в ранних редакциях, перефразировки из стихотворного наследия Пушкина. К числу таких перефразировок принадлежат, например, стихи 3–4 в первой и последующих редакциях поэмы:

И лучших дней воспоминанья
Чредой теснились перед ним...
ср. у Пушкина в «Кавказском пленнике»:

И лучших дней воспоминанье
В увядшем сердце заключил.
Стихи 55–59 VI и VIII редакций ср. тоже со стихами из «Кавказского пленника»:

Таил в молчаньи он глубоко
Движенья сердца своего,
И на челе его высоко
Не изменялось ничего.
Заключительные стихи второго посвящения к I редакции поэмы

И вот печальные мечты,
Плоды душевной пустоты!..
ср. со стихами из стихотворения Пушкина «Я пережил свои желанья»:

Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.
Стихи 78–79 I редакции и 56–57 II редакции

Всё оживилось в нем, и вновь
Погибший ведает любовь
ср. со стихами в «Полтаве»:

Но чувства в нем кипят, и вновь
Мазепа ведает любовь.
Стихи 202–205 V редакции

Вокруг него ряды крестов,
Немые сторожи гробов,
Как стадо летом пред грозой,
Пестрея жмутся меж собою..
ср. со стихами из «Пира во время чумы»:

И могилы меж собой,
Как испуганное стадо,
Жмутся тесной чередой.
Стих 402 последней редакции

Я вяну, жертва злой отравы!
ср. со стихом из стихотворения Пушкина «Война»:

Я таю, жертва злой отравы.
И т. д.

См. также примечания к I–VI редакциям «Демона».

В стихах 483–484

И мыслит он: «То горный дух
Прикованный в пещере стонет!»
Лермонтов отразил народные грузинские и осетинские легенды о горном духе Амирани, подобно Прометею принесшем огонь с неба. В некоторых легендах Амирани борется с небом за справедливость на земле (см.: Ираклий Андроников. Лермонтов. Изд. «Советский писатель», М., 1951, стр. 129–131).

Демон, I редакция, 1829 года (стр. 221, 375)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), лл. 10–14 об.

Впервые опубликована, с неточностями, в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 29–33).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III, содержащей произведения этого года.

Демон, II редакция, начало 1830 года (стр. 226, 377)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), лл. 2–10 об. Текст «Демона» в тетради IV представляет собою два слоя, из которых ранний дает II редакцию, а поздний, явившийся в результате поправок, –

III редакцию. Здесь печатается нижний, первоначальный его слой, являющийся беловым текстом II редакции (начала 1830 года). Переработанный Лермонтовым в 1831 году, этот текст со всеми изменениями и наслоениями, возникшими в результате его переработки, является уже черновиком III редакции поэмы (см. примечания и варианты к тексту III редакции). Стих 16, отсутствующий в тексте 1830 года и, вероятно, пропущенный при переписке поэмы, вставлен из текста 1831 года.

II редакция «Демона» впервые опубликована Н. Ф. Бабушкиным, с неточностями, по тетради IV в «Трудах Самаркандского Гос. педаг. института им. А. М. Горького», т. 4 (Самарканд, 1942, стр. 112–122); им же, в более исправном виде – в «Ученых записках Томского Гос. университета им. В. В. Куйбышева», вып. 16 (Томск, 1951, стр. 41–48). См. также примечания к III редакции.

В автографе – позднейшая помета Лермонтова в скобках, относящаяся к тексту II редакции: «Писано в пансионе в начале 1830 года».

Демон, III редакция, 1831 года (стр. 241, 377)
Печатается по беловому автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 27 (тетрадь XXII, принадлежала М. Дешан де Виллер), лл. 1–12 об. черновой автограф (с черновым наброском посвящения «Когда последнее мгновенье», без посвящения «Прими мой дар, моя мадона!» и без стихов 276–296 и 353–363, с нумерацией главков, отсутствующей в беловом автографе) – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV, см. примечания ко II редакции), лл. 1 об. – 11; черновой автограф с тремя отрывками (первоначальный набросок посвящения «Прими мой дар, моя мадона!» и стихи 276–294, 353–360) – там

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Поэмы 1835–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов *Lermontovmikhail.r*
же, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 30.

Данная редакция впервые опубликована с пропусками по тетради IV в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 35–47); отрывки – в «Библиогр. записках» (1859, т. 2, № 12, стлб. 379–382); полностью и с послесловием «Я не для ангелов и рая» – в Соч. под ред. Висковатова, т. 3 (1891, стр. 54–74), где дана компиляция текстов III редакции по автографам тетради IV и тетради XXII и в подстрочных примечаниях, в качестве вариантов, отрывки текста II редакции, начала 1830 года (по тетради IV). Окончательный текст III редакции (по тетради XXII) был дан впервые в Полном собрании сочинений М. Ю. Лермонтова, Гос. изд., М.-Л., 1926, стр. 258–263. Посвящение («Прими мой дар, моя мадона!») впервые опубликовано в «Москвитяине» (1855, № 6, стр. 186); послесловие («Я не для ангелов и рая»), с неточностями – в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 48); вариант посвящения («Когда последнее мгновенье») – в Соч. под ред. Висковатова, т. 1 (1889, стр. 75).

На обложке тетради XXII – дата рукой Лермонтова: «1831 год».

Посвящение («Прими мой дар, моя мадона!») навеяно, повидимому, пушкинским стихотворением «Мадона», появившимся в отпечатанном в Москве альманахе «Сиротка» на 1831 год. Это посвящение обращено к В. А. Лопухиной и написано поздней осенью 1831 года, так как первоначальный набросок его стоит в тетради XI на л. 30, непосредственно после стихотворения «Ужасная судьба отца и сына» (на л. 29 об.). На л. 30 об. имеется автобиографическая запись: «2-го декабря: св. Варвары. Вечером возвратясь. Вчера еще я дивился продолжительности моего счастья! – Кто бы подумал, взглянув на нее, что она может быть причиною страданья?». Эта запись подтверждает, что посвящение обращено к Лопухиной.

Стихи 15–16 посвящения

Обманы были мне не новы,
И яд был на сердце моем
содержат намек на отношения и разрыв с Н. Ф. Ивановой.

Демон, IV редакция, 1831 года (стр. 259, 385)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 10 (тетрадь X), л. 38–38 об.

Впервые напечатана в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 256–258) и без прозаической приписки Лермонтова в «Библиогр. записках» (1859, т. 2, № 12, стлб. 378–379).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради X.

Демон, V редакция, 1833–1834 годы (стр. 262, 386)
Печатается по авторизованному списку – ИРЛИ, оп. 1, № 45 (список – рукой А. П. Шан-Гирея, его же рукой – карандашные поправки), лл. 2–9. Имеется также список, принадлежавший К. А. Булгакову, – ИРЛИ, оп. 2, № 2 (текст его, сравнительно с авторизованным списком, представляет более раннюю стадию работы Лермонтова над V редакцией). Описка в стихе 509 («В чертах недвиженных таилась») исправлена по авторизованному списку VI редакции (ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 4): «В чертах недвижимых таилась».

V редакция «Демона» впервые опубликована (по списку Булгакова) в Соч. под ред. Введенского, т. 2 (1891, стр. 63–74) и в Соч. под ред. Висковатова, т. 3 (1891, стр. 77–93).

Датируется 1833–1834 годами. В 1833 году Н. Ульянов получил булгаковский список поэмы, переданный им впоследствии А. А. Краевскому (см. Соч. под ред. Висковатова, т. 3, 1891, стр. 109). Хотя список Булгакова датирован позднее неизвестной рукой 1832 годом, однако в этом году Лермонтов, писавший роман «Вадим» и готовившийся сначала к переезду в Петербург, а затем к поступлению в Школу гвардейских подпрапорщиков, конечно, не имел возможности заниматься переработкой своей поэмы. Вероятнее всего, он переработал ее в начале 1833 года, когда вследствие перелома ноги больше двух месяцев пролежал дома. Авторизованный же список рукой А. П. Шан-Гирея, содержащий окончательную стадию работы Лермонтова над V редакцией поэмы, изготовлен не ранее 1834 года, так как Шан-Гирей приехал в Петербург и поселился у Е. А. Арсеньевой в начале этого года.

Стих 26 («Грозой оторванный листок») повторяется потом в поэме «Мцыри» (см. стих 105).

Стихи 339–341 ср. со следующими стихами из поэмы «Исповедь»:

Что без нее земля и рай?
Пустые звонкие слова,
Блестящий храм без божества!
См. также в «Боярине Орше»:

Что без нее земля и рай?
Одни лишь звучные слова,
Блестящий храм – без божества!..
Демон, VI редакция, 8 сентября 1838 года (стр. 279, 387)
Печатается по авторизованному списку – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 4 (отдельные поправки в списке – рукой А. П. Шан-Гирея). Текст последней строфы посвящения, в рукописи частично вырванный, восстанавливается по первопечатному тексту («Отч. записки», 1843, т. 28, № 6, отд. I, стр. 376 – «Посвящение, приписанное в конце одного из экземпляров поэмы „Демон“»).
Печатаются по авторизованному списку – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 4 (отдельные поправки в списке – рукой А. П. Шан-Гирея). Текст последней строфы посвящения, в рукописи частично вырванный, восстанавливается по первопечатному тексту («Отч. записки», 1843, т. 28, № 6, отд. I, стр. 376 – «Посвящение, приписанное в конце одного из экземпляров поэмы „Демон“»).

По цензурным условиям впервые были опубликованы только отрывки из «Демона» – в «Отч. записках» (1842, т. 22, № 6, отд. I, стр. 187–201), по списку, собственноручно изготовленному и отредактированному В. Г. Белинским (ЛБ, М. 3151), представлявшему контаминацию текстов редакций 8 сентября 1838 года и начала 1841 года, с предпочтением первой из них (см.: «Лит. наследство», т. 57, 1951, стр. 261–272). Полностью, но с неточностями, текст VI редакции был опубликован в «Русск. вестнике» (1889, № 3, стр. 411–425). Позднее давался лишь в отрывках (Соч. под ред. Висковатова, т. 3, 1891, стр. 94–106; Соч. изд. т-ва И. Н. Кушнерева, т. 3, М., 1891, стр. 10–13; «Демон» изд. т-ва Кушнерева, М., 1909) или в вариантах, притом далеко не исчерпывающим образом (Соч. изд. «Academia», т. 3, 1935, стр. 641–645).

На обложке авторизованного списка – дата рукой Лермонтова: «1838 года сентября 8 дня».

Это так называемая первая кавказская редакция, т. е. текст поэмы до ее двукратной переработки Лермонтовым (4 декабря 1838 года и в начале 1841 года) под давлением цензурных условий того времени. Белинский ценит ее выше последней редакции, в которой бунтарское звучание было несколько сглажено Лермонтовым.

Стихи 612–615 (и стихи 627–630 последней редакции) ср. со следующими стихами из поэмы «Исповедь»:

Что без нее земля и рай?
Пустые звонкие слова,
Блестящий храм без божества!
См. также в «Боярине Орше»:

Что без нее земля и рай?
Одни лишь звучные слова,
Блестящий храм – без божества!..
Стихи 864–868 (и стихи 944–948 последней редакции) ср. со следующими стихами из поэмы «Боярин Орша»:

Спокойны были все черты,
Исполнены той красоты,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной, как смерть сама.
Монго (стр. 310)

Печатается по «Библиогр. запискам» (1861 г., № 20, стлб. 653–658), где поэма была впервые опубликована П. А. Ефремовым с некоторыми купюрами и неточностями.

Автографы и авторизованные копии поэмы не сохранились. Единственный дошедший до нас список О. И. Квиста (ИРЛИ, оп. 2, № 78) весьма неисправен. Список, по которому впервые напечатал поэму П. А. Ефремов, также не сохранился, однако в бумагах Ефремова имеется копия с этого списка (ИРЛИ, оп. 4, № 25, лл. 110–113). На основании этой копии вносятся поправки и дополнения в текст настоящего

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Поэмы 1835–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов *Lermontovmikhail.r*.
издания.

По сообщению Н. О. Лернера («Литературное приложение» к «Ленинградской правде», 1928, № 185, 11 августа), в списке, принадлежавшем С. А. Андреевскому, после строки 248 вместо точек имелись следующие строки:

Так, силой вражеской гонимый,
В кипящий Тибр с мечом в руках
Прыгнул Коклес неустрашимый
И тем прославился в веках.

Поэма датируется 1836 годом. В списке О. И. Квиста рядом с заглавием имеются следующие пометы: «30 августа» и ниже (под ней): «19 сентября» (пометы перечеркнуты). Повидимому, эти даты обозначают время написания поэмы. Такое предположение поддерживается содержанием поэмы (в поэме описывается приключение, которое произошло летом во время лагерных учений), а также воспоминаниями В. П. Бурнашева (в данном случае, повидимому, вполне достоверными), где указывается, что поэма написана в первой половине сентября 1836 года («Русский архив», 1872, № 9, стлб. 1779–1781).

Монго – прозвище Алексея Аркадьевича Столыпина (1816–1858), двоюродного брата матери поэта и его близкого товарища. В 1835 году по окончании школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров Столыпин был выпущен в лейб-гвардии гусарский полк, где служил вместе с Лермонтовым (об А. А. Столыпине и его отношении к Лермонтову см.: «Лит. наследство», № 45–46, 1948, стр. 749–754).

Маёшка – фамильярное прозвище Лермонтова по имени популярного в те годы карикатурного типа французской сатирической литературы Мауеих (о происхождении этого имени см.: Е. П. Ростопчина. Записка о М. Ю. Лермонтове – в кн.: Е. Сушкова, Записки. Л., изд. «Academia», 1928, стр. 346. См. также: П. Н. Сакулин. Лермонтов-Маёшка. Известия отд. русск. языка и словесн. имп. Академии наук, 1910, т. 15, кн. 2, стр. 62–72).

В поэме описывается поездка Лермонтова и Столыпина к балерине Е. Е. Пименовой на дачу, находившуюся на Петергофской дороге близ Красного кабачка (См.: А. Меринский. Библиографические заметки о Лермонтове. «Библиогр. записки», 1859, № 12, стлб. 373; М. Н. Лонгинов. Заметки о Лермонтове и о некоторых его современниках. «Русская старина», 1873, № 3, стр. 381–384).

В некоторых изданиях сочинений М. Ю. Лермонтова «Монго» безоговорочно относят к числу так называемых «юнкерских поэм» и в зависимости от типа издания печатают эту поэму вместе с «Гошпиталем», «Уланшей» и «Петергофским праздником» или вместе с перечисленными выше поэмами исключают ее из собрания сочинений Лермонтова.

Отнесение «Монго» к «юнкерским поэмам» неточно уже потому, что это произведение написано Лермонтовым через полтора года после окончания юнкерской школы. Юнкерские поэмы были написаны для рукописного журнала «Школьная заря» и представляют, повидимому, плод коллективного творчества, причем доля участия Лермонтова в создании этих поэм не известна; все эти поэмы были подписаны псевдонимом «Гр. Диарбекир» (смысл этого псевдонима не известен). В отличие от «юнкерских поэм» «Монго» несомненно целиком написан Лермонтовым. В списке О. И. Квиста имеется помета: «Было подписано: „корнет Лермонтов“».

Иллюстрации

М. Ю. Лермонтов. Акварель К. А. Горбунова, 1841 г. Институт русской литературы Академии Наук СССР, Ленинград

Всадник под окном. Рисунок М. Ю. Лермонтова, 1832–1834 гг. Институт русской литературы Академии Наук СССР, Ленинград

Вид Крестовой горы из ущелья близ Коби. Автолитография М. Ю. Лермонтова, 1837 г. Институт русской литературы Академии Наук СССР, Ленинград

Воспоминание о Кавказе. Картина маслом М. Ю. Лермонтова, 1838 г. Институт русской литературы Академии Наук СССР, Ленинград

Две страницы автографа «Сказки для детей». Институт русской литературы Академии Наук СССР, Ленинград

Грузинки на крыше сакли. (Лезгинка). Рисунок М. Ю. Лермонтова, 1837 г. Институт русской литературы Академии Наук СССР, Ленинград

Кавказский вид с верблюдами. Картина маслом М. Ю. Лермонтова, 1837 г. Институт русской литературы Академии Наук СССР, Ленинград

Развалины на берегу Арагвы в Грузии. Рисунок М. Ю. Лермонтова, 1837 г. Институт русской литературы Академии Наук СССР, Ленинград

М. Ю. Лермонтов. Рисунок Д. П. Палена, 1840 г. Институт русской литературы Академии Наук СССР, Ленинград

Титульный лист «придворного» списка «Демона», 1841 г. Центральный Государственный исторический архив, Ленинград

От редакции

В подготовке текстов четвертого тома и комментировании их участвовали: Т. П. Голованова («Сашка», «Сказка для детей»), Г. А. Лапкина («Беглец», «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», «Тамбовская казначейша»), А. Н. Михайлова («Демон»), Л. Н. Назарова («Боярин Орша», «Мцыри»), Э. Э. Найдич («Монго»).

Выходные данные

Утверждено к печати Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР

Редактор издательства А. И. Соболева

Художник С. Н. Тарасов

Технический редактор Р. С. Певзнер

Корректоры М. М. Гальперн и Г. Т. Никифорова

РИСО АН СССР № 6–9В.

Подписано к печати 6/VII 1955 г.

М–41653. Бумага 60×92/16. Бум. л. 263/4.

Печ. л. 26.75. Уч. – изд. л. 20.94 + 10 вкл. (0.53 уч. – изд. л.).

Тираж 25 000.

Зак. № 45.

Цена 15 руб.

1-я тип. АН СССР.

Ленинград, В.О., 9-я линия, дом № 12.

Примечания

1

Тогда сердце ее разорвалось в одном протяжном крике,
И на землю она упала как камень,
Или статуя, сброшенная с своего пьедестала.
Байрон. (Англ.). – Ред.

2

Остальное тебе уже известно,
И все мои грехи, и половина моей скорби,
Но не говори более о покаянии...

3

Это он, это он! Я узнаю его теперь;
Я узнаю его по бледному челу...
Байрон. (Англ.). – Ред.

4

Во всех известных списках за стихом 577 следуют строки:

Я поднимаю знамя возмущенья.
Ура! Сюда все девы! Прочь терпенье!
Эти два стиха выводятся из основного текста как вариант стихов 578–579.
Одиннадцатистроочная строфа у Лермонтова не может содержать 13 строк. Из четырех смежных стихов с женскими рифмами два включены в строфу ошибочно. Оставляем в тексте наиболее вероятную из двух параллельных пар стихов.

5

Маркиз де Тесс. (Франц.). – Ред.

6

Сударь, это мое дело. (Франц.). – Ред.

7

«Ну, сударь, что я вижу?» – «Ах, это вы!»

«Что это за шум? Что вы делаете?» – «Я <...>!»

(Франц.). – Ред.

8

вдвоем (франц.). – Ред.

9

Мцыри на грузинском языке значит «неслужащий монах», нечто вроде «послушника».
(Примечание Лермонтова).

10

это мило?.. (Франц.). – Ред.

11

Покрывало. (Примечание Лермонтова).

12

Вроде волынки. (Примечание Лермонтова).

13

Верхняя одежда с откидными рукавами. (Примечание Лермонтова).

14

Стремена у грузин вроде башмаков из звонкого металла. (Примечание Лермонтова).

15

Шапка, вроде ериванки. (Примечание Лермонтова).

16

Чингар, род гитары. (Примечание Лермонтова).

17

Каин. Кто ты?

Люцифер. Властелин духов.

Каин. Но если так, можешь ли ты

Покидать их и пребывать с смертными?

Люцифер. Я знаю мысли

Смертных и сочувствую им, и заодно с вами.

18

Белое покрывало. (Примечание Лермонтова).

19

Род флейты. (Примечание Лермонтова).

20

Верхняя грузинская одежда. (Примечание Лермонтова).

21

Баранья шапка, персидская. (Примечание Лермонтова).

22

Род гитары. (Примечание Лермонтова).

23 Демон. Восточная повесть, сочиненная Михаилом Юрьевичем Лермонтовым.

Переписана с первой своеручной его рукописи, с означением сделанных им на оной перемарок, исправлений и изменений. Оригинальная рукопись так чиста, что перелистывая оную, подумаешь, что она писана под диктовку, или списана с другой. Сентября 13-го 1841 года. Карлсруэ. В придворной типографии В. Гаспера. 1856. (58 страниц).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://lermontovmikhail.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!